

БАРОТ БАЙКАБУЛОВ

ЛУЧЕЗАРНЫЙ КАРАВАН

Ташкент

*Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма*

1984

БАРОТ БАЙҚАБУЛОВ

ЛУЧЕЗАРНЫЙ КАРАВАН

ДЕНЬ И НОЧЬ

Роман в стихах

Ташкент

Издательство литературы и искусства имени

Гафура Гуляма

1984

Уз2
Б 18

Художник — Кутлуг Башаров

Байкабулов Барот.

Лучезарный караван. День и ночь. Романы в стихах./ [Пер. с узб. Г. Регистан и А. Каныкин]. — Т.: Изд-во литературы и искусства, 1984.— 352 с.

При создании романов в стихах «Лучезарный караван» и «День и ночь» поэта Барота Байкабулова волновали вопросы истории и современности, влияние давно минувших событий на утверждение высоких нравственных и познавательных начал в духовном облике строителя коммунизма.

Уз2

Б 4702570200—187 86—84
М 352(04)—84

© Издательство литературы и искусства им. Гафура
Гуляма, Ташкент, 1984 г. (перевод)

ПОСВЯЩЕНИЕ УЧИТЕЛЯМ

Известный поэт Барот Байкабулов посвятил нашим великим учителям два романа. «Лучезарный караван» посвящен самаркандскому периоду жизни основоположника узбекской классической литературы Алишера Навои. Поэма «День и ночь» — жизни и творчеству известного поэта и ученого Бабура — продолжателя традиций Навои в узбекской литературе.

Когда Алишер Навои вынужден был приехать в Самарканд, стихи его уже были широко известны всем любителям поэзии в Хорасане и Мавераннахре. В Самарканде он побыл недолго, но добрые воспоминания об этом времени не покидали Навои всю жизнь. Его окружили здесь заботой добрые друзья, интересные поэты, музыканты. Здесь он имел возможность общаться со знаменитым ученым и правоведом своего времени Ходжи Фазлуллахом Абулайсом. В 1469 г. Навои возвратился из Самарканда в Герат. Занял высокое положение в Хорасанском государстве, но всегда покровительствовал литературе, искусству, науке. В своей знаменитой «Пятирице», состоящей из пяти книг, он страстно проповедовал идеи гуманизма, добра и справедливости. Все свои стихи он собрал в единую книгу «Сокровищницу мыслей», состоящую из четырех самостоятельных диванов (сборников). Им были написаны литературные, научные трактаты, поэма «Язык птиц». Самарканд он любовно воспел в философско-дидактической поэме «Стена Искандера».

Б. Байкабулов творчески воссоздает годы, проведенные Навои в Самарканде, его общение с художественной и научной общественностью города, роль Навои в поэтической среде Самарканда, происки недругов поэта, доброе расположение его друзей и, наконец, возвращение Навои в Герат во главе лучезарного каравана. Одновременно это произведение — прекрасная песнь о Самарканде, городе, который известен всему миру как один из крупнейших центров науки, культуры и искусства, славный своими великими учеными, великолепными архитектурными сооружениями.

Барот Байкабулов каждую главу своего произведения назвал песнью. Каждая песнь — один воссозданный эпизод из жизни Навои в Самарканде. Мате-

риал автор почерпнул из исторических хроник, из произведений самого Навои. Перед читателем предстает великолепный образ поэта, мыслителя, который всю свою жизнь, весь свой могучий талант посвятил служению народу.

Перевод на русский язык восточной поэзии, особенно таких жанров, как муаммо, туюг, дело сложное. Поэтому места, связанные с муаммо на имя Бабура или муаммо Улаи Шоши, и переводы некоторых газелей в русском переводе недостаточно созвучны оригиналу. Но в основном поэту-переводчику Г. Регистану удалось передать поэтический пафос, которым пронизано данное произведение.

Деятельность узбекского поэта и ученого Захириддина Мухаммада Бабура (1483—1530) многогранна и противоречиво сложна. Она всегда была и будет предметом незатухающих научных споров. Однако все дискутирующие стороны неизменно сходятся в одном — Бабур на редкость одаренная натура, поэт и ученый. Захириддин Мухаммад Бабур родился в г. Андижане. Он был правителем этой области. Его попытки создать централизованное государство не увенчались успехом. Под военным натиском Шайбанихана он был вынужден отступить из Мавераннахра и Ферганы в Кабул. Далее Бабур обосновался в Индии. Ему не суждено было больше вернуться на родину.

Трогательно-печальная поэзия Бабура является воплощением высокой и чистой любви к Отчизне, страданий разлученного с Родиной поэта. Его известные мемуары «Бабурнамэ» представляют научную ценность как универсальный источник сведений о жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии. Именно эти стороны деятельности Бабура тонко подметил Б. Байкабулов и вывел их в центр своей поэмы.

Поэму о Бабуре перевел на русский язык Аркадий Каныкин. Поэтический слог переводчика ясен и плавен. Он созвучен с мелодией оригинала, стихами самого Бабура, которым свойственны простота и глубина содержания.

Поэт Б. Байкабулов, посвятив памяти великих творцов и учителей два романа, свершил благородное дело. Пусть, выражаясь словами гениального Навои, — «душа народа да примет его!»

Азиз Каюмов

ЛУЧЕЗАРНЫЙ КАРАВАН

Не ведаю, из-за какой провинности Абу-Саид выслал его из Герата.

Из «БАБУРНАМЭ»

Эмир Алишер до службы у Мирзо некоторое время был приближенным Султана Ахмада Мирзо в Самарканде... и удостоился должности «эмир чагатайский».

Из «ТОМУТ-ТАВОРИХ»

*Когда был Хорасан низвергнут в ад,
Покинул грустный Навои Герат.
Душой он в древний Самарканд стремился,
Хоть грудь его терзала боль утрат.*

Из поэмы «АФРАСИАБ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Цветник, восхищающий нас, — Навои,
Поэзии дивный алмаз — Навои,

Сиянье души, вдохновения сад,
Где яркие строчки лучами горят.

В сад этот цветущий ступил я едва,
Как стали светиться, лучиться слова:

Как будто устода я встретил в тот миг,
К нему, как к глазам тугиё, я приник.

И вот на поклон мой великий угод
Мне благословение ласково шлет.

И вспыхнул красою невиданной сад,
В глазах все сокровища мира рябят.

Мой разум растерян от их волшебства.
Кружится от ярких картин голова.

Мир целый открыл нам цветник Навои.
Вспоил всех устодов родник Навои.

Взгляни, среди садов с озаренным челом,
Гуляет Айбек — совершенство во всем.

В огне его сердце, в душе соловьи —
Он вечную славу поет Навои.

Всю ночь мог Уйгун с Навои говорить,
Чтоб утром народу стихи подарить.

Гафур ал Гулям, властелин наших слов,
В любви к Навои черпал силу стихов.

Дав руку поэту, Хамид Алимджан
Прославленным стал среди поэтов всех стран.

Айни жемчуга Навои собирал.
Судьбу навсегда Саади с ним связал.

Речь Шарафиддина сиянья полна —
Блеск тайного клада вобрала она.

В краю самаркандском Вахид Абдулло
Следам Навои дарит годы светло.

Тот факел, что поднял для всех Алишер,
По странам планеты проносит Яшен.

Воистину свято Захидов Вахид
Стихи Навои воспеваает и чтит.

Устоду поклон Шейхзаде отдает,
Когда он по царству газелей идет.

И сердце поэта — Иззат ал Султан,
Стремясь к совершенству, прочел, как дастан.

Хамид Сулейман красноречьем горит —
Он клад Навои рукописный хранит.

Каюмов Азиз восхищен, изумлен,
«Хамсы» волшебством его взгляд озарен.

Приветливый нравом, устоду он мил,
На счастье поэт его благословил.

Огнем Навои, обжигающим мир,
Горел пронизательный Абдулкадыр.

Он энциклопедию знаний хранит,
И, гения славя, сам стал знаменит.

В нем Абулгафур суть сумел отыскать,
Чтоб мудрое слово народу сказать.

О скольких людей Навои приласкал,
Стихом он народ за собою позвал.

Чтоб в жизнь воплотились поэта мечты,
Им создан возвышенный мир красоты.

Возник в честь него дивный город в песках,—
Подобно «Хамсе» будет жить он в веках.

И я с юных лет в лад с поэтом пою,
В руке своей держит он руку мою.

Я светом священным его озарен,
Я жизнью священной его восхищен.

Меня Самарканд взял в объятия свои,
Здесь юность когда-то прошла Навои.

И я по следам его ночью и днем
Бродил, опаленный прекрасным огнем,

Огонь заронил Навои в мою грудь,
И благословил Самарканд этот путь!

Фани — от персидского мне он вручил,
От тюркского — мне Навои подарил.

И вот, в сорок лет стал народу я мил,
С лучистым поэтом я жизнь свою слил.

И на мавзолей Навои я, как мог,
Стихи возложил и, как свечи, зажег!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Рассвет на ресницах Герата горит,
Сквозь шелк проступает лик юной зари.

Внезапно азана¹ пронзительный глас
Небесный портал гулким эхом потряс.

Скорбящий, в сердца заронил он печаль,
И с мраком ночным улетучился вдаль.

Глаза протирая, Герат не спеша
Встает, облетевшей листвою шурша.

Бурливым потоком народ, пробудясь,
К соборной мечети плывет на намаз.

Мгновенье — и гулом весь город объят,
Сады и проспекты звенят, голосят.

Похож на взъерошенный улей базар,
Как пчелы, купцы тащат в лавки товар.

С волнением дружно учащийся люд
Спешит к медресе — юных знания ждут...

¹ А з а н — призыв к утренней молитве.

Давно уже в путь снаряжён Алишер,
В раздумье душой погружен Алишер.

А небо нахмурило брови слегка,
Как штюпка, белеют на нем облака.

Тюльпановой зорькой одет Кухистан,
На солнце, заждавшись, глядит Хорасан.

И сам Алишер глаз не сводит с небес.
Он видит, что мрак с них, растаяв, исчез.

И мнится поэту — один человек
В объятиях тьмы остается навек.

Те мысли печальные душу гнетут,
И в лодке без весел раздумья плывут.

Но молния вдруг распорола печаль —
Зовет его путь справедливости вдаль.

И лодкой надежды сквозь мрак и туман
Явился глазам Мухаммад-пахлаван.

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Мой друг, ассалам! Как здоровье, мой брат?
Скажи, почему так печален твой взгляд?!

НАВОИ

Увы, одиночество душу порой,
Как пика, пронзает, мой друг дорогой!

Душа, мавляна, без друзей не живет —
Без друга душа, как без крыльев полет!

Когда от бедняги ушли вы вчера,
Тьма в пасть свою свет забрала до утра.

Не смог ни на миг я сомкнуть своих глаз,
Печаль над душой пятернею взвилась.

Стремясь исцеленье найти для души,
На зорьке газель сбчинил я в тиши.

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Ах, как буду рад я услышать ее,
Вы знаете к ним отношенье мое!

НАВОИ

«Имей я крылья, улетел отсюда бы пока крылат.
В полете крылья бы спалил — пешком ушел бы,
жизни рад.

А мир покину — почему не стать мне другом для
Исо¹? —

От одиночества ведь я крылатой мудростью богат.

Не счесть печалей, что нажил за жизнь я от бесед
с людьми,

Хоть сотню жизней им отдай — одну печаль верну
назад.

Пусть сотню мук я от врагов и от любимой претерпел,
Нет дела людям до меня — так муки чьи меня
смутят?!

Ослепну, разойдусь с людьми, и все же напишу
письмо —

В чернильнице из чаши глаз чернила черных глаз
блестят.

Душа зовет в долины те, где не бывала и Анко².

Во мне — терпенье Коф-горы³ в преодолении преград.

¹ И с о — святой, пророк.

² А н к о — мифическая птица. Анконинг тухуми — яйцо птицы Анко — так говорят о чем-то трудно достижимом или совсем невозможном.

³ К о ф — название неких сказочных великих гор.

Эй, Навои, а если шах вниманья мне не
уделит,
Великодушие во мне найти напрасно
захотят*.

И другу газель протянул Навои,
Позвав за собою в покои свои.

А тот, потрясенный, на миг онемел,
Хоть в сердце восторг от газели звенел.

Вот новые гости взошли на порог,
При виде Лутфи слез сдержать он не мог.

С ним Фасихиддин — сам великий устод,
И Ходжа Афзал — друг любимый — идет.

И сердцу они подарили рассвет.
Навстречу друзьям устремился поэт.

В объятья души заключил он сердца,
Клад сердца рассыпал им, как из ларца.

НАВОИ

Священным шагам вашим честь и хвала,
Болезнь, что терзала мне сердце, ушла.

Приход ваш приветствует солнечный свет —
Я весь лучезарностью вашей согрет.

ЛУТФИ

Мой друг Алишер, гений ваш так велик,
Что радость для скромных увидеть ваш лик!

Сплелись наши души — нет крепче канвы,
Но старость, мой сын, подступает, увы.

Вражды острие душу рвет все сильней,
Меч мерзости кровью окрашен моей.

НАВОИ

Нуждою и горем народ мой забит,
Прекрасное зданье в руинах лежит.

ЛУТФИ

Так не покидайте нас, Алишербек,
Без нас счастье келью покинет навек,

И склонится дерево жизни моей,
Под ветром дрожа от листвы до корней.

НАВОИ

Устод, я и сам расставаюню не рад,
Но вынужден все же покинуть Герат,

Тоской по Герату душа зажжена,
Но воля моя в руки мне не дана!

ФАСИХИДДИН

Вас не удержать нам, отъезд предрешен,
Но в душах останется жалобный стон.

Ведь вы помогли на нелегком пути
Нам счастье в родном Хорасане найти.

ХОДЖА АФЗАЛ

Правдиво великий устод говорил —
Ваш свет небеса наших душ озарил.

Народ с вас не сводит восгорженных глаз,
Пожертвовать жизнью готов он за вас!

НАВОИ

Душа у народа в крови тяжких ран,
Изранен мечом мой родной Хорасан.

Как сердцу мне успокоенье найти,
Каким мне путем избавленье найти?!

«Драконом, привыкшим огонь изрыгать,
Шах хочет все в мире богатства забрать.

Надеяться на милосердие шаха —
Как что-то из пасти дракона отнять!»

ЛУТФИ

Вы правы во всем, верблюжонок вы мой,
Бессильны добиться мы доли иной.

Слезами людскими бурлят русла рек,
В хибарки их — солнце не входит вовек.

Коль пасти дракона душа избежит,
Мир кладом сокровищ ее наградит.

И пусть мы от мук расставанья скорбим,
И пусть предстоящей разлукой горим —

Но вас Самарканд благодатнейший ждет,
Он климатом дивным свет душам несет.

Цветник — для великих мыслителей он,
Стал для Улугбека — обителью он.

И я ел хлеб-соль в этой доброй стране,
Жемчужины слов там дарили и мне.

Я мудрость там пил, как из щедрой реки,
С ним, слившись, мы стали духовно близки.

И вам Самарканд предназначен судьбой,
Стать другом для вас будет рад там любой.

НАВОИ

Устод, никогда не забуду я вас,
Слова ваши силы дают мне сейчас.

И если нам свидеться не суждено,
Следы ваши вызолочу все равно.

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Народ Хорасана разлуке не рад,
Но верим, что вы возвратитесь в Герат.

Пока же — мы будем вас там навещать,
Чтоб жизнь властелину газелей отдать.

НАВОИ

О вас буду помнить все дни напролет,
Ведь сад этой жизни друзьями цветет.

Увы, нас оставив, ушел Ардашер,
Нас плакать заставив, ушел Ардашер.

В ином он краю, что поделаешь тут,
Но в нас — наставленья святого живут.

ФАСИХИДДИН

Коль солнцем в душе светит к другу любовь,
Отступит беда перед радостью вновь.

Ушел Ардашер со спокойной душой —
Дом в сердце друзей он построил большой.

Прощаем мы вас за прощания час,
Назад возвратившись, обрадуйте нас!

ПАХЛАВАН МУХАММАД,

Таким этот мир сотворен на века.
Сидящий — цинковка, идущий — река!

2

Над Гератом в блеске солнца даль светла.
Синь целуют минаретов купола.

Всех цветов, как в зеркалах, сверкает вязь,
А в цветах плывет мелодия, змеясь.

Купол Гавхаршодбегим в голубизне,
Рядом голуби танцуют в вышине.

А голубки на порталах гнезда вьют,
Воробьи галдят, считая, что поют.

Льется жаркое сияние палат,
Двери солнцу распахнув, дома стоят.

Жадно пьет росу с листвы зеленой свет,
В этот свет, как в нежный вздох, весь мир

одет

И от дивной той картины долгий срок
Оторваться Навои никак не мог.

А потом велел коня он оседлать,
Не забыл любимцу гриву погрепать,

Уложил в хурджун запасы, а в футляр
Уложил диван Лутфи — бесценный дар.

И друзья вдевают ноги в стремяна.
Тайных слез глаза застлала пелена.

Кони тронулись под drobный стук копыт,
Скорбно келья Навои им вслед глядит.

И Бустон-Гузар грустит на всем пути,
Навои следы прижав к своей груди.

Он же выехал на улицу Малик,
Кандахор-базар его увидел лик.

И была в его душе печаль-тоска,
Словно крепость Ихтиериддин крепка.

А когда мечеть Джаме он проезжал,
Дух поэзии в душе его разыграл:

«Целый мир в тебя, мечеть Джаме, включен,
Твой портал подобьем неба вознесен.

И Герат, как мир, раскинулся кругом —
Так два мира и живут один в другом!..»

И хоть город самый лучший он любил,
Неизбежный час разлуки наступил.

И с мятущейся душой, в глухой тоске
Он подъехал тихо к Херируд-реке.

На нее с Пули Молона он глядел,
Солнца диск в воде, как золото, горел.

А с Тахи Сафара стала в миг видна:
Дорогая для него Давлятхона,

Та земля, где он родился в светлый миг,
Та земля, где в сердце свет стихов проник.

И не в силах подавить печальный вздох,
Он поехал по дороге в Гозургох.

Но не только с ним друзья летели в ряд,
Провожая, рядом с ним летел Герат.

Вдоль рядов торговых — шум людских стра
стей

Лавки тянутся цепочкой журавлей:

Переплетчики, посудники, купцы,
Ювелиры, гончары и кузнецы —

Всем салам свой Навои шлет по пути,
Прижимая руку вежливо к груди.

И народ глядит ему с любовью вслед,
Он теплом лучистых слов его согрет.

Мчит за конными ватага ребятни,
Флсйте в лад поют залиvisto они.

И волна добра в душе его растет,
Тьму сластей он из хурджуна достает,

Награждает ею детвору сполна,
Чтоб она была искусству век верна.

И детишки благодарность воздают —
И сильней, и озорней они поют.

Пальцы щелкают, мелодия звенит,
И душа за нею тянется в зенит...

К Хиёбону мчит отряд — там у ворот
С нетерпеньем караван поэта ждет,

Ожидает озабоченный сарбан —
Он в Мавераннахр готовит караван,

Ждут купцы его, в руках у них камчи,
А у бедер бадахшанские мечи,

На тулпарах сбруя излучает жар,
На верблюдах — самый редкостный товар.

Завершив к рассвету все дела свои,
Ждали путники с волненьем Навои.

Потому к воротам городской стены
Все резвее гарцевали скакуны.

И в глазах сарбана вспыхнул добрый свет,
Он увидел — приближается поэт,

И шагнул навстречу с радостью такой,
Словно грудь он ветерку подставил в зной.

А потом сарбан Лутфи отдал поклон,
Приказал слуге конем заняться он.

За устомом вслед, беря с него пример,
Ноги вынул из стремян и Алишер.

О здоровье расспросил его сарбан,
Сообщил, что ждет с рассвета караван.

Благодарно Алишер сказал в ответ,
Что такую доброту он согрет.

А друзья его горюют и грустят,
Опечаленно в лицо его глядят.

Но не сдался в плен невзгодам Алишер,
В душу жар вдохнул устоду Алишер:

НАВОИ

Не печальтесь, мой устод, из-за меня,
Не туманит пусть слеза сиянье дня.

Хоть веленье рока вдаль судьбу влечет,
День придет — и кривда свой конец найдет.

Шахи мнят, что мир стоит на них одних,
А случайность опрокидывает их.

Нет уж, лучше пусть того на свете чтут,
Кто в потоке слов отыщет изумруд...

Мудрость слов прекрасных оценил Лутфи.
Похвалой ученика почтил Лутфи.

С Алишером разделил он боль его,
Оделил богатством сердца своего,

ЛУТФИ

Да, мой сын, не только умный вы джигит —
Беркут вы, что ввысь с вершины слов летит.

В вашей речи и сверкают, и цветут
Перлы тюрков, слов бесценный изумруд.

С детства вам до глубины ее, до дна
Люда бедного поэзия ясна.

Ей я тоже раскрывал всего себя,
Ей я тоже отдавал всего себя.

Словно жизнь мою, родной язык берег,
Чтоб меня благословить народ мой мог.

Кто не может оценить язык родной.
Будет проклят в поколениях, как изгой.

Вы же, сын мой — и надежда, и оплот,
Что народ наш совершенство обретет.

НАВОИ

Мой устод, пока живут душа и плоть,
Совесть чистую мою не обороть.

Дух народный с молоком впитал я в кровь,
С молоком впитал я к тюркскому любовь.

Все стерпеть я за родной язык готов,
В дивный клад добавлю новый жемчуг слов.

ЛУТФИ

Счастье пусть, мой сын, для вас года несут,
Пусть всегда гордится вами бедный люд.

(И обняв поэта, речь свою прервал,
И к сарбану повернувшись, так сказал):

Алишера вам вручаю я, сарбан,
Верю, сам аллах в защитники вам дан.

Да минуют вас опасности в пути,
Чтоб легко до Самарканда вам дойти.

Берегите Алишера. Верю я —
И в чужом краю оценят соловья.

Он — очей моих зеница — Алишер,
Он — души моей частица — Алишер!

САРБАН

Не тревожьтесь, ваша светлость, путь далек
Но в дороге он не будет одинок.

Ваш слуга влюблен в газели с детских лет
В мире нету званья выше, чем поэт.

В этом мире счастья выше не найти,
Чем общаться с Навои самим в пути!

ЛУТФИ

За слова такие честь вам и хвала,
Дни святые вам судьба прожить дала.

Чтобы не попал мой Алишер в беду,
Дни и ночи я в молитвах проведу.

Буду глаз с дороги вашей не спускать,
Дай-то бог, мой сын, увидеть вас опять!

НАВОИ

Ваша светлость, буду знать я вдалеке,
Что моя отчизна в вашем цветнике.

ФАСИХИДДИН

Мавляна Лутфи, за тюркских слов полет
И страна вас полюбила, и народ.

Наши души взяв с собою, Алишер,
Нас лишили вы покоя, Алишер.

ХОДЖА АФЗАЛ

Голубей желаний нам не удержать.

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Слез кровавых нам в тоске не избежать.

НАВОИ

Дорогие, вы опора для меня.
Да не видеть в жизни вам печальней дня.

Для меня же выход — в дальней стороне,
Выход в том, чтобы Герат покинуть мне.

Пусть, друзья, повсюду с вами будет бог,
В жизни пусть к вам благосклонным будет
рок.

Пусть удача в начинаниях вас ждет,
И вниманьем Хорасан не обойдет!..

...Тут Лутфи слезу невольно уронил,
Душу болью он святой воспламенил:

ЛУТФИ

В этом мире будьте счастливы и в том.

ХОДЖА АФЗАЛ

Вашу доброту мы в сердце пронесем.

ФАСИХИДДИН

Пусть удачу вам аллах пошлет опять.

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Будем весточки, бог даст, вам посылать.

НАВОИ

Вам счастливо оставаться! В путь пора!

ХОДЖА АФЗАЛ

том пути желаем счастья и добра!

ФАСИХИДДИН

Нам и золотом осыпать вас не жаль!

ЛУТФИ

Алишер мой, счастлив будь! И с богом вдаль!

ПАХЛАВАН МУХАММАД

Пусть сопутствует на всем пути вам бог!

ЛУТФИ

Пусть, как солнце, будет ваш удел высок!

НАВОИ

Коль устод благословил ученика,
Мир богатства дал ему он на века!..

И Герат покинув, от его ворот
К Самарканду караван уже плывет.

Белоснежный рядом с ним летит тулпар.
А в сердцах друзей горит тоски пожар.

Мухаммад же от Герата примиком
В лагерь Байкары отправился тайком.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Тулпар белоснежный над степью Киёк
Летит — и Герат загрустивший далек.

Грустит он, как мать, как бывает одна
Жемчужина в нитке кораллов грустна.

И с Кухи-Сафед попрощался поэт,
Блеснула река Херируд ему вслед.

В растерянном сердце скрывая тоску,
Простился и с Кухи-Сиех на скаку.

Плывет караван под трезвон бубенцов,
Под говор и споры премудрых купцов.

И эхо слетает замедленно с гор,
Как падают листья в осенний простор.

И льются беседы, которым под стать
Не только в Мешхеде базар украшать.

Рим могут украсить они и Багдад,
В них краски и Кеша, и Шаша горят.

Кашмирский — из соболя — в них палантин,
Китайский фарфор, бадахшанский рубин,

Ножи из Ургута, что злобно остры,
И рыжее золото из Бухары.

По миру их думы шагают, легки,
В их чинных беседах цветут цветники.

Они об удачах ведут разговор,
И гордо, победно сияет их взор.

Цвет пышных базаров, купчества знать —
Под силу им всё и купить, и продать!

Листают они Самарканд, как трактат,
И выслушать рад их уроки Герат!..

Идет караван, оживляя пески,
Змеится подобием звездной реки.

Купцы в серебристых чапанах бодры,
Спасенье для них — аския¹ от жары.

В дороге душою свободен поэт,
На острую шутку он ищет ответ.

И вот, наточив аскии острие,
Противнику в грудь он вонзает ее.

А если вдруг рвалась шутливая нить,
Он ловко спешил ее соединить.

Играя словами, веселый на вид,
Скрывал он, что боль в его сердце царит,

Что он, окруженный любовью вокруг,
В душе своей прячет тяжелый недуг,

Что мир наш раздольный, по сути — иной,
Он — тесная клетка с решеткой стальной.

От этих раздумий страданья одни,
Терзают смятенное сердце они.

Ждал тщетно он, кладезем знаний богат,
Что помощи руку протянет Герат.

И земли отца, и подворье и кров,
Ягнят и овец, лошадей и коров —

Султан отобрал, беспощадно жесток,
И тем на мытарства поэта обрек.

Напрасно в poste надежда жила,
Что милость Султана поправит дела,

¹ А с к и я — соревнование в остроумии и острословии.

Напрасно к нему во дворец он ходил,
Напрасно вернуть состоянье просил,

Напрасно искал покровителя он,
Хоть в кровном родстве был с правителем он.

Такая пора, к сожаленью, пришла,
Двор славный Бабура разрушен дотла.

Чужие сравнивали с землею его,
Бессильному помощи ждать от кого?

Так гордость земли хорасанской — поэт —
Скорбел, а не жил от бесчисленных бед.

Так славы и чести корона снята,
Светило зашло и пришла темнота.

Сторонникам Абулкасыма пришлось
Мотаться, как розе бездомному ос.

И грудь Навои вести черные жгли:
Те — изгнаны, эти — конец свой нашли...

Мятеж в Бадахшане, как факел, горит,
Но злобой пыхтит уже Абусаид,

Кровавой рукою за горло народ
Схватил он — пусть пламя свободы умрет.

А друга чудесного, с кем Навои
Был близок, слагая газели свои,

Поэта Лаъли, Бадахшана царя,
И сына его чудо-богатыря,

Сам, собственной саблей Султан зарубил,
Тюльпан Бадахшана в крови загубил.

Напрасно в груди у Султана поэт
Пытался зажечь милосердия свет,

Разящей руки удержать он не смог,
К себе только мезтью Султана зажег.

О, род Кураганов!.. Ужасные дни!..
Ведь внуки Мирзо Улугбека они!..

В борьбе за корону — убийства, война,
В тюрьму даже мать ими заключена.

От мести кровавой жизнь трудно сберечь,
И поднял поэт справедливости меч.

Пусть сгустками крови душа изойдет,
Он вновь с челобитной к Султану идет,

Вновь ищет поэт справедливости свет,
Султан же не вымолвил слова в ответ.

Терпения чаша полна до краев,
Тирана под корень срубить он готов.

Нуждался в руке покровителя он,
Но счастьем по-прежнему был обойден.

И лишь Байкара, его друг дорогой,
За трон Хорасана вел бой, как герой.

Одна в них надежда и вера жила,
Единая цель у обоих была.

А дяди поэта, той цели верны,
Пошли с Байкарой по дороге войны.

И львом — Мирсаида не зря нарекли,
И богатырем — Мухаммада Али.

Конечно, Султан обо всем этом знал
И черную злобу к поэту питал,

Что мог от него Навои ожидать?
Над ним измывалась придворная знать.

Ему не вернули наследство отца,
Скорбел Хорасан, видя беды певца.

И хоть был участием друзей он богат,
Чужим для него стал казаться Герат.

Тогда дал Лутфи ему светлый совет,
И духом немного воспрянул поэт —

В тиши Самараканда найдет он приют,
В Герате его только горести ждут.

И даже опасен для жизни Герат —
Враги ему кознями злыми грозят.

А если подлец вдруг надумает мстить,
Не сможет певца и Лутфи защитить.

Так принят был мудрый устода совет.
И вот — на пути к Самарканду поэт.

Он скачет, своим приключениям дивясь,
Теряя с друзьями далекими связь.

Путь этот тянулся и ночи, и дни.
В степи мудрецы — только звезды одни.

А звезды людские терзает Герат,
Надежд зеркала их в осколках лежат.

Так думал поэт в бледном свете луны,
Где явь с миражами в одно сплетены.

Душа говорила — не кайся, поэт,
Расцвета надеждам растоптанным нет.

Бессильно перо, что бредет по степи.
Разлука судьбой нам дается. Терпи!

2

В благодатной Маймане, в Чахор-боги,
Чуть блестят, переливаясь, огоньки.

Караван усталый спит среди тишины,
Спят верблюды, задремали скакуны.

В главном зале, где колонны держат спод,
Свет свечей, почти сгоревших, люстра льет.

Непробудным сном уснул торговый люд,
Он не видит, что лучи зари встают.

Навои один не спит в рассветный час,
На бумагу боль души всю ночь лилась.

Он в плену газели прожил до утра,
Содрогалась боль на острие пера.

И рассвет встречает с вдохновеньем он,
Как свеча горит он, с другом разлучен.

И не знает он, тоскуя до утра,
Что узнал уже о ссылке Байкара.

Словно ветер, полетев за другом вслед,
В Маймане уже встречает он рассвет.

Десять преданных нукеров рядом с ним.
Но одним желаньем Байкара томим —

Все вокруг сады и цветники пройти,
Чтобы друга долгожданного найти.

Алишер же в это время вышел в сад,
Старцу мудрому — садовнику он рад.

И садовник поклонился — ассалам! —
Вдохновения, поэт, желаю вам!

Алишер в саду калитку распахнул,
На дорогу опечаленный взглянул,

И плеснуло пламя радости в глаза
Так, что светлой искрой вспыхнула слеза.

Испытавший столько боли, столько бед,
Оказался вдруг в объятиях поэт.

И текли у двух друзей по их щекам
Слезы радости с печалью пополам.

Наступил разлуки тягостной конец,
Их забрало в плен волнение двух сердец.

Оказались души между двух огней —
Грусть и радость в них горели все сильней.

ХУСЕЙН БАЙКАРА

О горестях ваших все, друг, я узнал.
Что делать, от распрей я тоже устал.

Грустил с Мухаммадом я вместе не раз,
Что сам я обрек на скитания вас.

Но мы одержали победу в боях,
Таршиз, Нишапур ныне в наших руках,

В Мешхеде покой, мир пришел в Абивард.
И все же не наш, дорогой мой, Герат!

НАВОИ

Горжусь я, что вы откровенны со мной.
Где путь, чтобы цели достигли вы той?

Победа тогда лишь придет, если в бой
Народ весь поднимете вы за собой.

ХУСЕЙН БАЙКАРА

Я знаю, народ на моей стороне,
И счастлив я, что доверяет он мне.

Пусть счастье и вам улыбнется сполна,
Как в летнюю ночь молодая луна.

Отец ваш почтенный был всеми любим,
Считал Самарканд его другом своим.

Ему благодарен был город не раз,
Пусть дух его станет опорой для вас.

Эмир Самарканда к вам тотчас придет,
В султана Хасане друг новый вас ждет!..

НАВОИ

Родитель мой — край самаркандский любил,
Порой до зари он о нем говорил,

А утром опять он рассказ повторял —
Друзей, словно солнце, рассказ озарял.

Он знал Абулайса, дружил с мудрецом,
Эмир Арханги вырос вместе с отцом.

Хоть все в этом мире уже решено,
Прочесть книгу судеб, увы, не дано.

Хоть нищий — унижен, а шах — господин,
Но люди они, и конец их один.

Как много дорог в мире брэнном кругом,
Но все мы — одною дорогой пойдем.

И людям опорю мира не стать,
За день мы успеем судьбу исчерпать.

Но пусть лишь на миг мы всего рождены,
Пока мы живем, в этот мир влюблены!

ХУСЕЙН БАЙКАРА

Вы вновь потрясли меня, Алишербек,
Запомню я это мгновенье навек.

Душа задрожала, как осенью лес,
Без вас — мои стоны достигнут небес.

Что делать, кончается время мое,
Заждались и знамя, и стремя мое.

Сожжет мою душу разлуки огонь,
Но вновь к Нишапуру помчится мой конь.

НАВОИ

Мой друг, вами будет доволен народ.

ХУСЕЙН БАЙКАРА

А вас Самарканд с нетерпением ждет.

НАВОИ

К победам пусть знамя ведет вас в бою.

ХУСЕЙН БАЙКАРА

А вы вспоминайте отчизну свою.

НАВОИ

Пока во мне жизни огонь не погас,
Клянусь, буду вас навещать я не раз.

ХУСЕЙН БАЙКАРА

А я помогу вам вернуться в страну,
Когда Хорасану цвет жизни верну!..

...День встал над землей. Наплывала жара:
Пришла для друзей расставанья пора.

Танбур застонал, и печальный, как вздох,
Обнял Майману он напевом «Чоргох»!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

У подножий гор Ургута, что стоят
В золотых чапанах, выстроившись в ряд,

Караван шагал, и путники, дивясь,
Кружевных садов разглядывали вязь.

А поэт душой, как прежде, был во мгле,
И покачиваясь в дорогом седле,

Горьким думам предавался Навои,
Вспоминая дни счастливые свои.

Видел в зеркале мечтаний он Мешхед,
Где Ходжою Мухаммадом был согрет,

Где Камолом Турбати с любовью он
Был к познаниям сокровенным приобщен.

Но султан Абусаид, увы, жесток,
И пришлось покинуть медресе порог.

Жизнь была ему от горя не мила,
В нем мелодия печальная жила.

Он с душою окровавленной во мгле,
Как помешанный, бродил по махалле.

И казалось, кто-то мерзкий, сея тьму,
Плюнул в душу, дал пощечину ему.

Стон народа, что в Мешхеде слышал он,
Тяжким вздохом и в его вливался стон.

В одиночество, как в степь, бежал поэт,
Степь безводною была, в ней жизни нет.

К люду бедному он пробовал примкнуть,
Реки скорби потекли поэту в грудь.

Но никто его вокруг не пожалел,
И Герат его, как друг, не пожалел.

Светлый миг среди степей и среди скал
С Пахлаваном Мухаммадом он искал.

И однажды перед ссылкой поэт
С другом верным заглянул в Боги Сафед.

Вдруг с кувшином перед ним бедняк предстал:
«Водонос я. Звать Юсуфом», — он сказал.

«Почему, — он жаловался, — может знать
Хлеб, что честно заработан, отнимать».

ЮСУФ

Извините, дорогой Алишербек,
С Пахлаваном мы давно друзья на век.

Знает он, что тем живу я и дышу,
Что народу в зной я воду разношу.

По базару я летаю день-деньской,
Мне иначе не прожить с моей семьей.

Сам я голоден, разут, полураздет,
Лишь вода реки — доход мой на обед.

А сегодня на базаре в самый зной,
На беду визирь столкнулся вдруг со мной.

Он в себя и на себя всю воду слил,
Но за это и таньги не заплатил.

Ясаула мне помочь я попросил,
Он прогнать меня с базара пригрозил.

И напрасно — только печень надорвал —
У порога резиденции стонал...

Потемнел от гневных мыслей Навои,
Думы высказал он тайные свои:

НАВОИ

Юсуфбек, какой бы ни была беда,
Не придет султан на помощь никогда.

Доброта султану богом не дана,
Лишь могилою исправишь горбуна.

Ну, а пес, — продолжил грустно Алишер, —
Пес во всем берет с хозяина пример.

На визиря обижаетесь вы зря —
Коршун он у хорасанского царя.

«Ведь и нищий — лишь у царского крыльца
Ощутит подачки горечь до конца».

При дворе великодушья тщетно ждать,
Труд ваш может лишь народ один понять.

Так к чему печальный стон ваш и тоска,
Вот, Юсуф, на благо от меня — таньга.

ЮСУФ

Пусть вам богом путь счастливый будет дан,
Наизусть газели ваши Хорасаң

Пусть запомнит, дорогой Алишербек,
Пусть длинней, чем у Лутфи, ваш будет век!

...Дар потер он о глаза, и бос, и гол,
По лицу, молясь, ладонями провел.

Сотни раз сказал: почет вам и хвала!
А в поэте — сожаленья грусть росла...

И еще одну он встречу вспомнил вдруг,
И сомкнулись вереницы болей в круг,

Потому что после встречи той — покой
Потерял душой, сжигаемой тоской.

Шел он, пятничный намаз исполнив в срок,
И в пыли увидел нищенку у ног.

Жалость острая пронзила жалом грудь,
Продолжать не мог поэт спокойно путь.

Кошелек достав, в него он заглянул,
И таньгу ей с добрым словом протянул.

А она зарделась, словно маков цвет:
Счастья светлого желаю вам, поэт,

В этой жизни пусть придет к вам торжество!..
Та таньга была последней у него.

Но не зря он был друзьями окружен —
И теперь безбедно едет в ссылку он.

Мысль об этом озарила вновь чело,
И на нем улыбки солнышко взошло...

Мост через Джейхун проходит караван —
Под Термезом будет отдых ему дан.

А поэту, полноводна, широка,
Взволновала душу буйная река.

И хакиму посвятил поэт стихи
О Термезе благодатном у реки.

И целуя Алишеровы следы,
Степь Нахшабская¹ просила: «Дай воды!»

Потрясен, на Кеш смотрел безмолвно он,
Красотою Аксарая был пленен.

Перед ним взметнулись горы — сила, стать! —
Свежесть родники ему спешат отдать.

Птица райская там пела для него,
Вечность там с вершин глядела на него.

...Отдохнув в саду, где роз алела кровь,
Караван из Кенагаса вышел вновь.

В Ташкесаре сделав маленький привал,
К Самарканду вновь он плавно зашагал.

Слева — горы до закатной стороны,
Справа — маленькие кишлаки видны.

Всюду степь — камней и зноя забытье,
Окрестил «Пустыней Миср» народ ее.

А вдали, у горизонта, сплошь сады,
Признак города большого и воды.

¹ Н а х ш а б — древнее название Карши.

Изнуренный караван прибавил шаф,
Словно сил остаток он зажал в кулак.

И в глазах у Навои — надежды луч,
И в душе его — он светел и могуч.

На открывшийся перед поэтом вид
Зачарованно с тулпара он глядит.

В нем — поэзия хрустальных родников,
Самаркандских, золотых насквозь, садов.

Улугбек целует неба синеву,
Как мизан¹, его раздумья вдаль плывут.

Вслед глядит им Ак-мечеть со стороны.
Станным чувством и душа, и ум полны.

Караван встречает роц и улиц звон.
Слезы радости в глазах у Мулиён.

И волнением Навои объят одним —
Это город Улугбека перед ним.

И порталу Гурэмира, и дворцам,
И садам сказал он — Самарканд, салам!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Даль в золоте солнца светла и ясна.
С улыбкой вставал Самарканд ото сна.

Судьбою своей он, как солнцем, сверкал,
И грудь его ветер Кухака ласкал.

¹ Мизан — серебряная паутинка, летающая в воздухе осенью.

В сиянии чистом купались сады,
Где осень плела золотые следы.

Уже опустела мечеть Мукатта,
А на Регистане зато теснота.

В огромном дворе чайханы Мирзойи
Рассвет нити шелка развесил свои.

Сбежались купцы — их волнует вопрос:
Что им караван из Герата привез.

Зато в чайхане Мирзойи тишина,
Согрета беседою доброй она.

И слово почтения, и слово любви
Для старых и малых нашел Навон.

Потом осмотреть Самарканд он решил,
Навстречу желанью души поспешил,

Навстречу волненью, которое в нем
Горело таинственным жарким огнем.

Сей город считался ведь солью земли,
В нем явь — все красоты земли обрели.

И ныне поэту возможность дана
Испробовать соль его жизни сполна.

Зовет мавзолее Улутбека его,
В мечети Джума — красоты торжество.

Чарсу перед ним чудом зодчих предстал —
Как вышитая тибетейка, портал

Раскрытые лавки, как пасти акул,
Базар — пулоти¹ ароматом дохнул.

Улыбки купцов ярким звездам сродни,
Товар до небес превозносят они.

Есть все, что захочешь — атлас, бенорас² —
Зато и ценой оглушают здесь вас.

От арб у Чарсу все тесней и тесней.
Пышней, чем на куклах, наряды коней.

Вокруг Навои все грохочет, гремит,
А он, онемев, под порталом стоит.

На нем голубой, цвета неба, наряд —
Подарок друзей, твой подарок, Герат.

И светлым восторгом он сам осиян —
Ведь древний, как мир, перед ним Регистан.

Места эти, словно для глаз тутне,³
Вон там — Улугбек завершил бытие.

А рядом — во всей небывалой красе,
Глаза изумляя, стоит медресе.

Волна восхищенья росла и росла.
Он статуей стал, онемел, как скала.

Кто создал цвета, что цветут, как цветы?
Кто создал узоры, в которых мечты?

¹ Пулоти — особые лепешки большого размера, выпекаемые в Самарканде.

² Бенорас — бекасам.

А чудо искусств, изразцовый портал?—
Он весь от червонного золога ал!

Недаром здесь гость дорогой изумлен —,
Здесь дух вдохновения ввысь вознесен.

Здесь глас минаретов великих плывет,
О зодчих бессмертных рассказ он ведет.

И смотрит на светоч Востока поэт.
Целуют ступни медресе паранет.

Огонь — в его сердце, восторг — на устах,
И образ бесценного мира — в глазах.

А в памяти — дух Улугбека возник,
О, как же он в зеркале знаний велик!

И веет тем духом от каждой худжры,
Заполнены площади им и дворы.

Багровый кирпич, как при нем, еще нов.
Упасть Навои на колени готов.

К следам астронома он сердцем припал,
Поклон медресе, он глубокий отдал.

Мечты его в жизнь воплотились сполна,
И буря утихла. Пришла тишина.

И в этой тиши, охватившей весь мир,
Позвал его властно к себе Гурэмир.

Он куполом дивным венчал Рухабад —
О как его краски на солнце горят,

Сливаясь под солнцем на вечные дни
С душой архитектора Исфагани.

Волшебник твореньем поэта потряс,
Он не отрывает от купола глаз.

Звенит многокрасочный хор изразцов
Мелодией дивной поющих цветов.

Ведет за собой красок солнечных нить
Святое паломничество совершить.

И вот, из резных появившись ворот,
Слуга, поклонившись, поэта зовет.

Стоит Навои в мавзолее святом.
Застыли печально гробницы кругом.

Молитву в честь царственных душ сотворив,
Слуга начинает свой речитатив:

«Тут — грозный Тимур, Улугбек мудрый —
Здесь — воин Султан, чье бесстрашие чтут,
тут,

Устод астронома — под этой плитой.
Мир целый сравним с его жизнью простой.

А рядом с Тимуром святой Барока,
Могилу его будут чтить все века.

Из ящмы надгробье, чтоб мир обрести,
Велел для бобо Улугбек возвести.

Вот тут — Мираншах, а с ним рядом —
Шахрух,
На мраморе строки, как таинства дух.

Любил Мухаммада Султана эмир
За то, что в сраженьях он был богатырь.

Эмир завещал ас-Султану престол,
Увы, он не царство, а гибель обрел.

Воздвигнуть гробницу эмир повелел
В честь славных его и невиданных дел.

У этой гробницы торжественный вид:
В объятиях смерти эмир в ней лежит.

А рядом с бобо спит Мирзо Улугбек,
И слава его не померкнет вовек.

За то, что он знамя бобо удержал,
Забвения вечного он миновал...»:

Слуги речь степенна, величья полна,
Но горечь в поэте рождает она.

Из тьмы, из забвенья он вышел на свет.
В душе — и мгновенья, и вечности след.

Шаги его медленны, словно во сне.
Поник головой он, а сердце в огне.

В душе небывалые чувства царят,
Мечты, как в тумане, а думы парят.

Так шел он задумчиво к Бибиханум,
И дивной легендою занят был ум.

Единственный в мире, Востока венец,
Он самый прекрасный на свете дворец.

Величьем его Самарканд вознесен,
Бессмертному зодчему памятник он.

Вонзаются в небо, легки и светлы,
Четыре его минарета-стрелы.

И слава мечети по миру летит,
И солнце над нею, как огненный щит.

Так в сердце восторга поэт не таил.
Он шел через сад к кишлаку Канигил¹

И гением зодчих прекрасен, велик,
Пред ним мавзолей Шахизинды возник.

Торжественно кверху ступени ведут,
Как плечи, ступени опоры дают.

У мраморных строгих надгробий поэт¹
Молчание слушал бесчисленных лет.

Почтил он там род Кураганов святой,
Взволнованный их переходящей судьбой.

И в сад Дилкушо он пошел не спеша,
Ждала встречи с расадханою¹ душа.

Водой его Обирахмат напоил,
Душою судьбе он рахмат говорил,

Когда трехэтажный дворец увидал,
И сердце прекрасному зданию отдал.

¹ Р а с а д — обсерватория. Расадхана — здание обсерватории.

«Вселенной краса» — вот название его,
И слушал он повествование его:

ГЛАС РАСАДА

«Два мира во мне совместились в одном.
Для мудрой науки — я сказочный дом.

Зовусь я недаром «Вселенной краса» —
Калитка я здесь, на земле, в небеса.

Отсюда увидел звезду Улугбек
И взглядом пронзил ее душу навек.

Я — разума свет, я творю волшебство,
Все небо горит от огня моего.

Священный алтарь я. Служил астроном
Молебен в честь солнца познания в нем.

То солнце, затмившись, во мгле не умрет,
Состарившись, посох оно не возьмет.

Но мир — совершенства пока не обрел,
И мельничный жернов невежества зол.

Он в грудь мою камень пращей запустил,
И я, окровавленный, рухнул без сил.

И просом — ученый рассыпался люд,
Мне мир духовенства мстит, злобою лют.

Боль вспомнив, я плачу порою ночной.
Что я — вместе плачут два мира со мной».

(Тут, выслушав все, что промолвил расад,
Включился в беседу смотритель Фикрат):

МУХАММАД ФИКРАТ

Я и за руины расада без слов
Пойти на любое терзанье готов.

Для нас Улугбек — просвещенья оплот,
В нем щит справедливости видел народ.

Расада был короной и троном его,
Всех ценностей мира — превыше всего.

Фархадом он был и звездой Ширин,
Ему заменял он все в мире один.

Он был кабинетом и спальнею был.
О, как Улугбек свод небесный любил.

Мечтал он о небе, и звезды на миг
В глаза опускались к нему, как в родник.

Великому, дань я восторга плачу —
В землянке души он зажепил свечу.

Смотрителем сделав, не раз он просил
Расада защищать изо всех своих сил.

Я царскую волю исполнить был рад,
Отдав свою жизнь целиком за расад.

И пленником неба не стать я не мог —
Пылинке не дал я упасть на порог.

Со мною смотрели Румий и Кушчи
На звездное небо в глубокой ночи.

И солнечным днем, и в полуночной мгле
Заботы о небе я нес на земле.

Прославленный в мире, в ночной тишине
Небес календарь создавался при мне.

И жалуясь часто на темный свой век,
Ученых вниманием грел Улугбек.

Зато в духовенстве он злость пробуждал,
В любом рукаве их таился кинжал.

Мирзо отсекли они голову прочь —
Надвинулась на просвещение ночь.

Не солнце горит здесь теперь, а свеча,
Но скорбь от нее — и в мирах горяча.

Кушчи заболел и ушел навсегда —
Оплакана всем Самаркандом беда.

Величье по ветру пустили, как пыль,
И небыль пытаются выдать за быль.

Но выполнил я Улугбека наказ,
И светоч расада во мгле не погас!..

...Ведет по расаду смотритель его,
И в сердце поэта растет торжество:

Свод звездных таблиц восхитил его ум,
Нашел во Вселенной он пищу для дум.

И кажется — дух Улугбека святой,
Его по ступеням ведет за собой.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Со святой надеждой в городе чужом,
Опечаленный, бродил он день за днем.

И чем мука от нужды сильнее была,
Тем острее разлуки жгла его стрела.

Друга он искал, огнем души томим,
Одиночество раскрыло пасть над ним.

Сотни в нем вопросов собрались толпой,
От фантазий-дум он потерял покой.

Сколько тяжких дней без дома и без сил
Он в пустыне одиночества бродил.

Крова нет, где ждут его в ночную мглу,
Друга нет, кто посочувствует ему.

Махалля Лабихавуз — его приют,
Здесь, водою между пальцев, дни текут,

Оказались, видно, в городе чужом
Все мечты о Самарканде миражом.

Мусофиром¹, и голодным, и в пыли,
Перед кем ему склониться до земли?

У кого он покровительство найдет,
Кто добром согреет, счастье принесет?!

¹ Мусофир — изгнаннык, человек, пребывающий вдали от родных мест.

Где найдет обитель пламенный поэт,
Может, двор его душе подарит свет?!

Может быть, друзья отца дадут приют,
Как нукеры жизни, к счастью поведут?!

Исцелят ли от печали и от бед?!
Отзовутся ли?!— Ответа нет и нет!

Вдруг отец его почтенный позабыт —
Кто его тогда обратно снарядит?

Да и как тогда вернется он домой,
Опозоренный, с поникшей головой?

Как к эмиру Арханги найти пути?
Может, просто во дворец к нему прийти?

Дружбу вдруг забыл, хоть клялся в ней
навек.
Нет и нет! Он благородный человек!

Иль факиха¹ Абулайса повидать —
Боль излить и о поддержке умолять.

Должен знать ученый, что решил рискнуть
Ради знаний он проделать долгий путь.

Если внемлет Абулайс его словам —
В медресе войти он сможет, словно в храм.

Ну, а если не найдет поддержки он,
Где приют искать — Герат ведь исключен!

¹ Ф а к и х — ученый человек, а также человек, овладевший религиозными знаниями.

Может быть, ему поможет Ходжибек —
Смелый он, великодушный человек!

Может, сам Ахмад Мирзо его спасет —
На загадки эти кто ответ найдет?!

Навои душой в смятенье погружен,
С воспаленных глаз бежит ночами сон.

Дни — не менее печальны и пусты:
Пыль засыпала цветник его мечты.

Медресе премного в городе большом,
Знать бы точно — счастье он найдет в каком?!

Если смог бы он удачу отыскать,
Перестал бы по друзьям он тосковать,

Мусофира жизнь забылась бы тогда,
Позабылись бы обида и беда.

2

Ночь крылья простерла. Безмолвье и сон.
В объятия тьмы Регистан погружен.

С гор ветры стекают, как струйки воды,
В прохладную мглу погрузились сады.

И звездная россыпь на небе видна,
Как яркие искры на дне казана.

Среди минаретов, во мгле — голубых,
Мирзо Улугбек — величавей других.

Улыбкою бледной сияла луна,
В дворцах, словно в зеркале, отражена.

А в радуге купола, что Гурэмир
Прославил на весь необъятный наш мир,

И в красках, что на Коксарае цветут —
Горят души зодчих, сверкает их труд.

И Чарминареты¹ у Бибиханум,
И звезды расада, властителя дум,

В народных поэмах, как символ, встают,
Гимн царству небес величаво поют.

А ночь в скорбной мантии черной бредет.
На миг по кирпичным ступеням взойдет

Она к Шахизинде и вниз заспешит,
Где Афрасиаб весь в руинах лежит.

Как в лоно реки, город в ночь погружен.
В домах и на улицах царствует сон.

Закрыли глаза и нарциссы сейчас.
Лишь в скромном жилище огонь не погас.

В нем — боль Навои утоляет пером,
Стонать он стихи заставляет пером.

Град слез на бумагу чернильница льет,
Чтоб сердце поэта спасти от забот:

«Я стал сиротою в который уж раз,
И вновь обречен на мытарства сейчас.

Закрыта дорога на родину мне,
Поэтому слезы печальны вдвойне...»

¹ Чарминареты — Четыре минарета.

Так он о беседах друзей тосковал,
За слово их — в жертву себя отдавал.

Как свечка он таял от боли-тоски,
И жалобой строк покрывались листки:

«Здесь тоже забит, опозорен народ,
И здесь он в плену униженья живет.

Ах, если б найти собеседника мне,
Которому смог доверять я вполне,

Была б хоть одна среди тысяч худжра,
Которая мне пожелает добра.

А вдруг заболею, начну умирать
И некому будет мне воду подать.

Да что там воды — век настолько жесток,
Что вышвырнут плоть умирать за порог».

Так чувствовал он тиранию и гнет
Душой, избежать не сумевшей тенёт,

Душой, где безжалостно раны горят,
И вянет от горестей жизненный сад.

Так все, что на сердце носил Навои,
Вложил он в чеканные строки свои:

«Коль будешь кого-то в печали держать,
Вдали от отчизны начнешь унижать,

В народе чужом ввергнешь в бездну не́взгод —
Путь к бегству искать тот, спасаясь, начнет».

Так пламенным чувством разлуки согрет,
Бумаге дарил изумруды поэт.

Дарил ей, тоскуя о прожитых днях,
О солнце Мешхеда, о верных друзьях.

Дарил, то душой обретая покой,
То эту же душу сжигая тоской.

И так как друзей здесь найти он не смог,
Он слал Ардашеру жемчужины строк:

«Венеры-звезды чистый взгляд твой ясней,
Как солнце в зените, путь жизни твоей.

Профессия — верность, а щедрость — твой дом,
Рай целый — в Саиде Хусейне одном.

И в этом раю так ты нравом высок,
Что рядом тубо — низкорослый росток.

Толпа угнетенных тебе одному
Открыться спешит, как отцу своему.

Я тоже твой сын, верный твой ученик,
И дружбой с тобой я гордиться привык!»

Так, душу излив Ардашеру, поэт
Печальный встречал самаркандский рассвет.

А мыслями он возвращался в Герат,
Где гнет и насилье, сплетаясь, царят,

Где Абусаид, как убийца простой,
Позорил весь род тимуридов святой.

Султан ни друзей, ни родни не щадил,—
Людей в их же собственной крови топил.

И в сердце поэта рождается стон
От страшного зрелища битвы за трон.

«В стране человечности признаков нет,
В огне ничего, кроме призраков, нет.

Султан — не народа отец, а шайтан,
Тиран, чьи дела — только зло и обман.

Постелен его дастархан в пустоте,
Из небытия там лепешки и те.

Обычай такой, что за грош здесь убьют,
А после, польстившись, и саван сдерут.

И даже ускорить конец бедняка
Найдутся охотники наверняка!...»

Так душу свою Навои облегчал,
Славам отдавая тоску и печаль,

И чтобы решение в жизни принять,
В раздумье две вещи пытался понять:

Одна — мир иной, райских куш благодать,
Другая — путь к жизни достойной искать.

И вот — у дорог двух стоит Навои,
На два горизонта глядит Навои.

На путь эфемерный махнул он рукой,
Цель светлую видя в дороге другой:

Превратностям жизни, ударам, борьбе,
Большим потрясениям в нелегкой судьбе,

Как щит, он решил свою грудь подставлять,
Стать небом, где солнцу газелей сиять.

Для чистых намерений сердце открыть,
Жить лишь для народа, для родины жить,

Держать справедливости стяг' высоко,
Чтоб переходил он к потомкам легко —

В том клятву давал Алишер Навои,
И дух укреплял Ардашер — Навои:

«Пусть даже погибну на этом пути,
Но в гибели славу могу обрести.

А если до цели высокой дойду,
То высшее счастье и благо найду...»

Он точку поставил. Хотя и устал,
Послание набело переписал.

Свечу погасил. Поднималась заря.
Желанием неодолимым горя,

Послание в Герат подписал Навои
И грустно направился с ним к Мирзойи.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Знаменита махалля Лабихавуз,
Средоточие ремесел и искусств.

Инженер, певец, художник, ювелир,
Зодчий, скульптор — ею выведены в мир.

Ее слава высоко вознесена,
В ней душа с искусством соединена.

И не счесть имен бессмертных, чей цветник,
Здесь возникнув, стал прекрасен и велик.

Дакики для «Шахнаме», когда здесь жил,
Золотой фундамент зданья заложил.

На пегасе быстром, чьи крыла легки,
Славил царство Улугбека Саккоки.

Здесь Касым Анвар, проживший в мире грез,
Красоту любви в поэзию принес.

В махалле Лутфи «Гуль и Навруз» творил —
Слово тюркское народу он дарил.

Здесь Джамин, красой мелодий опьянен,
Рассыпал своих стихов жемчужный звон,

В Самарканде гордость всех — Лабихавуз,
Да и в мире весть о ней не сходит с уст.

И какое это счастье, что певец
Здесь с мытарством распрощался наконец —

Знаменитый композитор Садои
Двери дома распахнул для Навои.

Так в пристанище священном, как мечтал,
Он соратником людей великих стал.

И хозяин дома делал все, что мог,
Чтоб изгнать печаль поэта за порог.

Грусть поэта он в мелодии включал,
Скорбной музыкой газели окрылял,

А жемчужины из сердца Садои
Навои включал в творения свои.

Самарканд за благородство чтит его,
За мелодий первородство чтит его.

Скольким он поэтам душу озарил,
Скольким он газелям крылья подарил,

Сколько сам газелей в сердце взял, как в дом,
Чтобы там согреть их солнечным огнем!

И поэты, споры отложив свои,
Не являлись без газели к Садои.

В цветнике искусств для Мирзобека он,
Как для сына, был заботливым отцом.

Чтя газели Мирзобека высоко,
Блеск мелодий придавал он им легко.

Неразлучные друзья — и день, и ночь
Состязаться и шутить они не прочь.

Потому, когда домой из дальних стран
Возвратился Мирзобека караван,

Посетил его тотчас же Садои,
Известил его, что прибыл Навои.

Мирзобек как будто озарился весь —
Привела его в волнение эта весть.

Без хозяина, который занят был,
К дому Навои он сразу поспешил...

Там во дворике, в углу, где меньше зной,
Под раскидистой урючиной густой,

В светлой хижине у темных дум в плену
Навои печально слушал тишину.

С ним друзья его — чернила и перо,
Да бумага — вот и все его добро.

Но зато был вдохновенья полон взор..
В это время Мирзобек вошел во двор.

Тихий стук раздался, Навои привстал:
И невольное волненье испытал:

Кто бы мог стучаться в скромное жилье?
К двери он шагнул и распахнул ее.

У порога ладный юноша стоит.
Навои промолвил — ассалам, джигит!

Тот отдал ему почтительный поклон,
А потом заговорил с волнением он:

—Ассалам, о Навои! И млад, и стар
Ваш приезд в наш город приняли как дар!

НАВОИ

Вас за добрые слова благодарю,
Осчастливили вы хижину мою.

Да минует вас, любезный друг, беда,
Что за ветер вас ко мне занес сюда?У

МИРЗОБЕК

Я эмира Арханги сын Мирзобек,
Молодой поэт, поклонник ваш навек.

Я в газели ваши дивные влюблен,
Как паломник, к вам прищел я на поклон.

Садон, наш мавляна, принес мне весть,
Что живете, дорогой устод, вы здесь!

• НАВОИ

Благодарен я за ласку и почет,
Самарканд, да высоко вас вознесет.

Со звездой Садон сравнил мне вас,
Что сияет высоко уже сейчас.

А эмира восхваляют все вокруг —
Да сольется с его жизнью ваша, друг!

МИРЗОБЕК

О, устод, от добрых слов — душа в огне,
Ликование от них растет во мне.

И за встречу с вами я благодарю
Эту ясную вечернюю зарю.

А эмир, отец мой, — вашего отца
С восхищеньем вспоминает без конца,

Вспоминает Дилкушо, чудесный сад,
Где беседой он ему поставил мат.

НАВОИ

Хоть навек простился я с отцом своим,
Слышать вновь его — я жажду томим,

От судьбы его боль в сердце горяча,
С ним разлука — душу ранит без меча.

Это он зазвал, наверно, вас в мой дом,
Чтобы птица счастья поселилась в нем.

Как хочу увидеть я эмира лик,
С ним в беседу погрузиться хоть на миг.

МИРЗОБЕК

Знаю, будет рад безмерно и отец,
Что увидится он с вами наконец,—

Уваженья к вам всегда исполнен он,
Ведь поэзией он вашей вдохновлен.

НАВОИ

Если б только посещением он мог
Осчастливить вдруг изгнанника порог!

МИРЗОБЕК

Но ведь здесь отчизна ваша, мавляна,
Вам навек любовь народа отдана.

НАВОИ

Хоть и ценят здесь моих газелей стих,
Но немало мук познал я из-за них.

Все равно я лишь поэзией дышу,
Мне газель прочтите, очень вас прошу!

МИРЗОБЕК

«В поисках Лейли вдали бредет Меджнун,
На краю земли в пыли бредет Меджнун,

Хоть безумен он и грудь его в крови,
Душу не сожгли — к Лейли бредет Меджнун...»

(Тут волнения Мирзобек сдержать не смог,
Прочитал всего два бейта он и смолк.)

Навои душа жемчужину взяла,
Оценив ее, произнесла:

НАВОИ

Хвала!
Не могу восторга скрыть я своего,
Тарди акс¹ из всех искусств трудней всего.

Вам талант редчайший дан, и потому
Вы полюбите народу своему.

МИРЗОБЕК

О устод великий, похвала меня
До небес возносит, душу осеня.

Чтобы смог я быть достойным вас вполне,
Вашей доброты родник даруйте мне.

¹ Т а р д и а к с — искусство создания стихотворения посредством антонимов.

Пусть у гения всегда над головой
Сад поэзии сияет синевой.

НАВОИ

Я не гений — сам себя не проведешь! —
Со звездой яркой в небе гений схож.

МИРЗОБЕК

Удивительного в том я не найду,
Что подарит миру Самарканд звезду!

НАВОИ

Мирзобек, в душе желание одно,
Для меня — надежда светлая оно:

Чтоб поэзию мою народ родной
В ожерелье взял жемчужиной одной.

МИРЗОБЕК

Вас напасти ждут — не даром слухи шли,
Что вы трону — кровли хижин предпочли.

Ваша кровь и кровь народа — кровь одна,
И душа всего народа вам дана.

НАВОИ

Хоть не видно, но в крови душа сейчас,
Скрыто зернышко граната так от глаз.

В клетку скорби та душа погружена,
Вспоминает грустный Хорасан она.

Об одном джигите пишет мой калам,
Он отчаялся найти дорогу сам,

Горечь он разлуки с родиной постиг...
Мирзобек, прошу вниманья, хоть на миг:

•Всюду люди, только близкой нет души,
Города и страны — все им хороши.

Тьма базаров, площадей и улиц сеть,
Но куда себя — не знают люди — деть!

Одиночество читает он в глазах,
Одинокая душа его в слезах.

Он до сумерек мытарствовал в тоске,
А стемнело — сел в каком-то уголке.

Мысли путались, измученный, без сил,
На глаза напрасно сон прийги просил,

Он весь день бродил, пристанища лишен,
Но и ночью не нашел покоя он.

По чужбине одинокому бродить —
Что еще, скажите, хуже может быть?!»

МИРЗОБЕК

Эти бейты выше всяческих похвал,
Словно жемчуг в ожерелье засверкал,

Словно, тьму разрезав, звезды из Плеяд
На веранду мира золотом летят.

А униженный, что в городе чужом,
Руку дружескую ищет день за днем,

Неужели до сих пор в стране иной
Не имеет ни одной души родной?!

НАВОИ

Этот мир похож на каравансарай,
Люди входят и уходят, то и знай.

Этот — нищий, этот — шах, но не деля,
Общий даст приют им черная земля.

Горький плод сорвал я в жизненном саду
И с багровою душой с тех пор иду,

Поднял знаменем — народа славу я,
А в меня воткнулись козней острия.

МИРЗОБЕК

Нелегко покинуть было вам Герат,
Где враги, судьбой пригретые, царят.

Но надежды не скрывает Хорасан,
С вами думы все сверяет Хорасан.

Ваши строки знает наизусть народ,
Свет для глаз, для духа силу в них берет.

Здесь мы тоже в Самарканде рады вам
И с почтеньем говорим вам — ассалам!

НАВОИ

Если б так!.. Мои исполнятся мечты —
Обрету я знаний клад и красоты.

«Я наполнен огнем, коль вздохну — мир тогда
обгорит,
А не буду дышать — то душа навсегда обгорит.

От любви и от стонов моих в небо искры летят,
Не стыжусь я сказать, что от вздохов — звезда
обгорит.

Душу молнией грозных разлук поджигать нет нужды,
Искры хватит для сена — оно без труда обгорит.

Я лечу мотыльком на свечу, но напрасен порыв,
Он от жара лица твоего до конца обгорит.

От порывов души разгорается пламя любви,
Сердце в нем, трепеща, как диван, до листа обгорит.

Вздохи плоть иссушили огнем, но омыли слезой,
От огня, что твой лик озарил, чистота обгорит.

Эй, душа Навои, ты багрянцем зажглась, словно плод,
В этом пламени даже планета, и та обгорит...»

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Эмир Арханги в пышном зале дворца
Поэтам внимал, принимал мудреца.

В отца Мирзобек был — властителя сын,
А в царстве поэзии — сам властелин.

Умел он вдохнуть в те собрания жизнь:
Здесь споры велись, и стихи здесь лились,

Тепло, озорно здесь звучали для всех
Газели и музыка, песни и смех.

Эмир в Самарканде ценителем слыл,—
Он многих искусств покровителем был:

Он великодушием многих согрел,
В глазах его свет просвещения горел.

Хакиму Ахмаду Мирзо был он мил,
Слова Арханги тот, как жемчуг, ценил,

И весь Самарканд в роковые года,
К эмиру спешил за советом всегда.

Ахмад Ходжибек его другом считал,
Повсюду он рядом с хакимом стоял.

А сам благородный и славный хаким
Был всею страною любим и ценим.

И слава эмира росла и росла,
Хаким с ним решал все большие дела...

Вот снова дворец Арханги оживлен —
Рад с гостем прославленным встретиться он,

Рад гостю эмир, рад и сын Мирзобек,
Все рады вокруг, как один человек.

Душа Садои песней полнится вновь,
Как будто к прелестнице славит любовь.

И в честь Навои дастархан был накрыт,
Эмир Арханги рядом с гостем сидит.

А сам Навои от щедрот онемел,
О встрече такой и мечтать он не смел.

Чтоб гость хоть немного душой отошел,
Каких только слов Арханги не нашел!

АРХАНГИ

Подарен судьбой этот миг, Навои,
В сердцах вы разбили цветник, Навои.

Народ Самарканда который уж год
С поэтом прекрасным свидания ждет.

НАВОИ

Желанною целью ты был, Самарканд,
Нежданно мне дом подарил Самарканд.

От ветра судьбы кто закроет щитом?—
Он долю, как просо, рассеет кругом.

АРХАНГИ

С восторгом о вас Баходур говорил,
Редчайший талант он у вас находил.

НАВОИ

Почтенный отец видел цель жизни всей,
Чтоб выстроить здание жизни моей.

И как не лютуют печаль и беда,
Сокровище это храню я всегда.

АРХАНГИ

Почтенный тот — был благородством богат,
Любили его Самарканд и Герат.

Он светом надежды горел нам порой,
В тяжелый момент был опорой-горой.

А скольких возвысил, воздав им почет,
А как справедлив был почтеннейший тот!—

Для многих прося снисхождения, он
Был твердым к врагам, нарушавшим закон,

И великодушия он не жалел,
Не счесть его добрых поступков и дел.

НАВОИ

Эмир, как вас часто отец вспоминал,
Дарующим счастье, он вас называл.

Когда камни горя лавиной неслись,
Когда из очей моих слезы лились,

Когда в бездну стонов я падал от бед,
При мысли о вас в сердце вспыхивал свет.

АРХАНГИ

Я вам, Навои, благодарен за речь,
От бед мы поможем вам душу сберечь.

Украсит газель вашу савт¹ Садои,
Отдаст Мирзобек дружбу вам, Навои.

Ахмад Ходжибек в звон газелей влюблен,
Известный поэт «Вафои» — это он!

¹ Савт — мотив в классической музыке, чередующийся с лейтмотивом.

Храня, как цветок, ваше имя, не раз
Он к вашей газели слагал мухаммас.

Вас ждал доруга¹, думал, вы вдалеке.
А вы затаились в своем уголке.

НАВОИ

Великий эмир, как беду отведу —
Я в поисках знаний, но где их найду?!

Сильна надо мною желанья власть:
Хочу в медресе Абулайса попасть.

О, если бы вы, осчастливив мой путь,
Мне помощи руку смогли протянуть.

АРХАНГИ

Факиха я завтра увижу с утра,
Душа у него и мудра, и добра!

САДОИ

Деля с ним высокие думы свои,
Красу обретает в душе Навои.

МИРЗОБЕК

Немало учащихся в том медресе,
Но жаждут стихов Навои они все!

¹ Доруга — градоначальник, в данном случае Ахмад Ходжибек.

АРХАНГИ

Мой сын — стихотворец, а значит, навек
Безмерно в газели влюблен Мирзобек.

Откройте поэзии вашей родник,
Чтоб каждый к нему в Самарканде приник.

НАВОИ

Звездой вдохновенья горит его взгляд,
Дарить Мирзобек всем поэзию рад.

АРХАНГИ

"Хвала Навои!

МИРЗОБЕК

Счастья вам, мавляна!

САДОИ

Газелей царем признает вас страна!

Садовник вы там, где поэзии сад,
Огонь, на который поэты летят...

От радости встречи на сердце светло,
И счастье в душе цветником расцвело.

От звуков танбура парит Арханги,
Восторгом беседы горит Арханги.

И льется, заполнив все души до дна,
Газель Навои, обаянья полна:

«Тысячью жемчужин счастья пусть осыплет небосвод,
Знай, что облако печали следом слез поток прольет.

А когда одно злосчастье слезы вырвет из души,
То другое увяданьем молодую жизнь убьет.

Ты не требуй лишней доли, каждый должен понимать:
Стар наш мир, блага дарящий бог всему ведет свой
счет.

В океане созиданья — вод, как неба пузырей,
Но пузырь небесный выдуть сможет кто из капли
вод?!

Если б был он всемогущим и на миг покой настал,
Разве б муки мы терпели день и ночь за годом год?!

Изумляется он тоже состоянью своему,
Как и я, в недоуменье мук испытывает гнет.

Сколько б не был всемогущим, он несчастен, как и я,
Не даю ему отчета, он мне тоже не дает.

Навои, на путь познания ты вступил, чтоб суть
познать,
Правда ведома лишь богу, только в нем она живет».

Всех эта беседа в восторг привела,
Так ночь пролетела, растаяла мгла.

— Здесь сам Навои! — так соседа сосед
Порадовал вестью, встречая рассвет.

С уст имя поэта неслось без конца,
Признаньем народа волнуя сердца.

И над Самаркандом, расправив крыла,
Как голубь, та новость летела, светла.

Она поднималась на каждый порог,
Едва в медресе Абулайса урок

Закончился — шумный учащийся люд
О ней лишь одной говорил там и тут.

— Приехал устод Навои! — и сердцам
Звучит эта весть, как привет: ассалам!

И счастье как будто на всех снизошло,
Так в душах от встречи грядущей светло.

И до мударрисов молва донеслась —
В них радость до самого неба взвилась,

Владыку сердец ожидают они,
Стихи Навои посвящают. они.

Пегас оседлав, через рощи и сад
На встречу с поэтом поэты спешат.

Ждет слов Мирзобек, нетерпеньем объят,
В душе Харими вспышки молний горят.

Юсуф Бади и Юсуф Сафои
Открыли сердца, чтоб вошел Навои.

Сияли глаза у Сугди, как заря,
Желаньем увидеть поэта горя.

Цветок, что украсил цветник — Навои,
Изящной беседы язык — Навои!

К стихам композиторы савты творят,
Хафизы внимают всем песням подряд.

Ведет каллиграф строчек дивный узор,
К друзьям-музыкантам спешит дирижер.

Ценитель стихов над диваном склонен —
«Бадае ул Бидея» выучил он.

Дворцы украшая волшебной резьбой,
Его славят резчики между собой.

И обсерватории даже — на миг'
Ученые вдруг превращают в цветник.

— Приехал устод Павои! — этот глас
И лавочников восхищеньем потряс.

Летела со скоростью молнии весть,
Неслась в души, радостью полные, весть!)

Он здесь, он приехал, он скоро придет —
Нет счастью предела, ликует народ,

Повсюду, везде говорит он о нем,
И радость гарцует лихим скакуном.

И только Шакуру Мирзо эта весть,
Как пика — враждою изранен он весь.

Он славой поэта взбешён, и убит,
От гнева полезли глаза из орбит! —'

Эмир Арханги, он тебе отомстит,
Эмир Арханги, он навет сочинит,

И если поддержит Ахмад Ходжибек,
С хакимом твой путь разойдется навек!

Сам Абусаид повеленье пришлет,
Не исполнишь — даже маймун¹ засмеет!

Так выпустив думы, как стаю ворон,
Метался, охваченный паникой, он.

И чтобы попал в западню Навои,
Отправил в Герат донесенья свои.

А в доме собрал своих верных дружков,
В речах его — яд для поэта готов.

Он руки в душонки дружков запустил,
Посеял вражды семена и взрастил:

«Кто есть Навои, нам ответ уже дан —
Ненужным его посчитал Хорасан.

Но авторитет он опять заслужил,
Эмир уваженьем его окружил.

А коль в резиденцию будет он вхож,
Во всем для султана он станет хорош.

И чтобы коварному вверх не пойти,
Мы выкопать яму должны на пути».

Шукура Мирзо поддержали дружки,
И пальцы сжимались у них в кулаки.

А сам Навои и не думал о том,
Он дувшим с Кухака взбодрен ветерком.

¹ М а й м у н — обезьяна.

Тем ветром и город пронизан был весь,
Снег нес он в подарок земле от небес.

Снег этот — как благо рассвета во тьме,
Как яркий наряд самаркандской зиме!

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

В снежной шали всем нам нравится земля,
Взором манит всех красавица земля.

Мир серебряной улыбкой озарен,
И серебряный — в словах и в душах звон.

Все ликует, благодатный воздух чист,
Ветерок в садах прохладен и душист.

Как желание, как чудо из чудес,
Самарканд встречает вестника небес.

Солнце ласковое, выглянув на миг,
Отраженный свой в Кухаке ищет лик.

В этом чудном мире, полном серебра,
К Чокардизу Навои спешит с утра.

Все сады его зовут, проулки все,
Но душа горит мечтой о медресе.

И едва он на порог его ступил,
К мударрису энергично поспешил.

Абулайс, в худжере с резьбою на стене,
Совершал молитву в полной тишине,

Встав напротив, Навои отдал поклон,
И факиха был согрет улыбкой он.

НАВОИ

Агламул-улем, покорный ваш слуга,
Жаждет видеть вас, мне кажется, века!

А сегодня птица-феникс в добром сне
Повелела к вам явиться утром мне.

Из Герата, жаждой знания томим,
К вам пришел я, как к святому пилигрим.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Алишербек, вас приветствовать я рад,
Расцветает в сердце счастье, словно сад.

С вашим словом каждым мир знаком давно,
Ваше имя солнцем ввысь вознесено.

Чтоб не знали вы напасти, я за вас
На заре молился и в закатный час.

Оказалась не бесплодно мольба —
Подарила эту встречу нам судьба.

Мне вчера Ахмад Ходжа письмо прислал,
О желании он вашем написал.

«Да!» — в послании ответил тотчас я,
Потому что вас ждала душа моя.

НАВОИ

Агламул-улем, доверить как словам
Благодарность, что испытываю к вам.

К бесприютному склонившись с добротой,
И желая сделать жизнь его святой,

Напоив безмерным счастьем, как родник,
До вершин его возвысили вы вмиг.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАИС

Мавляна, вам мудрость наших дней дана.
И предшественников мудрость вам ясна.

Расцветает ваше сердце от бесед,
Если спор ведет ученый и поэт.

Расцветает счастьем встречи, и тогда
Не страшна ему печаль, смешна беда.

НАВОИ

Цель поэзии — жемчужины искать,
Из реки искусства жажду утолять.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАИС

Я не удивлюсь, коль вырастет росток,
И желанье знаний — знаньем станет в срок.

Так скажите, кто у вас устом был,
Кто в Мешхеде и Герате вас учил?

НАВОИ

Лики всех устодов, словно звезды, в ряд
В небесах моей души всегда горят.

Стоит только вспомнить дни моей весны,
Как восторгом и душа, и плоть полны.

На меня истратив в жизни много сил,
Буквам сам Фасихиддин Сохиб учил.

Благородный, солнцем он в душе сиял,
Добротой меня он к совершенству звал.

Садриддину Равоси обязан я,
Что в плену стихов навек душа моя.

Как отец, со мной был ласков Ардашер,
Стих его на тюркском — для меня пример.

В доме у Хаджи Юсуфа Бурхани,
Музыкальный жемчуг мне дарили дни.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАИС

Все они достойны, что создав дастан,
Их на весь Восток прославил Хорасан.

И Фасих, и Ардашер среди мудрецов
Заслужили много теплых, добрых слов.

Словно солнце, озарив родной Герат,
В Самарканде эти имена горят.

Но зашло Герата солнце в наши дни,
Там теперь лишь вздохи слышатся одни.

Здесь же Улугбека славный дух живет,
В нем пытливость — силы новые берет.

Мухаммад Олим, чьи знания велики,
Поколение юных взял в ученики.

А Ходжу Ухд Мастуни не зря народ
Несравненным в астрономии зовет.

В муаммо¹ сех выше Улои Шоши,
Санафи — врач дивный тела и души.

Славны их в Мавераннахре имена,
Встреча с ними предстоит вам не одна.

НАВОИ

В чем-то схож с гнездом осиным стал Герат,
От раздоров и войны устал Герат.

Самарканд же в мире заслужил почет —
Кто сюда приедет, счастье обретет.

Принял здесь сам мавляна Лутфи урок,
Самарканд сияньем жизнь его зажег.

Вспоминает он с почтением о вас,
Это он меня направил к вам сейчас.

Мне сказал: пусть вас возьмет учеником
Благороднейший и сердцем, и умом.

И устода досточтимого наказ
Я, покорнейший, рад выполнить сейчас.

¹ М. у а м м о — один из жанров восточной поэзии.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Сын, хвала вам! В Самарканде до сих пор
О Лутфи ведут с восторгом разговор.

До сих пор в моей семье всегда о нем
Вспоминают, как о самом дорогом.

Ваш отец почтенный тоже здесь бывал,
Хлеб и соль от Самарканда принимал.

Он и мне — я это помню хорошо —
Мат беседую поставил в Дилкушо.

Проницательным и мудрым был отец,
Маг в мелодиях, в поэзии мудрец,

Уваженьем и почтеньем окружен,
Блиzkих здесь друзей имел немало он.

Но особенно бесились все враги,
Что он близок был и дорог Арханги.

Средь потомков тимуридов славен был:
Тем, что храбростью он славу заслужил.

И прискорбно, что совсем он мало жил,
Что ушел он навсегда в расцвете сил.

НАВОИ

Что поделаешь, от горестей и бед
Раньше времени уходят на тот свет.

Часть луны светла, а часть ее темней,
И беда, и радость — спутники людей.

После темной ночи солнце власть берет,
Это значит, светлый день еще придет!

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Сыпать золотого на голову к чему?
Лучше, душу озарив, рассеять тьму.

НАВОИ

Агламул-улем, хороший век придет,
Исполнения желаний ждет народ!

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

В чудесной худжре Навои в тишине
«Сокровище знаний» читал, как во сне.

Согрет в медресе он сердечным теплом,
Слова Абулайса сияют умом.

Он с ним астрологии сущность постиг,
Теперь — к астрономии сердцем приник.

Уроки аруза волнуют его,
В словах мударриса — стихов торжество.

И сердце спасают в минуту тоски
Факиха прилежные ученики.

И снова в ликующе звонкий полет
Тулпар вдохновенья поэта несет.

Из келий соседних, подняв кутерьму,
Спешат молодые таланты к нему.

БАДИИ

Привет, Навои!

НАВОИ

Дорогие, салам!
Как рад я, друзья мои милые, вам!

БАДИИ

А вашим талантом, что так окрылен,
Прославленный Мавераннахр восхищен!

НАВОИ

Почетное место заждалось друзей,
В худжре стало с вашим приходом светлей.

С собой принесли вы свет дружбы святой,
Я вашею весь озарен добротой.

САФОИ

Достойные все — извелись от тоски,
Так стали нам ваши беседы близки.

ХАРИМИ

Великое счастье в удел нам дано —
Ваш образ живет в наших душах давно.

НАДИР

И в Мерве покорнейший больше всего
Поэзии вашей любил волшебство.

Чтоб с вами отныне быть вместе всегда,
На лодке надежды приплыл я сюда.

БАКОИ

Чтоб садом цвели моей юности дни,
Я прибыл сюда из страны Бируни.

И, слава всевышнему, с вами, друзья,
Обрел в Навои вдохновение я.

НАВОИ

Меня, дорогие, смущаете вы,
И душу мою исцеляете вы.

Грусть скрылась, лишь только стопы ваших
ног
Худжры этой поцеловали порог.

Без мук буду жить, если в жизни своей
Таких сохранию я бесценных друзей.

А тот, кто нам всем утешение дал,—
Факих благородный — достоин похвал.

Он словно отец вас по жизни ведет,
Собою пожертвует он за народ.

Словами добрейшими вас оценив,
Он с каждым из вас познакомил меня.

В круг дивный сомкнулись воочию здесь
Мерв и Самарканд, Андижан и Хорезм.

(Тут речь Навои прерывая, возник
В просторной худжре Мирзобек в этот миг):

МИРЗОБЕК

Прощу мавляна Навои не забыть
Герат в этот круг лучезарный включить.

НАВОИ

Я так здесь развеял печаль и тоску,
Что зваться вполне самаркандским могу!

МИРЗОБЕК

Что ж, быть самаркандским и счастье,
и честь —
Здесь созданных дивных газелей не счесть.

Жизнь, смерть, вдохновенье, взлет
творческих сил —
Весь мир в Самарканде всегда находил.

Кто воду из Обирахмата глотнет,
Желаний своих исполненье найдет.

А сердце его обретет чистоту
И дивных мелодий поймет красоту.

Так пусть с Навои счастье встретится в нем,
Мы званье ему — самаркандский — даем!

НАВОИ

К вам так благодарность сильна в этот миг,
Что выразить чувства бессилен язык!

БАДИИ

В речах Мирзобек и умен, и силен,
Беседе любой красоту дарит он.

НАВОИ

Обязан ему я за то, что эмир
Со мной, недостойным, был ласков и мил.

Прием Арханги был, как сказочный сон,
Как птицею-феникс, я был награжден.

Он великодушно помог мне и в том,
Чтоб жаждущий знаний вошел в этот дом.

За все благодарен я вам, Мирзобек,
Вы — гордость души Самарканда навек.

Он мира опора, как встарь — Самарканд,
В стране человечества царь — Самарканд.

ХАРИМИ

Отчизны святое лицо — Самарканд,
С жемчужиной солнца кольцо — Самарканд.

НАВОИ

Друзья дорогие, в душе в этот миг
Бейт в честь Самарканда внезапно возник.

«Фани» — подпишу эти строчки мои,
Но создал их, тюркский любя, Навои!»

«Для мира венец красоты — Самарканд,
Душе, как Кибла, близок ты — Самарканд».

БАДИИ

Как жемчуг, газель ваша, дивный творец,
Воистину, для Самарканда — венец.

В стране, где газель окружает почет,
Она лучезарным явлением взойдет:

Прекрасным цветком Навои в этот миг
Украсил поэзии вечный цветник.

СУГДИ

С приходом Фани стих фарсийский не зря
Своей красотой сверкает, горя.

Газель вашу новую ждем мы давно —
Величье воспеть лишь великим дано!

НАВОИ

Мне вашего великодушия свет
Газелью в душе отозвался в ответ:

♦Для мира венец красоты — Самарканд,
Душе, как Кибла, близок ты — Самарканд.

Приходит народ, чтобы пыль свою чтить —
Велик этот прах суеты, Самарканд.

А кто может воды Кухака забыть,
Что сладки, как мед, и чисты, — Самарканд.

Хвала, что над миром, сияя, летит,
Достигла небес высоты, Самарканд.

Коль мир весь — колечко, жемчужина в нем
Горящий огнем чистоты — Самарканд.

Газель — это слов красота, но из них
Есть слово прекрасней мечты — Самарканд.

Не будет конца восхваленьям Фани,
Ведь в мире венец красоты — Самарканд!*

МИРЗОБЕК

О, как благодарны мы вашим стихам,
Фани — образцом на фарси станет нам.

Как солнце всегда будет мир озарять,
Так жемчуг поэзии будет сиять.

И эта газель, где воспет Самарканд,
Сиять будет тысячи лет, Самарканд!

САФОИ

Фани Самарканд бесподобно воспел —
Никто до него так еще не сумел.

БАДИИ

Душа Навои дарит музыки звон,
Огонь в каждой искре ее заключен.

НАВОИ

Матлаъ¹ ваш горяч, и с небесных высот
Он ярко лучи на газель мою льет.

Но я, признаюсь, все глаза проглядел,
Ждал вас, Мирзобек, — вы ведь в курсе всех дел.

Простите покорнейшего за вопрос:
Вестей из Герата никто не принес?

* Матлаъ — первое двустишие лирического стихотворения, являющееся посвящением.

МИРЗОБЕК

Вас видеть здоровым — вот счастье для нас,
Хотим, чтоб поэзии пламень не гас.

Вестей же никто из Герата не шлет,
Мы ждем, что вот-вот караван подойдет.

Беседую с вами отец мой пленен,
О вас с добротой отзывается он.

Просил он сказать, что ваш новый приход
Поэзии жемчуг ему поднесет.

НАВОИ

За добрую весть благодарен я вам,
А вдруг о Герате узнаю я там!—

Все время душа почему-то болит,
В груди беспокойство, расстройство царит.

МИРЗОБЕК

Пусть душу колючки расстройств не жгут,
А розы поэзии ярко цветут.

Вам радость доставив, я счастлив и сам,
Всегда буду спутником верным я вам.

Всемиловит градоначальник у нас,
Ждет завтра нас вместе он в утренний час.

Дворец перед вами открыт он готов,
Цветник его полон душевных цветов.

НАВОИ

Эмир, я мечтаю увидеться с ним,
Кто чтит высоко — будет высокочтим.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Купол голубой дворца, лаская взор,
С небом голубым ведет — кто ярче! — спор.

И глаза от спора этого слепит,
Красок радуга стоцветная слепит.

А внутри — узор порталов, изразцов,
На резных колоннах краски всех цветов,

Канделябры и персидские ковры,
Стены всюду, как цветник весной, пестры.

Лук, повешенный на гвоздь, а рядом щит,
Меч с жемчужной ручкой посреди висит.

Это все — дворцу величие дает,
А душе хакима отдых от забот.

На пиру вчера от песни от одной
Онемел он, потерял души покой,

А творец ее, волшебник дивный тот,
Как проситель, в этом городе живет.

Не сомкнул хаким всю ночь горящих глаз,
Создавая для газели мухаммас.

И чтоб стал плодоносящим сад добра,
К медресе он товачи¹ послал с утра.

Навои же грустный в этот час сидел,
С горькой думой на дорогу он глядел.

Доруга собрал вокруг себя всю знать,
А визирь со страхом стал поэта ждать.

Тот письму хакима был сердечно рад,
В сердце Навои желания горят,

Мир предстал в какой-то новой красоте —
Коксарай давал простор его мечте.

Околдован ум чарующим дворцом,
Рябью линий в ореоле золотом.

А у входа, словно на параде рать,
Гостя в бархате, в парче встречает знать.

Был Ахмадом Ходжибеком встречен он,
И большим вниманьем был отмечен он.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Мавляна, весь Самарканд собрался здесь,
Ваш приезд — и радость, и большая честь.

НАВОИ

Счастлив я, что в самаркандской стороне
Доруга великодушный добр ко мне.

¹ Товачи — вестник.

АХМАД ХОДЖИБЕК

В Самарканде радуется весь народ
Оттого, что скоро встреча с вами ждет.

Вас послал сюда, к Кухаку Хорасан,
И поддержит в деле всяком Хорасан.

(Камень, что в душе Шакур Мирзо держал,
На поэта, словно молния, упал).

ШАКУР МИРЗО

Ваша милость, из Герата здесь гонец,
Дело тайное открылось наконец,

Навои был из Герата выслан прочь —
Беднякам хотел стихами он помочь.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Климат мне Герата ведом и другой,
Там земля и небо блещут чистотой,

Навои авторитет и там высок.
Самарканд в восторге от жемчужных строк.

Город наш издревле Вдохновенья сад,
Здесь тулпар пера, как вихрь, летит, крылат.

Дерзновенные Лутфи и Рудаки
Здесь приют нашли от горя и тоски.

Жизнь свою здесь отдавали за стихи
Достославные Джами и Дакики.

Сакоки и Атои хлеб-соль страны,
Раз вкусив, навеки стали ей верны.

И, как знать, быть может, Самарканд в веках
Навои прославит ярче всех в стихах.

НАВОИ

Похвала такая — в жизни молодой!
Путеводной станет для меня звездой!

На земле своей, что избрана судьбой,
След предшественников выбит золотой.

Слава их простерлась от земли до звезд,
Тех, что Улугбек народу в дар принес.

В то же время человека травит рок,
Мир запятнанный безжалостен, жесток.

Вот и здесь крючок вцепился в жизнь мою,
Но надеюсь, что ее я отстою.

В лодке ссылки в трудный час мытарств вода
Ради знаний принесла меня сюда.

ШАКУР МИРЗО

Мавляна, прошу простить за промах мой,
Доруга вас принимает всей душой.

Просто к слову я о новости сказал,
А поэзию я с детства обожал.

Файз Махмуд, поэт придворный, подтвердит,
Что и он к вам, Навои, благоволит.

Хорасану верность выразив опять,
Не хотим, чтоб в ссылке вам пришлось
страдать.

(В это время Файз Махмуд стоял столпом,
Только глазки быстро бегали кругом,

Да рука бородку гладила слегка —
Любовался он собой наверняка!)

НАВОИ

Почему, визирь, в изгнанника тайком
Вы бросаете своих упреков ком.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Мавляна, забудьте жало этих слов,
Не бывает без колючек и цветов.

Не грустите, пятна есть и на луне.
А Шакур Мирзо сболтнул, поверьте мне.

ШАКУР МИРЗО

Ваша милость, я прошу меня простить
И прошедшее скорее позабыть.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Камни мы бросаем испокон веков
Только в дерево, что гнется от плодов.

Хоть визирь наш и безгрешен, всех любя,
Но сегодня показал он нам себя!

Мавляна, откройте цели нам свои,
О желаниях скажите, Навои.

НАВОИ

С вами встреча — вот награда всех наград,
Почитает вас и любит весь Герат.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Ну, а вас весь Самарканд с волнением ждет,
Ваше имя слил с душой своей народ.

Вам открыты все сердца и все дома,
Все хафизы от газелей без ума.

Бесконечно расположен к вам и я,
С вами связана поэзия моя.

Двор явил великодушие свое —
В Сарховузе ваше новое жилье.

Кров найдя достойный вас, по вечерам
Буду я всегда навещать к вам.

Пусть забудутся дурные времена,
Сладость знаний здесь получите сполна!

Одеяние от нас примите в дар,
Златошвей Кухака в нем сияет жар.

И поэту Ходжибек на стройный стан
Тонкотканый золотой надел чапан.

И еще его вниманием почтил —
Кошелек ему из бархата вручил.

Все поэта поздравляли от души,
И слова приветов были хороши.

И визирю, хоть кипела в сердце злость,
С Файз Махмудом поздравлять его пришлось.

НАВОИ

Я у вашего величества беру
Чашу счастья, чтоб воздать хвалой добру:

Вечным садом ваше царство пусть цветет,
Мир на ваше государство пусть сойдет.

Я желаю, чтоб взрастил Мавераннахр¹
Сад поэзии подобный саду Дахр¹.

В добрый час сюда прислал вас Хорасан,
Совершенства дар, воистину, вам дан.

С восхищеньем вспоминает вас Герат,
С нетерпеньем ожидает вас Герат.

Ваш сюда благословенным был приход.
От забот великих ваших и щедрот

Приобрел покой Мавераннахр навек,
Словно в райский сад вступил здесь человек.

АХМАД ХОДЖИБЕК

Хоть Герат моей был матерью родной,
Самарканд мне стал отцом — моей страной.

Две столицы, но от века край один,
Как в газели бейт — двустрочен, но един.

¹ Сад Дахр — Сад Мира.

То, что в град благословенный наш пришли,
Вы отцовскую любовь приобрели.

По святым местам паломником бродить,
Что священнее для сына может быть?!

НАВОИ

Доруга, благодарю! Пусть красота
Не покинет эти дивные места!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Дворец у Шакура Мирзо небольшой,
Но многих событий свидетель немой.

Здесь руки визиря ночами тайком
Над полным доносов снуют сундуком.

Пословица мудрая здесь не верна,
Что уши имеет любая стена —

Не ведает даже дворец доруги
О том, что визиря хранят тайники.

Закрытый казан так и будет закрыт,
Коль крышку хозяин поднять не велит.

Рабам слуги все у визиря сродни:
Чем Олюдо покорнее лижут они,

Тем выше чины, и тем выше притом
Почетное место их ждет за столом.

Сегодня под вечер собрался их круг,
И настежь распахнут наветов сундук.

Подобно котам, что живут без забот,
С почтеньем визирю глядят они в рот.

Средь них — Абу Бакр, знаменитый купец,
Саркор — сборщик пошлин, делец и подлец,

Закир сын Али — он же главный миршаб,
Начальник тюрьмы Мир Ахмад — верный раб,

Случайно попавший в поэзии сад
Поэт Файз Махмуд замыкает их ряд.

Коль скажет визирь — принесите чалму,
И голову с нею доставят ему.

Какой дастархан перед ними накрыт! —
На блюде серебряном мясо лежит,

Дичь Гуса и кеклик ургутский средь вин —
Дар зимний визирю от гор и долин,

Их запахом зир Минбулака¹ пьянит,
Вино Кенагаса гортань холодит...

Визирь захмелел, но ведь рядом — свои,
Он яму долбит на пути Навои.

ШАКУР МИРЗО

Его из Герата сослали долой,
А мы в Самарканде теряем покой!

Его с уваженьем встречает народ,
И имя его повторяет народ.

¹ Зир Минбулака — тмин из села «Тысяча родников».

Ахмад Ходжибек не послушал меня,
И ранил, тем самым, он в душу меня.

Просил во дворец Навои я не звать,
Но был доругою унижен опять.

Увы, доруга наш в газели влюблен,
Поэтов ценя, покровитель их он.

И кров Навои дал дворец потому,
Почетный прием оказал он ему.

Некстати все это, некстати, увы,
О мыслях поэта все знаете вы.

Его обаянье, увы, велико,
Мелодии к небу летят высоко.

Он смуту в народную душу несет,
Тьмой может дворец наш окутать народ.

С утра дотемна с Навои Файз Махмуд,
И вместе едят, и беседы ведут.

В душе Алишера он шарит рукой,
Узнать и о целях, и кто он такой.

И вам быть беспечными тоже нельзя,
Все можем мы ждать от поэтов, друзья.

В пути Навои мы поставим силок —
Не пустят его во дворец на порог!

АБУ БАКР

Визирь, он опасен, поверьте вы мне,
Не место подобным в подобной стране!

МУХСИН САРКОР

Аркан подлиннее нам надо связать —
Любимца народа не просто изгнать.

ЗАКИР АЛИ

Покорнейшему только дайте приказ,
И будет в тюрьме Навои в тот же час.

МИР АХМАД

Задача такая, увы, не легка,
У власти Ахмад Ходжибек ведь пока!

ФАЙЗ МАХМУД

В народе и чтим Навои и ценим,
Нам в яму свою не понасть бы самим.

ШАКУР МИРЗО

Мы прежде, чем резать, отмерим семь раз,
Подумать сто раз учат прадеды нас.

Ахмад Ходжибек, Навои разлюбя,
Остынет — я это беру на себя.

За пазуху я доруге положу
Пустые орехи — и вмиг остужу!

МУХСИН САРКОР

Раз с ним Файз Махмуд делит стол и досуг,
Пусть удочку в душу забросит, как друг,

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Навои давно грустил в своей тиши
По беседе с мудрым Улой Шоши.

Абулайс был мудр, приветлив и умен,
Проницательностью отличался он.

Здесь нашли ученики познания все
В достославном Улугбека медресе.

Но в искусстве муаммо Шоши был бог,
Лишь Шарафиддин Язди с ним спорить мог.

Весь народ к нему высказывал любовь,
Преклоненъем окружая вновь и вновь.

И исполнилось желание души —
Навои явился гостем в дом Шоши.

Тот навстречу Навои не поспешил,
На тушаке¹ мударрис лежал без сил.

И табиб², склонясь над сломанной ногой,
На Шоши смотрел с душевной теплотой.

С Санафи-табибом рядом встал поэт,
Заблестел в его глазах участия свет.

Желтый цвет лица ему печаль внушил,
Он сочувствие тактично изъясил.

¹ Тушак — ватное одеяло.

² Табиб — врач.

И уверенность он выразил, что тот
В дни ближайшие здоровье обретет.

Вдруг без зова к Навои пришло само,
Наилучших пожеланий муаммо.

Записать его он тут же поспешил,
А Шоши за ним внимательно следил.

Мударрис взял муаммо, надел очки,
И в глазах зажглись восторга огоньки:

«Пусть болезнь, которой ты сейчас томим,
Плоть покинув, отомстит врагам твоим».

От стиха до слез[!] растроган был Шоши,
Оживившись, про болезнь забыл Шоши.

Волновал его сейчас один вопрос:
Автор кто? В ком это чудо родилось?!

Засияв улыбкой, Санафи сказал:
Миг назад у вас был тот, кто написал.

Навои!— добавил гордо, и в ответ
Озарил устода доброй ласки свет.

Попросил он лист бумаги и стило.
Повторил он имя Навои светло.

Муаммо создал изящное он вмиг.
С ним отправился в дорогу ученик.

Не успел поэт войти в свой тихий скит,
Как с улыбкой перед ним возник джигит.

Он представился учтиво, а потом
Молча руку протянул к нему с листком.

Оглядев джигита с головы до пят,
Потянулся к муаммо поэта взгляд:

«Ты навестил меня, время и мне навестить,
Радость свиданья с тобой почему не вкусить?!»

И улыбкою повеяло от строк,
Очарованный, он слез сдержать не смог.

Словом ласковым он вестника согрел
И к базару, как на крыльях, полетел.

Он шагал и видел в зеркале души
Образ доброго и мудрого Шоши.

Об устоде думал он и потому
Самарканд казался радостным ему.

Но у входа на базар ударил гром —
Нищий сердце опалил ему огнем.

Опершись на посох, вдохновенья полн,
Повторял вот этот бейт распевно он:

«Грудь разорвалась — так порвано небо
зарей,
Влагой омыты ресницы, как травы росой...»

Бейтом нищего, что бос, полураздет,
До глубины души был потрясен поэт.

Он стоял, как будто к месту пригвожден,
Отойти был от него не в силах он.

И душа волненьем тайным извелась,
Как костер, от бейта нищего зажглась.

Эта боль была поэту так близка,
Что в глазах — и изумленье, и тоска.

Только нищий Навои не замечал,
Бейт любимый он все время повторял.

И его страданий ощущая жар,
Подаянье вынул нищему он в дар.

Ну, а тот, забыв, что он раздет и бос,
Трогал песней сладкогласною до слез,

Пел, пылая, будто сам сейчас влюблен
И согнулся от разлуки тяжелой он.

Долго слушал Навои, как нищий пел,
Но проникнуть в тайну бейта не сумел.

И чтоб выразить ответную любовь,
Подаянье протянул ему он вновь.

И стремительно пошел он к медресе
Вместе с бейтом, занимавшим мысли все.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

От солнца надежды стал мир веселей,
И вера в душе становилась сильней.

В худжре медресе он давно уже свой,
Похож Самарканд стал на город родной.

И счастлив, и горд Фазлулло Абулайс,
Что мудрость и зрелость в поэте нашлась,

Что тайны ему открывает земля —
Родник, что прозрачней, чем глаз журавля.

А с неба спустился уж месяц мизан¹,
И радужных красок разлил океан.

Над садом поэзии ночью и днем
Душа заливалась, звеня соловьем.

Могучих поэтов открылись сердца,
Чтоб имя его повторять без конца.

Худжра в медресе — красоты образец,
Прелестней она для него, чем дворец.

Когда же душа загрустила опять
И стала к друзьям и к отчизне взывать,

Пришел с товачи на заре караван,
Письмо он привез, что дарил Хорасан.

Хусейн Байкара слал послание в нем,
И свежее дружбы дыхание в нем.

Надежды взвились, как проснувшийся рой,
И радость в душе поднималась горой.

Послание тихо он благословил,
И жемчуг бумаги свет глаз озарил,

Подули ветра из мешхедских садов,
И словно повеяло медом с цветов:

¹ Мизан — название седьмого месяца солнечного года, соответствующего периоду 22 сентября — 21 октября.

«Мой друг Алишер, в отдалении я,
И песня моя, словно стон соловья.

Уехали вы — нет опоры-горы,
Герат стал чужим, сад поник от жары.

Опоры нет рядом в заботе моей,
И нет силы-мочи у плоти моей.

Письмом к Ардашеру толкнулся я в дверь,
Но хижина старца разбита теперь;

А небо все сыплет камня и град,
И вечером скорби стал каждый закат.

А ветер и слезы мои, и печаль
Уносит листвою осеннею вдаль.

Подарок вам шлю я, чтоб в грустную ночь
Согреть свою душу, печаль превозмочь.

А ваша душа — в окруженье друзей,
Поддержкой им будьте, как в жизни моей.

Зол Абусаид, кровожадный Султан,
В раздорах, в сраженьях, в огне Хорасан.

Селенья — в руинах, от хижин — зола,
Душа у народа сгорела дотла.

Когда ж притеснений окончится ад,
Иль надо походом идти на Герат?!

Какой отклик я в вашем сердце найду? —
Письмо, Алишер, с нетерпением жду.

К посланью газель приложил я одну
И в сердце на миг ощутил тишину:

«Разве мало, что страдаем с милой мы вдвоем,
Почему заботит третий, что горит огнем.

Не возлюблённой напасти, не мою беду,
А бессильного страданья в сердце мы несем.

Это — бедствия посланье, адской муки весть,
Ранен третий, но страданья мы приобретем.

Пламя розы и колючки, пламя соловья —
Три огня мне пали в душу, как не сжечься в нем.

Плоть моя, душа и печень в трех огнях горят,
Три огня, а сотни адов в полыханье том!

Пламя, что во мне с любимой, слезы усмирят,
Что мне делать, если третий — молния во всем.

Хоть Хусейн горит печалью, что любовь зажгла,
Отчего она сжигает Навои огнем?»

Хотя Навои этой весточке рад,
Но стоны народа в нем болью звучат.

Картины Мешхеда встают перед ним.
В душе Ардашер, Турбати... Он томим

Желаньем — Хусейна посланьем согреть,
В письме Самарканд благодарно воспеть.

Он в бездну раздумий ушел с головой,
А пламя души, как пожар заревой.

«Ну как воцарятся покой, тишина,
Когда от раздоров ослабла страна.

Царь нужен ей, как Байкара, боевой,
Поднять у народа щит над головой.

Груб Абусаид, непреклонен, жесток,
Устал Хорасан от борьбы и тревог.

Зато Байкара справедлив и умен,
Оратором среди тимуридов рожден.

И в царстве поэзии он властелин,
Газелями множество душ исцелил.

А тем, кто перо стихотворца берет,
И сабля, склонившись, почет воздает.

Коль шахом в стране нашей будет поэт,
Жемчужины душ он получит в ответ.

Но руки у Абусаида длинны,
От дивов нукеры его рождены,

И с ними отряд Байкары не сравнить —
Терпенье и выдержку надо хранить!»

Раздумывал так Навои о стране,
Послание другу творя в тишине,—

К Хусейну, построив газель, как войска,
Отправиться смог он лишь в мыслях пока:

«Ах, любовь, я неразлучным быть с любимую мечтал,
Только что поделать, если рок мне этого не дал.

Я теперь из-за разлуки, как затравленный олень —
Стать согнулась, гóря луки выпустили сотню жгт.

На собраньях отрезают у свечи ее язык,
Даже если хвастать станет, что луною он сиял.

У Фархада вы спросите, как страдают от разлук,
Для Ширин Хосрова нету, хоть и рядом он стоял.

С изумлением гляжу я не ее красу всегда,
С колдовской такой любовью смертный час бы
не настал!

Чтоб совсем не стать пропойцей, мир забывшим от
любви,
Шаль возлюбленной меняю я на пенистый бокал.

Эй, бокал, коль будешь с кравчим, вспоминай о Навои,
Чтоб вино он от страданий, а не кровь свою глотал!*

Почтеньем исполнен, и счастьем лучась —
Ведь сам Навои говорил с ним сейчас!—

Послание взяв, почтальон поутру
Стремительным шагом покинул худжру.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

По садам Богишамала шел навруз,
По цветам весенним радость шла и грусть.

Как невесты озорные, у оград
В белых платьицах урючины стоят.

Как красавицы, одетые в шелка,
Млеют яблони, таинственны слегка.

В их соцветьях собирают пчелы мед,
В пенье птичьим счастье дивное плывет.

Розы алые краснее винных струй,
Розам белым дарит ветер поцелуй.

Так вплелось в очарование садов
Ликованье деревьев и цветов.

Так в саду неповторимом Арханги,
Где весна в объятьях держит цветники,

Для поэзии открыв свои сердца,
О любви поют поэты без конца.

Навои и Мирзобек, Джамшид, Подир,
Бади, и Бакои, и Акобир,

Риези, и Харими, и Садои,
Хитоби, и Файз Махмуд, и Сарои —

Лишь «красавица ночная» зацветет,
Каждый в сад походкой плавною идет.

Шли они к чинаре, полной вешних сил —
Улугбек чинару эту посадил —

Вдохновенье в них бурлило, как Кухак,
Шла ведь речь их об изящном, как-никак!

Здесь цвело газелей тюркских волшебство,
Здесь цвело персидских бейтов колдовство,

Здесь слились в одной душе два языка,
Как сливаются два чистых родника.

И поэт тюркоязычный стих творя,
Пишет, будто на персидском говоря,

А персидскому поэту для стиха
Чистый жемчуг дарит тюркская река.

Так близки два языка родной душе,
Как два солнца, что горят в одной душе.

Коль фарси — кольцо, то тюркский — камень
в нем.
Тюркский — песня, то фарси — слов пламень
в нем.

Так волшебный братских языков союз
Цвел на празднике поэзии в навруз.

Благозвучие двух языков родных,
Потрясая души, окрыляло их.

И когда бейт Харими промолвил вслух,
Онемели от газели все вокруг.

«Эй, милая, ночи светя, я горел лишь тобой,
Ах, от ожидания в разлуке сгорел я свечой...»

Жалоб жарких Харими меджнунский стон.
В душах отклик получил со всех сторон.

Слезы их пролить заставила любовь,
И волнение оставила любовь.

От тоски объят страданьем Навои,
Как Кухак весной ранней — Навои.

Чтоб от горя исцеление найти,
С той матлаъ газель заставил расцвести.

И сказал: матлаъ от вас — бесценный дар,
Пусть прочтут ее потомки, млад и стар.

Харими от счастья просто онемел,
Лишь поклоном радость выразить сумел.

Этой радостью и Навои согрет,
В небесах его души ни тучки нет.

Спор-мушоиру продолжить Навои
Предлагает, посмотрев на Бадии.

С той поры, как Андижан покинув свой,
За учебу здесь он взялся всей душой,

Самым близким другом Навои он стал,
Души их один порыв объединял.

Всюду рядом с ним, идя к плечу плечом,
Силой стал для Навои он и врачом.

Если тот в стихах погрешность допускал,
Он тактично, незаметно поправлял.

И еще — он так писал стихи свои,
Что улучшить мог их только Навои.

О таких привыкли люди говорить —
Жизнь и мертвому он может подарить!

Он играл арузом, словно музыкант,
Ждал стихи его с волнением Самарканд.

И хоть знал отлично оба языка,
Муза тюркская была ему близка.

Разлилась строка персидская, как трель,
С уст его слетела птицею газель:

«Шла ты, и подковки туфель — хоть была и ночь
темна —
Промелькнули и исчезли, словно новая луна...»

Как волна Кухака, от газели сей
Захлестнуло чувство радости друзей.

Риези настала очередь, а он
Всеми видами искусства был пленен.

Мысль любую мог он людям сохранить,
Нанизав на поэтическую нить.

Сам газель он создавал и тут же сам,
Подбирал напев к написанным словам.

Каллиграфом был искусным, но притом
Был еще и замечательным чтецом.

И любил погарцевать среди мудрецов
На коне премудрых и изящных слов.

Навои великодушье оценя,
Рысью он пустил поэзии коня.

И с восторгом прочитал газель свою,
Весь ликующий, подобно соловью.

Знатоки ему воскликнули: хвала!
И в самом поэте гордость ожила.

С этим чувством он взглянул на Навои —
Оцени, мол, достижения мои.

Навои согрел улыбкою его —
Все прекрасно, кроме бейта одного:

«Увидав ее сережки, лишь одно он мог сказать:
Красотой и блеском с солнцем им соперничать
под стать».

В этом бейте, как ни грустно, блеска нет,
Надо чуточку поправить этот бейт.

Навои стал тихо повторять его,
И попутно стал он исправлять его:

Слово «солнце» на «луну» он заменил,
И с луной лицо красавицы сравнил,

Брови выгнул, как серп месяца, дугой,
Серьги девушки сравнил он со звездой,

Поменял местами в бейте пару строк
И каким-то новым светом бейт зажег —

«Красотою бесподобны серьги тонкобровой той,
Так луна своим сияньем спорит с утренней звездой...»

Правку точную одобрили друзья.
Но внезапно, раздраженья не тая,

Гнези коня упряма оседлал,
В состоянье гнева и обиды впал.

Огорчила Навои такая злость,
По душе печали море разлилось.

Не показывая тайных этих мук,
Без обиды Навои покинул круг.

А вокруг двух бейтов спор был все сильней,
Полыхая, словно зарево огней.

И тем злее Риези обида жгла,
Что отличной правка Навои была.

Видя это, Навои был изумлен,
Риези жалея, шел по саду он.

И смотрел на ярко-алый окоем,
И на солнечную голову на нем.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Науке всю жизнь Улугбек посвятил,
Дворец просвещения сам он покрыл

Той росписью, что никогда не умрет.
Здесь мудрые споры дарил небосвод,

Здесь утром и вечером эхо, как гром,
Неслось над всемирно известным дворцом.

В стране просвещенья царил Улугбек,
И век просвещенья творил Улугбек.

Тем злей духовенство точило копье,
И в жизнь астронома вошло острие.

Потряс всех людей Улугбека конец,
Но не превратился в руины дворец.

Тот, кто астроному помощником был!
И в «Зидж»¹ свою скромную долю вносил,

¹ Зидж — астрономическая единица.

За обсерваторию встал тот же, ей,
И мученик каждый был здесь, как герой.

К напастям, что нес Самарканд без конца
От сына с печатью проклятья отца,

Добавилась Абусаида напасть,
И сажа на души людей улеглась.

Науки и радости светские все
С устодами выгнаны из медресе.

Печальны народных поэтов сердца —
Фанатикам кров дарит кровля дворца.

Религия снова всеильной была,
Лангаром¹ играла, как перышком, мгла,

С ней Абусаид, мятежом обуян,
Подмять под себя захотел Хорасан.

Исполнил желание черное он,
Кровавых напастей усилился стон.

И вздох Самарканда сместился в Герат,
И в вихре беды закрутился Герат.

А жизнь в Самарканде покой обрела,
К султану Ахмаду там власть перешла.

И обсерватория стала опять
Дворцом, где наукам и знаньям сиять.

¹ Лангар — якорь, шест, которым балансирует канато-
ходец, здесь — якорь государства.

И вновь полноводны арыки страны,
Пьянит ароматом дыханье весны.

В судьбе Навои ясный месяц взошел,—
В краю самаркандском он счастье нашел.

Великие люди великой земли,
Ученые, что с Улугбеком росли,

Ввели его в круг свой, чтоб мог он в пути
Жемчужины в море познания найти.

Открытой душою, с любовью поэт
Ловил Улугбека немеркнущий свет.

И ныне прекрасен цветник мудрецов —
Собрались устыды в нем ярче цветов.

Здесь Ухд Мастуни — всех наук властелин,
Свод знаний удерживать мог он один.

Великий, он был в космогонии маг,
Чей разум быстрее, чем молний зигзаг.

Беседами с ним Навои восхищен,
Великие знания черпал в них он.

С Ходжою Хисровом беседы велись —
Мирзо Улугбека он был мударрис.

Почтенный и великодушный во всем,
Учащихся нянчил он в сердце своем.

Судьба Мухаммада Олима светла,
Вершил он с Мирзо Улугбеком дела.

За нрав благородный ценим он страной,
Зато в аские нрав имел озорной.

В поэзии был он находчив и смел,
Достойное имя в науке имел.

Был тонок душой Саили мавляна,
Как кружево, плел он пером письмамена.

А если перо вдруг газель сотворит,
Весь мир на него, улыбаясь, глядит.

И как в Хорасане теперь Навои,
Единственным был в свои дни Соили...

А вот Лутфулло — доруги мударрис —
В нем скромность и честность в единство
сплелись,

Поэзия бьет в нем и знаний родник.
Покою не знает душа ни на миг,

Жизнь чудом считает за то, что она
Для дивных, волшебных бесед нам дана...

И врач — Кутбиддин Санафи — и мудрец.
Жил в сердце народа спаситель сердец.

Читал по глазам он больного недуг,
Лечил он любого, как ласковый друг.

Не зря Абулайс был знаком в мире всем,
Как самый ученый и мудрый улем.

А сам он — Саида Шарифа ценил,
Что тот педагогом искуснейшим был.

Абу Ханифи — в богословии бог,
Ему Ибн Хаджиб стать великим помог.

В шарадах искусен, в беседах умен,
В поэзии тоже был мастером он.

И милость свою к Навои проявлял,
Его своим сыном, любя, называл.

И в этом кругу Навои расцветал,
Здесь мудрость нанизывал он, как коралл.

Цветком — Улугбека здесь имя цело,
На все семь небес, словно солнце, взошло.

В душе Навои — вдохновенья родник,
Истоком великой реки он возник.

Кипела волна, нарастала волна,
Чтоб славу воздать Улугбеку сполна.

И все на поэта с восторгом глядят,
Слова его ловят и огненный взгляд.

И плоть и душа в мире радостных чувств,
В мир сыплются щедро жемчужины с уст:

«В роду Тимурхана Султан Улугбек
Один — и такого не будет вовек.

Его однолетки исчезли давно,
Их вспомнить народам уже не дано.

А он, кто во многие тайны проник,
Пригнул небеса и созвездий достиг.

Для неба второго он создал фасад,
Воздвиг украшение мира — расад.

Как космогонической мысли полет,
Составил «Зиджи Курагона»¹ он свод.

И будет весь мир до конца своего,
Указы писать об указах его».

Воскликнули все собеседники «Вах!» —
Обрел Улугбек вечность в этих стихах..

Глаза засияли, кровь в жилах кипит,
Законная гордость в их душах царит.

Взволнован и нем Навои от похвал,
Тулпар вдохновения вдаль поскакал.

Сказал Мастуни, что «Зиджи Курагон»
На новое небо теперь вознесен.

И счета для звезд в небесах этих нет,
Но все они льют одинаковый свет.

И если Чулпан украшает рассвет,
Хулкар дарит ночи лучистый свой свет.

Теперь со звездой Улугбека всегда
Гореть Навои будет рядом звезда.

Мелодию уст Мастуни подхватив,
Развит Абулайсом был этот мотив.

¹ Зиджи Курагон — звездный календарь.

«Никто Улугбеку так славу не пел,
И здесь Навои первым стать преуспел.

Газелей султан, он жемчужиной той
Украшил эпохи венец золотой».

Одобрил шедевр мавляна Соили,
Его записал он в тетради свои,

Сказав: «Вечно стих Навои будет жить.
Способен для тюрков «Хамсу» он сложить!»

«Мечта эта, право, пуста и смешна —
Для тюрков «Хамсы» не создать, мавляна».

Так высокомерно с порога опять
Бестактность спешит Риези показать.

И даже улыбка была его зла,
Всю прелесть беседы она пресекла.

Но грубость смутить не смогла мудреца,
Жемчужину вновь он достал из ларца:

«Хамсой» Навои обессмертит всех нас,
Он к камню притронется — вспыхнет алмаз,

«Другой и в жемчужине камень узрит.
Не каждому мастером стать предстоит».

РИЕЗИ

«Простецкая речь — в каждом тюркском
дому,
«Хамса» этим простолюдинам к чему?»

Желая беседе вернуть красоту,
Попробовал снять Абулайс остроту:

АБУЛАЙС

Мы простолюдинов винить не должны,
А почести, кстати, нам ими даны!

Не только «Хамсу» жаждет тюркский язык,
Лутфи, чей талант несравненный велик,

Однажды сказал, что все бейты свои
Отдаст вот за этот вот бейт Навои:

«Лишь лицо ее закроют, льются слезы вмиг
из глаз,
Словно солнце закатилось. россыпь звездная
зажглась».

Пускай на персидском напевней строка,
На тюркском же — каждая краска ярка.

И если «Хамсу» Навои сотворит,
Народ его славой отблагодарит...

Отпор Абулайса добил Риези,
Слов войско его оказалось в грязи,

Зато Навои, овладев скакуном,
Проведал о тайном мечтанье своем:

Персидский и тюркский — близки языки,
И поят народ обе эти реки.

Но больше на тюркском народ говорит,
И в нем, словно в сказке, клад истинный
скрыт.

Кто камни упрека бросает в народ,
Того гнев людской, как волна, захлестнет.

Да, тюрков богатство — нетронутый клад,
И я прикоснуться к нему был бы рад!

Нужна для «Хамсы» сила, равная им,
Тогда для народа «Хамсу» сотворим.

Взяв тюркских богатств небывалых красу,
Истратив десятую часть на «Хамсу»,

Кто гордость народа до неба вознес?—
Ответа не даст Самарканд на вопрос...

Не даст и Герат... Хорасан весь не даст!..
Хисров лишь способен поднять этот пласт!..

От слов Навои всем собравшимся вдруг
Представилось — мир изменился вокруг,

Звездою «Хамсы» озарен небосвод,
А счастья корабль по Вселенной плывет.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

С неприятной вестью город утром встал,
Новость черная вонзилась, как кинжал.

Был народ настолько вестью потрясен,
Что себя забыл от огорченья он.

С уст людей молитвы-жалобы неслись,
Звезды веры с неба душ срывались вниз.

Стонет беркутом израненным народ,
Воскликать, «О, боже!» не перестает.

Из сердец, где обрела свобода кров,
Боль горячая сочилась, словно кровь.

Самарканд метался, как меж двух огней,
Траур памятников вечных — тьмы темней.

Тирания обнажила свой оскал,
Стон эпохи — Регистана грудь терзал.

Из Герата весть пришла ночной порой,
И покинул стены города покой.

Это вновь Абусаид позорит род,
Ливень бешеный обрушил на народ.

Луком мести шлет он стрелы в темноту,
Лучших беркутов сшибая на лету.

Хорасан от горьких стонов дрожью бьет,
В небесах Герата туча слез плывет.

Через горы эта туча прорвалась
И до сердца Самарканда добралась.

Поражен Ахмад Мирзо был вестью той,
В Коксарае он, с поникшей головой,

Вспоминал отца родного своего,
И народа муки мучили его.

Боль Ахмада Ходжибека так темна,
Что и свечкой не рассеется она.

Свой удар коварный весть из-за угла
Прямо в душу Абулайса нанесла.

К Навои пошел он тихо через сад
С горькой вестью, что прислал ему Герат.

А поэт в худжре опрятной в этот миг
К роднику народной мудрости приник.

И не сразу он увидел, что к нему
Гость пришел, и в горе, судя по всему.

А увидев, сразу с места он вскочил,
На глазах устода слезы различил,

И не зная их причины, онемел,
Задавать ему вопросы не посмел,

Боль чужую уважая и ценя,
Встал с устом рядом, голову склоня.

Тот погладил Навои по голове,
Помолился, помолчал минуты две,

А когда делиться новостью с ним стал,
То согнул поэта-пахлавана стан.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Мавляна, сражен я новостью такой,
Что с рассвета потерял уже покой.

НАВОИ

Чем, учитель, вас посмел обидеть рок,
Кто покой священный ваш нарушить мог?!

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Всю-то ночь сова кричала у окна,
Страшной вестью сотрясала ночь она.

И напрасно звал я сон, он скрылся вдаль,
Пятерней вцепилась в душу мне печаль.

НАВОИ

Что, устод, скажите, вдруг произошло,
Что посмел вам причинить печаль и зло?!

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Снова Хорасан от распрей ввергнут в ад,
Кровь народа льется, словно водопад.

Над Гератом в небе снова стон плывет,
Кровь на саблях смысла ржавчины налет.

НАВОИ

Видно, он на Байкару пошел войной,
Саблю вновь занес над смелой головой?

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Нет, Хусейн, как и Мирзо, хотя и смел,
Но избежать всех ловушек он сумел.

Только он Султана саблю рассечет,
А не то в крови потонет наш народ.

НАВОИ

Отчего тогда взбурлил Герат родной,
Что случилось с благодатной стороной?

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Ах, Герат в руках Султана — жалкий челн,
Скачет, бьется он на гребнях грозных волн.

И хоть от эмира род Султан ведет,
Сам под корень рубит собственный свой род.

Тимуриды, правнуки Курогани,
Внуки Улугбека — боже, все они,

Все — Мирзо Абдураззак, Мирзо Ахмад,
И Мирзо Махмуд — убитые лежат...

Обезглавлены...

НАВОИ

Мой бог!.. Эй, небосвод!
Почему твой кров на нас не упадет!

Почему судьбою мира ты опять
Кровожадному убийце дал играть!

Неужели он седин не пожалел,
Острие в родную плоть воткнуть посмел!

Эй, светило, ты затмись, пусть ночь придет,
Черный траур пусть на Хорасан падет!

Кровь израненную душу залила,
И в нее попала черная стрела!

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Кровь на саблях не просохла, а приказ
Дал Султан, чтоб казнь другая началась.

Изрубило злыми саблями зверье
Улугбека мать!..

НАВОИ

О, боже!.. И ee!..

Мечь придет за кровь святую матерей,
Материнское проклятье всех страшней.

«Где оставят ноги матери следы,
Кущи райские сияют и сады.

Если хочешь, чтоб исполнились мечты,
Под ногами матерей стань прахом ты».

От народной крови пьян Султан опять,
Руку грозную рискнул на мать поднять.

Светопреставленья дни ему грозят,
Злее гнета не видал еще Герат.

Кто сыновний долг нарушил, тех в ответ
В том и в этом мире ждет пучина бед.

Есть начало всякой жизни — это мать.
А без матери жизнь черной может стать.

Пусть над матерью святой летят, легки,
Как во всех столетях прежних, мотыльки.

Надо золотом вселенной осыпать
Подарившую нам Улугбека мать.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Кто на мать поднимет руку, вскоре тот
Головой на камень скорби упадет.

Кто невинного джигита умертвит,
Всёнародным гневом будет тот убит.

Как хакимом стал Султан Абусаид,
С той поры в Герате вечный ад царит.

Годы, что царил убийца, Хорасан
Несомненно впишет кровью в свой дастан.

НАВОИ

Над Гератом траур — траура черней,
Муки города — безмерных мук сильней.

Гавхаршодбегим убита, о усгод,
Стон потомков Улугбека не умрет.

Этот стон взорвался грозно, как вулкан,
И сотряс он онемевший Хорасан.

Царство черное — когда настанет суд —
Все грядущие эпохи проклянут.

Света правды жаждет мученик-народ,
Справедливого царя корона ждет.

Только где народом признанный герой?
В Хорасане нету личности такой.

Вся надежда — Байкара прикончит зло.
Вот бы счастье для него звездой возшло.

Если встанет за него народ стеной,
Байкара сам станёт яркою звездой.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Тревога в султানে Ахмаде жила,
Душа над пучиною горя плыла.

На парус в тайфуне султан был похож,
Мятеж беспощадный бросал его в дрожь.

Мор будто на род Улугбека напал,
Отец душу сына в крови искупал.

И в ярость от всех совершаемых зол¹
Печальный народ Самарканда пришел.

И в горе у бсков, любивших отца,
Печаль, как туман, застилала сердца.

От боли Мирзо в раздражение впал,
Он молча мелодии грустной внимал,

И только мелодия эта одна
Чуть-чуть утешала, светла и грустна.

ШАКУР МИРЗО

Ах, ваше величество, в сердце борьба!
Пусть стихнет — ведь так повелела судьба.

Карая сородичей близких, Султан
Хотел, чтоб вернулся покой в Хорасан.

Но поднял, по сути, мятеж не народ,
Его Байкара за собою ведет.

Опасная личность — давно уже он
Крадется к Герату с надеждой на трон.

АХМАД МИРЗО

Да, враг он Султану, так все говорят,
Но вряд ли позарится он на Герат.

В степях под Таршизом разбил он свой стан,
Надеясь покоя лишить Хорасан.

Но что для чинары простой ветерок —
Буря ей не страшен, хоть он и жесток.

Ось царства Герата надежна, крепка.
Ее не коснется Хусейна рука.

ШАКУР МИРЗО

Пусть войско Хусейна сплошь из лоскутков,
Но умных в нем тоже немало голов.

И дяди поэта в то войско влились,
С отвагою в сердце они родились,

Он дядей своих уважает и чтит,
И здесь он поддержкою их дорожит.

(Шакур свою речь еще не завершил,
Как в зал Файз Махмуд заглянуть поспешил.

Поводья беседы схватив на лету,
Стал жарким огнем накалять клевету):

ФАЙЗ МАХМУД

Прав мудрый аглям — тайно письма свои,
Как исповедь, шлет к Байкаре Навои.

От друга везут караваны ответ,
И в письмах мелькают Герат и Мешхед.

От писем три дня Навои сам не свой,
Совет Байкары он исполнит любой —

Коль в детстве огонь вечной дружбы зажжен,
Лет сто, говорят, реет пламенем он.

АХМАД МИРЗО

Да, в школе на дружбу они поклялись,
Но ныне, как солнце с луной, разошлись.

Совет Навои Байкаре ни к чему,
Нукеры и стычки важнее ему.

А сам Навои — лишь стихами живет,
И, право, вреда он нам не принесет.

Два года он в Мавераннахре уже,
И каждый из нас им гордится в душе.

ШАКУР МИРЗО

Но он, ваша светлость, как личность, могуч,
Народ будоражит, как солнечный луч.

И если он к бунту в стихах призовет,
То за Байкарой Хорасан весь пойдет.

Тут предосторожности меры нужны,
Ведь острых намеков газели полны.

ФАЙЗ МАХМУД

И авторитет Навои, что ни год,
Растет и для нас дни плохие несет.

Чтоб хуже нам не было, срочно должны
Печать наложить хоть какой-то вины.

Нельзя, ваша светлость, чтоб думал Герат,
А с ним и отец ваш — что сын виноват,

Что сосланных он приближает к себе
И птицей подняться дает им в судьбе.

На честь Риези покушался поэт,
Он в грош оценил его авторитет —

Слова Риези разозлили, видать,
Что тюркский «Хамсу» не способен создать.

И снова персидский охаивал стих,
Держать от дворца надо дальше таких!

АХМАД МИРЗО

Что делать, ведь пятна есть и на луне,
Ни разу безгрешный не встретился мне.

И вам Навои опасаться смешно,
Лишь словом ему восхищаться дано,

Что сердце желало, он тем и дышал,
Шагов опрометчивых не совершал.

В поэзии кто с ним сравниться рискнет,
Слова из ларца ему дарит народ.

Поэзии поприще так же, как встарь,
Бескрайно, и слов властелин — его царь.

И прав Навои в отношении «Хамсы» —
Нет выше ее лучезарной красы.

И если на тюркском «Хамсу» он создаст,
Склонившись, народ ему славу воздаст!

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Самаркандский снег хрустящий на дворе.
Навои задумчив в расписной худжре.

Низкий столик, свечи, бликов серебро,
Самаркандская бумага и перо.

Баёзы, диваны — в нише встали в ряд.
На гвоздях чекмень, кундуз телпак¹ висят.

В тубетейке голубой сидит поэт,
Он в чапан парчовый дарственный одет.

Взяв диван Лутфи, он в чтение погружен,
Весь жемчужинами слова окружен.

Восхищенный — до чего же щедр устод! —
Навои на тюркском мед газелей пьет.

И душой он возжелал письмо послать,
И заставил он бутоны расцветать.

Протянул к устоду мудрому поэт
На бумаге белой дивных строчек след.

В доме загородном у кухакских вод
Он сейчас один-единственный живет.

Здесь он зрелость, вдохновение обрел,
И родной земли почтение обрел.

¹ Телпак — круглый головной убор, отороченный мехом.
Кундуз — соболь. В данном случае головной убор, отороченный собольим мехом.

Поселившись в цветнике стихов, поэт
В небе Самарканда черпал добрый свет.

И Лутфи здесь радость встреч была дана,
И ему шербет здесь поднесла страна.

Обо всем об этом вспомнил Навои,
Создавая строки звонкие свои.

«Это сказочное место — чем не рай?
И зовут Мавераннахром дивный край.

Означает междуречье слово то,
Сто ягачей¹ ровно — вот длина плато.

На востоке, как граница — Сырдарья,
А на западе предел — Амударья.

Но не только две реки отрада глаз,
Двадцать саев² здесь и каждый, как Арас.

А от саев сто арыков в даль бегут,
И сады, и города их воду пьют.

Зарафшан-Кухак украсил те места,
Назван он арыком рая неспроста.

Исцелится тот, кто из него попьет,
Быстро, как людская жизнь, река течет.

Каждый город орошен, а человек,
Все цвести заставив, счастлив здесь навек.

¹ Я г а ч — примерно 12 километров.

² С а й — приток, речка.

Красотой своей она с рекой Фурот,
Что течет через Багдад, свой спор ведет.

Искандеру был Кухак ценней, чем Нил,
Лучше Зарафшан, чем райский Салсабил.

Город здесь возник — Кухак¹ — красив, богат,
И возвышенность, и тайный мира клад.

Как жемчужины здесь камень и песок,
А простор зеленый небом лег у ног.

Как с небес, несутся сверху воды тут,
Потому Кухаком Зарафшан зовут.

На поток, бегущий сверху, ты когда
Снизу смотришь — то мерещится тогда,

Что не холм, а голова влюбленной там,
Давшей волю необузданным слезам.

Словно золото сверкает Самарканд,
Право, рай напоминает Самарканд...¹

Навои речам он придает лучи,
Что сияют, от волненья горячи.

Чудо — о Мавераннахре говорят,
Самарканд — неповторимый в мире сад.

За любовь к прекрасной солнечной стране,
За волшебное перо, что в тишине

Эти дивные картины создает,
Заслужил он в мире славу и почет...

¹ К у х а к — возвышенность.

И поэт посланье вновь переписал,
В строчках — радость мудрецу он посылал.

Он писал о Самарканде — рай земной!
С речкой рая здесь сравним арык любой.

Капля вод Кухака, как и райских вод,
Исцеление больным в себе несет.

Он в стихах простор Кухака расхвалил,
И с сокровищницей мира холм сравнил,

В водах — слезы он влюбленных увидал
И терпение влюбленных — в тверди скал.

От раздумий в сердце Навои светло,
Состояние счастливое пришло:

Как он рад, что сообщить устоду мог —
Самарканд его поэзией зажег.

Запечатал он послание, и вмиг
Стих волнения бушующий родник.

Всю худжру он взглядом пристальным обвел,
С места встал, к порогу быстро подошел,

Энергично дверь резную растворил
И поднялся на веранду, полный сил.

В это время — Самарканд встречал рассвет,
И казалось, весь он в музыку одет.

От зари, что поднималась впереди,
Снег белел, белее девичьей груди.

И земля дышала, свежих сил полна,
В сущем мире — друга видела она.

Воздух был, как белый мрамор, тверд и чист,
Он поэта очаровывал, лучист.

Повивальной бабкой та заря была,
Что великую идею приняла.

Навои могучий сам еще не знал,
Что на тюркском он «Хамсу» писать решал.

Что на зорьке, в этом снежном серебре,
Как и ночью, в расписной своей худжре,

Он в душе уже «Хамсы» идеей жил,
И народу своему он тем служил.

Древний мир еще не знал, что он помог
Человеку стать прекрасней, чем цветок.

Это был такой рассвет, когда восход
На вершины стрелы солнечные шлет.

И от этих стрел стал лучезарным мир,
К Навои склонился благодарный мир.

Обняла его священная страна,
Ведь поэмы заложила в нем — она!

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сиянье рассвет на все сущее льет.
Как лоно хрустальное, чист небосвод.

Веранда небес вся в шелках синевы.
Ущелья хмельны от травы-муравы.

Прохлада старается к телу прильнуть.
И почка готова раскрыть свою грудь.

А солнце целует вершины в горах,
У старых и малых сияет в сердцах.

И залиты солнцем просторы страны.
Сегодня навруз — светлый праздник весны.

Живая душа этот праздник ждала,
С рассвета улыбкой она расцвела.

Глядит Регистан очарованно ввысь.
А над минаретами к небу взвились

Слова ликования с сурнаями в лад.
И щеки надув, карнаисты трубят.

И небо трясется от звуков гат-гут,
Что первыми весть о наврузе несут.

Глашатаи конные рвутся вперед,
На гору Кухак приглашая народ.

И люди, оставив заботы свои,
Спешат, как бесчисленные муравьи,

На арбах, конях, на ослах и пешком,
Степенной походкой и быстрым шажком.

В нарядных одеждах на праздник пришли.
Карнаи-сурнаи с собой принесли.

Кухак захлестнула людская волна,
Восторг безграничный вместила она.

Смотрел Навои на кипящий поток
И диву никак надивиться не мог.

Дарбазы¹ вон там — как орлы в вышине,
Палваны схлестнулись в другой стороне.

В объятых мелодии сам небосвод
Хвалу музыкантам лихим воздает.

Павлинами в ряд танцовщицы плывут,
Кокетством сжигают и негой зовут.

За всадником всадник летит на коне,
Вот-вот кони-беркуты взмоют к луне.

А всадников новых на ловкость купкар²
Проверит — тяжел его туши удар.

Там — ноги скрестив, мастера аскии
Друг в друга вонзали остроты свои.

Дав шапку в залог, мастера небылиц
Слона выводили из птичьих янц.

А фокусник шелк изо рта вынимал
И мертвому голубю жизнь возвращал.

Кривляясь маймунами, в маске смешной
Шли масхарабозы³ веселой толпой.

¹ Д а р б а з — канатоходец.

² К у п к а р — туша козла, за которую борются всадники (народная игра).

³ М а с х а р а б о з ы — клоуны-скоморохи.

В восторге от бубна, шутя, хохоча,
Детишки плясали под ритм кухакча.

Одни — на сраженье кучкаров¹ глядят,
Другие — на бой петушиный спешат.

Тем — схватка лихих перепелок милей,
А этим — серка² подавай да позлей.

Тут каждый, искусный в своем ремесле,
Товар разложил на лотках, на земле,

Вот нишалдапазы³ у всех на виду
Помешивают не спеша нишалду.

Сияет луной в полнолуние свое
В руках у лепешечников осие⁴.

И тут же — шинни⁵, сапалы⁶ и куза⁷—
Красна, словно кровь, и чиста, как слеза.

Наввата⁸ кусок, словно сжатый кулак,
Но сладок он с чаем, и сладок он так.

Лежит шурданак⁹, пасть раскрыв до конца,
А зернышки соль не смывают с лица.

¹ Кучка р — баран.

² Серка — боевой козел.

³ Нишалдапаз — торгующий нишалдой, сладким блюдом из взбитых яичных белков с сахаром и мыльным корнем.

⁴ Лепешки осие — сорт лепешек, характерный для Самарканда.

⁵ Шинни — варенье из тутовых ягод.

⁶ Сапал — глиняная посуда.

⁷ Куза — кувшин.

⁸ Навват — леденцовый сахар.

⁹ Шурданак — соленые косточки.

Один — петушки-ледейцы продаёт,
Другой — наврузканд¹, третий — солнечный
мед.

Огромный казан притащив на Кухак,
Дехканин-добряк раздает сумалак².

Ах, как сумалак украшает навруз,
Ах, как сумалак восхищает навруз.

Тот, кто сумалаку окажет почет,
Привьет к своей жизни еще один год.

От льющего свой аромат неземной,
От этого дара природы родной

Дехканин в восторге. Как солнце светло
Улыбкою доброй снимет чело.

Все в лучших одеждах, точь-в-точь все
с утра —
Хасан и Хусан, Фатима и Зухра³.

И праздник хорош им, и жизнь хороша.
Ликует от радости звонко душа.

Эмиры и беки на холм поднялись,
Их гордые головы подняты ввысь.

С учеными — ярче навруза краса.
Почтительны учеников голоса.

¹ Н а в р у з к а н д — сорт леденцов, приготовленных в праздник навруз.

² С у м а л а к — лакомство, приготовляемое из пшеничного солода и муки.

³ Х а с а н - Х у с а н — братья близнецы, Ф а т и м а - З у х р а — сестры-близнецы.

Поэты стихами волнуют народ,
За ними — людская армада идет.

В хильат¹ стройный стан Навои облачен,
Из бархата темно-зеленого он.

Ала тубетейка под белой чалмой,
Из хрома сапожки блестят новизной.

И в сердце волненье, как крыльев размах.
И радости искры в горящих глазах.

Он слушал с народом, как пел Садои,
Не веря, что слышит газели свои.

А голос звучал — замирал, нарастал,
И ливнем волненья сердца потрясал:

«Без дома, без любимой я, хоть дни весны царят,
Как соловей в пустом саду, где правит листопад.

То кипарису, то цветку трель дарит соловей,
А у меня любимой нет, чей расцветает взгляд.

Без милой, без отчизны я, страдая, жду зарю,
И мучаюсь, как соловей, в пустой попавший сад.

Деревья рая, как дрова, когда любимой нет,
Цветы мне кажутся огнем, они вот-вот сгорят.

¹ Х и л ь а т — дарованный парчовый чалан.

Огнепоклонник, дав бокал, обвей косой ее,
Ведь без зуннара¹ пить вино нельзя нам, говорят.

Мы отвергающих бокал на свете не нашли —
Нет цветника на свете, где колючки не торчат.

Дорогу Навои не смог с аскетами найти,
Эй, люди жаждущие, пусть в веселье дни
летят!..»

Хвалою звенят голоса — «Садои!»,
Хвалою летят в небеса — «Навои!»

И эхо спускается вновь с высоты,
Поэту народ преподносит цветы.

А он благодарен и всем, и всему,
Как дорог народ Самарканда ему.

Ахмад Ходжибек рядом гордый стоит,
И у Абулайса растроганный вид.

С газелью его поздравляют они,
На новый порыв вдохновляют они.

Как музыка, в куполе неба звучит:
«Пусть новым стихом Навои нас почитит!»

«Премного украсил навруз Навои!»
«Газелями снова сердца напои!»

Так глас всенародный Кухак весь объял,
Волнение тысяч сердец он вобрал.

¹ З у н н а р — определенного цвета повязка, которой были обязаны повязывать голову христиане, живущие в мусульманском государстве.

«Живи, Навои!» — славословья звучат.
И солнце улыбку шлет возгласам в лад.

Раскатами аплодисменты росли,
Овации неба звучали вдали.

В объятья цветы заключил Навои,
Народа поклон получил Навои.

Так праздник навруз воцарился в сердцах,
А имя поэта — у всех на устах.

До самого вечера длился саил¹.
Желанья народа он в жизнь воплотил —

Дал людям искусство свое показать,
Прекрасный Кухак он украсил опять.

И в каждой душе просветленье пришло,
Когда же довольное солнце зашло,

То двинулась в город людская волна,
И бейт без конца повторяла она:

«Пусть шах небес завосвал оружием весь мир,
Сдалась газелям Навои поэзии страна».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Всё в узорах расписных, в резной красе
День встречало Абулайса медресе.

¹ Саил — народное гуляние.

Этот день на лицах юношей цветет,
В чистых их сердцах — лазурный небосвод.

С нетерпением два года ждали все
Этот праздник, что им дарит медресе.

А страниц в том медресе не перечесть,
Но средь них и золотые тоже есть.

И глаза котиб¹ и его душа
Те страницы вновь листала, чуть дыша.

Взглядом прошлое окидывает он,
В созерцание мгновений погружен,

Тех, что добротой устода хороши,
Что свечью освещают дом души.

Вспоминает, как в беседах побеждал,
Как в сокровищнице знаний уставал.

Как краснел пред мударрисом он порой,
Словно плечи пригибало вдруг горой,

Как вопросы и загадки задавал,
Как ответа, ночи бодрствуя, искал —

Все прошло, как сон, приснившийся вчера,
Вдаль умчалось, легче птичьего пера.

А сегодня день, что ждут с волнением все,
А сегодня день счастливый медресе.

¹ Котиб — писарь, доверенный секретарь, здесь Алишер Навои.

Самый радостный из всех наверняка —
Этот день войдет преданием в века.

И улыбки солнца — свет такой струят,
Что красней от жара лица, чем гранат.

Здесь и Юсуф, Бади, Сафон,
И Надир, и Харими, и Бакои.

Будто спутники-друзья, в заветный час
С Навои они не сводят верных глаз.

Да и сам он к счастью сердцем устремлен,
С лучезарным ликом к ним выходит он.

Слово доброе находит он для них,
Для друзей и для приятелей своих.

И слова привета слышатся кругом:
«Поздравляем, Навои, с великим днем!»

А потом они веселою гурьбой
Подошли к худжре устода расписной.

Абулайс с челом открытым их встречал,
Молодых ученых лаской привечал.

Мударрисы тоже все собрались тут,—
Молодым благословение дают.

Мухаммад Олим, Хусров и Мастуни
Открывают путь им в завтрашние дни.

Соили и Санафи, и Лутфулло —
Каждый душу озаряет им светло.

Ходжибек и Арханги, обычай чтя,
Поздравляют их серьезно и шутя.

Книгу жизни, мудрый смысл ее, опять
По глазам устодов можно прочитать.

Лучезарные их лики до конца
Пронесут по жизни юные сердца,

Те ростки, что Абулайс любя растил,
Стали садом плодоносным, полным сил.

И порадоваться зрелостью плода
Все любимые друзья пришли сюда.

Дастархан накрыв богатый, с речью сам
Обратился Абулайс к своим гостям.

ФАЗЛУЛЛО АБУЛАЙС

Дорогие, это наше торжество
День прекраснейший для медресе всего —

Мавляною Навои заложен путь,
Чтоб он в будущее мог быстрее шагнуть.

Награждается он грамотою сей,
Ставит подпись ваш покорнейший на ней.

Навои отлично медресе прошел,
И надеюсь, счастье высшее нашел.

В Самарканде, «равном раю цветнике»,
Навои, два года вы в одной реке

За жемчужинами знаний день за днем
Погружались в необъятный водоем.

Овладели вы науками сполна.
Острота таланта вам теперь дана.

Вам в охотку были трудности всегда,
Круг друзей — вот вкус у этого плода.

А теперь из Самарканда вас в полет
Медресе с богатым кладом знаний шлет.

Школы Улугбека берегите честь,
Не позволяйте на нее пылинке сесть.

К вашим знаниям припавший пилигрим,
Как волшебный ключ, их передаст другим.

И слова похвал да будут горячи!
Солнце — медресе, а вы — его лучи!

Мавляна Надир, от знаний ваших ввысь
Мерв поднимется, как стройный кипарис.

Мухаммаду Бадахши любовь ковром
Бадахшан расстелет, видя мудрость в нем.

С мавляною Бакои цветник стихов
И в Хорезме расцветет среди песков.

Бадии и Сафои, вы Андижан
Прославляя, покорите Хорасан.

Где б вы ни были, там будет ваш угод,
Этот древний мир пусть вами расцветет!

АХМАД ХОДЖИБЕК

До небес душа от вести той взвилась,
Слезы счастья льются радостно из глаз.

И еще — я чувством гордости объят,
Светом солнечным лучи ее горят.

Кто вина подобной радости не пил,
Тот хмельным по саду жизни не бродил.

Навои над этим счастьем властелин,
Он почиттелен со всеми, словно сын.

И султан Ахмад Мирзо в нем совесть чтит,
Изумленно на него Герат глядит.

Честно тот авторитет заслужен им,
И не странно, что народом он любим.

Кто хоть раз его послушает газель,
Тот осуществит намеченную цель.

Гений Навои всяк в Самарканде чтит,
И Герат теперь душой с «Хамсою» слит.

ХОДЖА ХИСРОВ

Но в Герате беспокойно до сих пор,
Байкара ведет с Султаном вечный спор.

Из-за стычек и боев их — для людей
Стоит тысячу таньга нора мышей¹.

Хоть Герат от Самарканда и далек,
Там огонь зажгут — сюда дойдет дымок.

¹ Народная пословица, выражающая трудное положение, в которое попадает человек, готовый ради спасения купить за тысячу таньга кору мышей.

Но спокойны Самарканда явь и сон,
Как цветник наук и знаний, славен он.

В том — Ахмад Мирзо порука и оплот,
В том — Ахмада Ходжибека плод забот.

А в поэзии сел Навои на трон,
Птицей счастья, как любимец, выбран он.

Рад я так же за ученых молодых,
Всюду радость будет спутником у них.

И всегда с народом в ногу пусть идут,
Счастье в жизненном саду пускай найдут.

Дорогие, а теперь прошу я вас:
Молодых благословите в добрый час!..

...И раскрыли тут ладони мудрецы,
И «Аминь!» сказали с лаской, как отцы.

А в ответ — глаза учащихся горят,
«Ташакур!» — летит к устадам и «рахмат!»¹

И не только благодарный свет в глазах,
Песня радости звучала в их словах.

Все глядят на Навои — что скажет он?!
Братской преданностью, лаской окружен,

Благодарный тем, с кем спорил и дружил,
Навои из слов души стихи сложил.

¹ Т а ш а к у р — благодарим, р а х м а т — спасибо.

НАВОИ

Город знаний, Улугбека вечный град,
Души здесь чудесной красотой горят.

Небесам я возносить хвалу готов,
Что учился у почтенных мудрецов.

В степь души, что по весне обнажена,
Вы бросали щедрых знаний семена.

И открыв замок ларца — познаний клад,
Золото наук дарили всем подряд.

О, устыды, нам поверить вы должны —
Мы глубоким уваженьем к вам полны.

Не пусти чинара корни глубоко,
Может ветер повалить ее легко.

Коль не бьет родник из скал на горный склон,
Как же быть хрустально чистым может он?

Если мук не испытает человек,
Ценность жизни не познает он вовек.

Снег удержит лишь высокая гора,
Без воды росток легко убьет жара.

Если просвещение не коснется глаз,
Сокровенные слова минуют нас.

Те уроки, что вы преподали нам,
Стать светлей помогут будущим векам.

Коль поэт с народом слиться не готов.
Мир широкий станет клеткой для стихов.

А когда зажжет мечтой его народ,
Болью этой целый век он проживет.

Коль тирану-шаху оды будет петь,
В яме, вырытой народом, встретит смерть.

Коль владыка — справедливости оплот,
Счастья сад народ в стране той обретет.

А Герат опять раздорами объят,
Ждет народ, чтоб мирной жизнью цвел Герат.

Вафои, народом признанный поэт,
Всей эпохе дал неугасимый свет.

Не жалея сил, я жизнь хочу прожить,
Цель моя — народу преданно служить.

Наш улем высокочтимый Абулайс,
Ваша доброта навеки в нас влилась.

Вам, устоды-мударрисы, всем рахмат,
Ваши в нас глаза на этот мир глядят!..

...И почтительно он отдал всем поклон.
На открытый мир глядел с волнением он.

И восторженное «Навои хвала!»
Отражали голубые купола.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сегодня дворец, словно улей звеня,
Счастливым свидетелем счастливого дня.

Султан Самарканда доволен собой —
Фирман подписал он с охотой большой.

Великим стал день этот в жизни дворца,
Историей он удостоен венца.

Принес Навои он величия свет —
Эмир Чагатай отныне поэт!

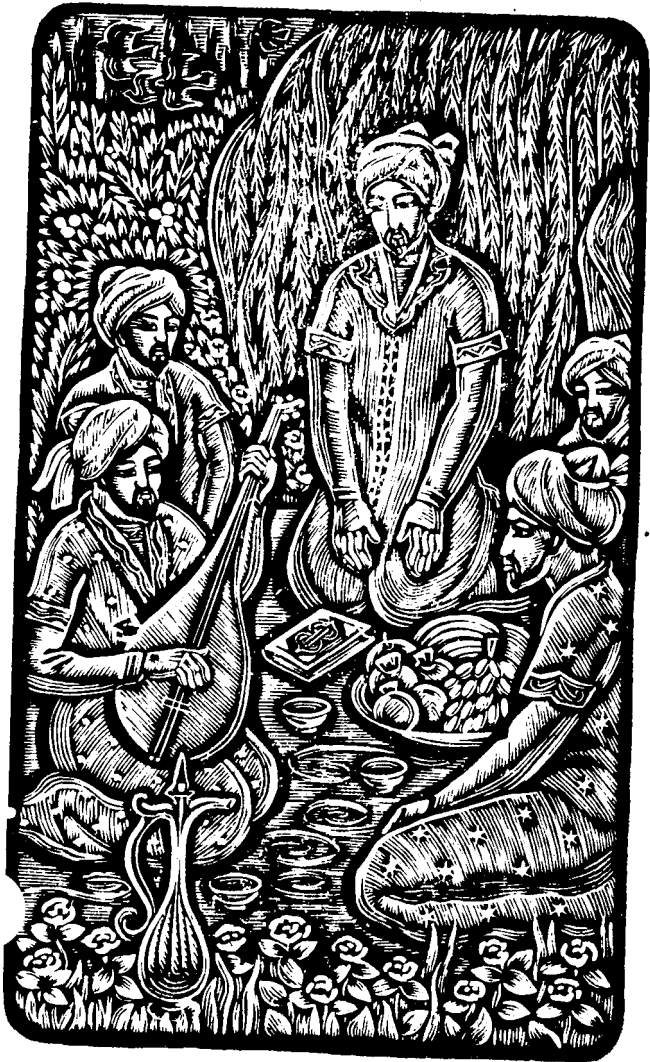
От милости этой румян его лик,
А в сердце весны расцветает цветник.

На празднике светлом был в дар ему дан
Эмирский, весь золотом тканый, чашан.

И словом сердечным согрел торжество,
Султан Самарканда поздравил его:

СУЛТАН АХМАД МИРЗО

Приветствует вас Самарканд, мавляна,
В вас сына родного признала страна.

Дарует она утру вашему свет,
Достойны вы счастья такого, поэт!

Улус Чагатайский эмиром вас ждет,
Вас ждет в резиденции вашей почет.

Улус принесет вам и счастье, и мир,
Я с должностью вас поздравляю, эмир!

НАВОИ

От радости в небо лечу я без крыл,
Мне счастье свое Самарканд подарил.

Улус меня сделал сильнее вдвойне,
Душою с ним слиться доверено мне.

А если правитель — народом живет,
Для боли народа приют он найдет.

В волненье ввергает поэзии свет,
Надежды народа — удел твой, поэт!..

Все души согрели слова Навои,
В саду его речи звенят соловьи.

И очень к лицу ему яркий хилъат,
На лик его радостно люди глядят.

Слова «Поздравляем!» — звучат без конца,
Улыбка веселья не сходит с лица.

А шивший хилъат, ладный, стройный джигит,
Волнуясь вдвойне, на поэта глядит:

Он горд за успех своего ремесла,
Искусства звезда и к нему снизошла.

Отдав Навои с уваженьем поклон,
Бабур — мое имя, представился он,

Со званьем эмира поздравил его,
Украшил букетом из слов торжество:

БАБУР

Работа портного прекрасна, эмир,
Трудясь, украшаем мы золотом мир.

О, как был я рад сшить вам этот хильят —
Блаженством поэзии стал я богат.

Звон строк — как для нищего золота звон,
Влюблен в муаммо я, в газели влюблен.

Мое ремесло осчастливьте, устод, —
Создав муаммо, окажите почет!

Любовью портного к газелям согрет,
Воздал за вниманье вниманьем поэт.

К себе Навои вдохновенье зовет,
Лист белой бумаги в раздумье берет,

И вот муаммо появляется вмиг,
В душе у Бабура рождая цветник:

«Пускай и тебя за дела твои мир
Оденет в хильят золотой, богатырь!»

Все тотчас поздравить поэта спешат,
Джигит больше всех похвале этой рад.

С волнением он дар о глаза потирал,—
Ведь сам Навои этот стих написал.

В душе у поэта — ликующий сад,
Хвалою слова Ходжибека звучат:

АХМАД ХОДЖИБЕК

Нам дивную милость явил Навои.
Сверяй с ней, Бабур, все поступки свои.

Коль будешь в народе своем знаменит,
По росту чапан жизнь за это скронт.

Высокой оценкою ты награжден,
И счастьем поэзии ты озарен.

Пусть будет твой труд, как искусство само,
А мы поздравляем тебя с муаммо!..

Не в силах Бабур восхищения скрыть,
В руках не бумага — вся в жемчугах нить.

Чтоб выразить чувства, взволнованно он
Поэту почтительный отдал поклон:

БАБУР

От ваших щедрот, мавляна Навои,
Язык онемел, влажны очи мои.

О встрече мечтал ваш покорный слуга,
Мне будет до смерти она дорога.

До смерти хранить муаммо я готов,
Пожертвую жизнью за вас я без слов!..

Так славой опять Навои заблистал,
Летит муаммо птицей с уст на уста.

Шакура Мирзо похвала эта жгла,
Он злобные взгляды бросал из угла.

Чтоб авторитет Навои растоптать,
Он дьяволу душу готов был отдать.

Но кровью сочась, затаив свою злость,
И он Навои поздравленья принес.

И Файзу Махмуду пришлось подойти —
Слова поздравления произнести.

В душе у поэта дворцового стон,
Как будто бы славою он обделен,

Но так поздравления он приносил,
Как будто поддержки эмира просил.

Фальшивую лестью эмир огорчен,
Но с Файзом Махмудом был ласковым он.

К концу своему церемония шла,
Величье в эмире она обрела.

И сам Абулайс его благословил,
Когда он молитвой прием завершил.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В дни, когда у Навои был светел взор,
И вела душа со счастьем разговор,

Когда раем Самарканд цветущий стал,
И в садах цветник улыбками сверкал,

В дни, когда из черных глаз пера текли
Вдохновения слова и сердце жгли,

Когда дом души был в золото одет,
И снял в нем славы милостивый свет,

С жаждой слово от эмира услышать
В резиденцию поэты шли опять.

По велению души поэты шли,
Словно утреннюю свежесть обрели.

Там и мудрые советы, там и спор,
Там о сути всех явлений разговор.

Кто газель или касыду сотворит,
Навои придаст отточенный ей вид.

Кто в науке что-то новое найдет,
На заре уже спешит к миру тот.

Музыкант, дехканин, зодчий и поэт
Находили в нем любви ответной свет.

Сам же он, стихи слагая до зари,
Вновь газелями с народом говорил.

А с утра — народ он этот принимал,
И страдания, и боль с ним разделял.

Если плакал люд простой — то плакал он,
Расцветал — и он был тоже озарен.

И эмир Шейх Сухайли цениться стал
С той поры, как Навои он повстречал.

Он, прославленный в народе, как поэт,
Исцеленье в Навои нашел от бед.

И сегодня счастье в нем огнем зажглось —
Входит в дом он к Навои, как званый гость.

СУХАЙЛИ

Мавляна, вы всех согрели добротой,
В вас нуждается любой, кто чист душой.

В честь Султана написал касыду я,
Вам принес ее, волненья не тая,

На эмира с лаской Навои взглянул,
Словно щедро в душу свет ему плеснул,

Взяв касыду, прочитал ее он вмиг,
Одобренья гул в душе его возник.

НАВОИ

Похвалы она достойна, мавляна,
С той касыдой будет радость вам дана.

Но украсив имя властелина, вы
Не нашли для бейта нового канвы.

Чтобы вместе два прекрасных бейта слить,
Им нужна одна связующая нить.

СУХАЙЛИ

Эта мысль, признаюсь, и во мне жила,
Вот бы, если ваша мысль мне помогла!

Сухайли хвалу эмиру признес,
Навои хвалой растроган был до слез.

Хоть искусен на фарси был Сухайли.
Но стихи Фани прекраснее цвели.

И властителем талантов восхищен,
Долго в доме Навои был гостем он.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Устать Хорасан от раздоров успел,
Огонь в его сердце то гас, то горел.

Летел стон народа, как дым в небеса,
На души затмения нашла полоса.

Всем сердцем мечтавший о мире народ
Был ввергнут в бушующий водоворот.

Гнет Абусаида он нес на плечах,
Страданья и боль отражались в очах.

Налоги несли за ударом удар,
Скраб нищий сжигали они, как пожар.

Владыки диванов — спесивые сплошь,
В стране бусевал, словно ливень, грабеж.

Изъедены души коварством и злом,
От податей все разорялось кругом.

Откуда б не дул ветер бед и утрат,
Был пленником этого ветра Герат.

Простой же народ по пустыням бродил,
От слез и болезней оставшись без сил.

А сколько покинуло землю свою,
Чтоб болью терзаться в далеком краю.

А сколько, закончив свой жизненный круг,
Лишь в этом нашли избавленье от мук!

И женщины, в горе ослепнув от слез,
Не прятали лиц и распущенных кос.

К владыкам диванов толпой они шли,
Печали, что рвались наружу, несли,

Просили, молили с надеждой пустой,
И ливень из слез становился рекой.

В ком свет состраданья найдут бедняки?—
Их ранили в сердце ножами тоски.

Хоть в мире стоял нескончаемый стон,
Султана не трогал ни капельки он.

Все яростней гнет лютовал над страной,
И гнев поднимался горячей волной.

От бед и сражений народ уставал,
Беда раскрывала свой хищный оскал.

А неугомонный Мирзо Байкара
Виновником был беспокойства двора.

Он претендовал на Герата престол,
И ночью, и днем он сражения вел,

Отрядам, которые в битвах сплотил,
В минуту усталости силушкой был.

И царство гератское он сотрясал,
В движенье народ поднимался, как вал.

И пред Байкарою склонился Тавриз,
Им, как властелином, дела там велись.

Когда же ворота открыл Нишапур,
Султан стал от вести той злобен и хмур.

Рос авторитет Байкары у людей,
Сердца зажигал он отвагой своей.

Но все же порою и он отступал,
Когда его сильный отряд окружал.

Но лично, свои возглавляя войска,
Султан и Мирзо не встречались пока.

К Герату Мирзо подступиться не мог,
Лишь молнией рядом сверкал он и жег.

Он знал, что Султан был искусен в бою,
Не раз показал он смекалку свою.

И все же настала такая пора,
Когда в бой с Султаном вступил Байкара.

В сраженье сошлись под Джах-Джахом войска,
Сильней оказалась Султана рука.

И воинство он Байкары разметал,
К эмирам Султана в пасть плена попал

Один из отрядов Мирзо Байкары,
Чья жизнь стала тягостней смертной поры.

Не долго эмиры держали совет:
Пускай за измену ждет смерть их в ответ,

Накажем мятежников острым мечом,
И головы их в дар Султану пошлем.

Войска в Мингчинаре сошлись на привал,
Где временный двор Ходжибека стоял.

Грустил в одиночестве там Навои,
Деля с Мирзобеком печали свои.

Двух пленных велел товачи привести,
Спросил — где эмира он может найти.

Узнав, что в отъезде — велел приказать
Он головы пленных хакиму послать.

Был вестью такой Навои оглушен,
В глубокой печали задумался он.

А пленные взглядом молили его,
Они о пощаде просили его.

И он осторожно повел свою речь,
Чтоб гордость и честь Мирзобека сберечь:

«Взгляните, на западе, в поле лежит
Убитый в сраженьи какой-то джигит.

Коль будет таньгою палач награжден,
Отрубит у мертвого голову он.

Тем самым, из пленных спасем одного,
Чтоб садом в цвету стала жизнь для него»...

Сумел Мирзобек этот план оценить,
И деньги велел палачу он вручить.

«Второго спасу, как я первого спас», —
Мечтал Навои, не сводя с него глаз.

И словно он мысли его прочитал —
Пришел товачи и эмиру сказал:

«Второго из пленных не трогайте вы,
Достаточно будет одной головы!»

Улыбкою он озарился на миг,
Оставив в душе у поэта цветник.

Потом товачи дар хакиму унес,
А в душах спасенных сиянье зажглось.

И к ним Навои обратился тогда —
Даруем свободу мы вам навсегда!

Немые от счастья, они, поклонясь,
В мгновение ока исчезли из глаз.

Был мудростью так Мирзобек потрясен,
Что долго стоял в изумлении он.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Золотая осень стелет дастархан,
Дым сожженных листьев легок, как туман.

Лозы щедрые присыпаны землей,
По садам напев зимы плывет волной.

У Кухака — воды, словно зеркала,
Погрузилась в спячку зимнюю пчела.

Ледяные ветры дуют с ледников,
Соловьи исчезли из пустых садов.

В тех садах пустых давно уж нет людей,
Без улыбок, тяжело спит простор полей.

И в сердцах мороз хозяйничал опять,
Солнца луч для душ замерзших — благодать.

Дождик сеяли сквозь сито облака,
И вороны звали карканьем снега.

Доживала осень свой последний час,
Склоны гор уже сверкали, серебрясь.

В эту пору увядания поэт
Опечален был от горестей и бед.

И казался город клеткою ему,
Лишь Кухак рассеять мог печалей тьму.

Шли невзгоды на него за валом вал,
Обессиленный к Кухаку он шагал.

Полон мук был взгляд, а вздохи так сильны,
Что в далеких небесах были слышны.

Только воздухом Кухака исцелить
Мог он боль, что с болью раны не сравнить.

Он с вершины видел даль со всех сторон,
И прозрачностью ее заморожен,

Думой горы обнимал он вдалеке,
Был душой в садах, сбегающих к реке.

Ветерок с реки ласкал его лицо,
Окружал прекрасный край со всех концов.

И картины эти райские его
В дни печали исцеляли от всего.

И сегодня шел к Кухаку он с мечтой,
Что найдет спасенье он от боли той,

Боли, вызвавшей в душе его печаль
И позвавшей в исцеляющую даль.

Почему же Навои грустит без сил,
Почему и Самарканд ему не мил?

Может, град камней обрушила молва,
И склонилась от наветов голова?

Одолели, может быть, его враги,
Может, в пепел обратились цветники?

Может быть, Шакур Мирзо его опять,
Строя козни, попытался оболгать?

Может, в трудном положении Байкара —
Враг на войско навалился, как гора?

Не от этих ли причин он все грустней,
Не от них ли он страдает столько дней?

Нет! Причина заключается в другом.
Нет! Горит его душа иным огнем.

В дом от Байкары явился товачи
И эмиру весть печальную вручил.

Эта весть согнула стройный стан певца,
Мир наполнила печалью до конца.

Дом души в руины обратился весь,
Желтианой лицо покрыла эта весть.

Кровью плакать приказал перу поэт,
И бумаги стон подхватывал весь свет.

Как известно, дядей двух имел эмир,
К ним любовь была огромнее, чем мир.

Оба дяди с Байкарой связав судьбу,
За собой вели отряды на борьбу.

И не раз в бою победа их ждала,
Байкара ценил их ратные дела.

А стихи такой слагали красоты,
Что улыбкой на камнях цвели цветы.

Кобули и Гариби — их имена,
Навои в них черпал радости сполна.

«Гариби» — как псевдоним взял Мухаммад,
И Мешхед Али гордился, и Герат.

Мир Саиду младшим братом был поэт,
Что в поэзии достиг больших побед.

И приветливый, и добрый, и простой,
Собеседник и товарищ золотой,

Если в руки Гариби саз звонкий брал,
Песней души и сердца он окрылял.

Он в науке музыкальной был силен,
В каллиграфии, как мастер, славен он.

Сам Султан великий так его ценил,
Что всегда быть при дворе его просил.

Но покинув службу, он пустился в путь,
Не боясь судьбе безвестной присягнуть.

Навои в Мешхеде жил, а Мухаммад
Обошел в те дни в Кухаке каждый сад.

Душу нежно Самарканд ему ласкал,
Гариби своим он сыном признавал.

Но, увы, себе и людям на беду,
Так недолго цвел он в жизненном саду.

И вонзил убийца в грудь ему кинжал,
Что Султан Абусаид Мирзо послал.

Боль той раны — Навои пронзила грудь,
На цветущий мир не в силах он взглянуть.

Гариби лелеял тюркский и любил,
Но жемчужины и на фарси творил.

Ведь его газели эта вот матлаъ
И поныне с уст хафизов не сошла:

«Если бы мою ты душу, боль мою понять
смогла,
Став наперсницею сердца, все б печали
унесла».

Для газели он когда свой бейт творил,
Чистым золотом фарси он одарил:

«Жолдовски когда глядишь ты, покоренный
я стою,
Усладительные губы душу в плен берут мою».

Мир Саид известен был как Кабули,
Чистым золотом уста его цвели.

Признавал его, ценил его народ,
Строки тюркские он отправлял в полет.

А в туюге он ни с кем был не сравним,
Бесконечно восхищались люди им.

Но, увы, коротким век был Кабули,
Свет очей погас, как звездочка вдали.

И его убийца тоже поджидал,
Чтоб в Саръахе в грудь вонзить ему кинжал.

И святым, и горьким был его удел,
Вдохновенья пери в траур он одел.

Горя полное посланье Байкары
Навои сразило, как обвал горы.

Он от боли и обиды занемог,
На осеннюю красу глядеть не мог.

Если сад надежды вздумали срубить,
Если рушатся опоры,— как тут быть?!

А когда к врагам бессонным весть дойдет,
То от яда козней и весна умрет.

И читал, читал стихи он Кабули,
С ними вместе ночи длинные текли.

Той поэзии открытое окно
В душу свет несло, где было так темно,

Руку помощи тянуло в трудный день,
Путь даруя, отгоняло ночи тень.

И вбирая очистительную грусть
Кабули туюг твердил он наизусть:

«Юные, пусть радость лета к вам придет,
В цветнике летá вам счастья принесет,

А умру я, напишите на плите —
Озорная с лёта в сердце насмерть бьет...»

И Кухак от стонов извивался весь,
И листвою осенней озарялась весь.

Но помочь краса Кухака не могла,
В город смутная душа его звала.

А когда к Расаду подходил поэт,
В небесах души вдруг ярко вспыхнул бейт:

«Под твоей гробницей пусть безмолвье тьмы,
Имя в души поколений впишем мы!..»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Когда Навои исцелял свой недуг,
Бейт нищего вспыхнул в душе его вдруг:

«Грудь разорвалась, так порвано небо зарей,
Влагой омыты ресницы, как травы росой».

Он вспомнил, как часто ходил на базар,
Как бейт пробуждал в нем сердечный пожар,

Как горестно нищий свой бейт исполнял,
Как плакали люди, как сам он страдал,

Как всякий, спешащий к базару, на миг
Вставал у ворот, словно слышал родных.

А голос взлетал, и печален, и смел,
И эхом из купола неба летел.

От стонов, в которых звучала беда,
Хотелось в пустыню уйти навсегда.

Когда Навои этот бейт услышал,
Как будто покой он с тех пор потерял.

Им всею душой очарован, пленен,
Его повторял с наслаждением он.

Казалось, сияют над ним в синеве
С оборванной нити жемчужины две.

И жажда их выкупить, приобрести
Пленила все помыслы — не отвести.

И вот он однажды, желанью в ответ,
Под вечер за нищим отправился вслед,

Чтоб в келье убогой желанье открыть,
От боли спастись, о подарке молить.

О, если б решенье святое могло
Свершиться — как стало б на сердце светло!

НАВОИ

Отец! Атахон! Бейт продать вас молю!
Чтоб выразить вам благодарность мою,

Я деньги отдам вам, отдам вам сѹму,
А денег не хватит — чапан свой сниму.

Не жгите отказом меня, атахон,
От бейта покой потерял я и сон.

НИЩИЙ

Вы, видимо, мулавачча¹, господин,
Всех денег не хватит за бейт мой один.

Не так ли?

НАВОИ

Не так!

НИЩИЙ

Все равно не продам.
Он стоит немало — не выкупить вам.

Навек позабудьте мечту вы свою,
Учите мой бейт — даром я отдаю.

И можете всюду его распевать,
Претензий не стану я вам предъявлять.

НАВОИ

Тому есть причина — купить мне его,
От бейта откажетесь вы своего.

И права лишитесь его распевать,
Чтоб мог я над бейтом властителем стать.

¹ Му л а в а ч ч а — учащийся, образованный человек.

Но нищий, услышав такие слова,
От громкого смеха сдержался едва.

Жемчужинам слов Навои он в ответ
Качал головою насмешливо — «нет!»

НИЩИЙ

Боюсь, дорогой мой, напрасен ваш пыл,
Ни денег на это не хватает, ни сил.

На шахство я бейт обменять не готов,
Покорному, хлеб он насущный и кров.

Достался мне бейт, как наследство отца,
Лет сорок пою я его без конца.

Им держится дом мой, детишки, семья,
Как видите, в бейте вся доля моя.

НАВОИ

Таксыр¹, не поэт ли был вашим отцом?

НИЩИЙ

Нет, был он садовником, дивным притом.

И бейт распевая с рассвета один,
За садом ухаживал, как властелин.

НАВОИ

Но был ли один этот бейт, или он
В газели был тесно с другими сплетен,

¹ Таксыр — господин.

Вас в зеркало жизни прошу заглянуть,
Всю память, прошу я вас, перевернуть.

НИЩИЙ

Нет, бейт только этот отец напевал,
Когда он в саду свою грусть разгонял.

НАВОИ

Кто бейта властитель, вы знаете, нет?
Прошу мне помочь — кто создатель-поэт?

НИЩИЙ

Бутам¹, неизвестно мне имя его,
И, верно, отец мой не ведал того.

Молчал Навои, он задумчивым стал,
А нищий торжественно речь продолжал:

Я, сокол, вам петь разрешаю его,
Иль мало согласия вам моего?

НАВОИ

Да, мало! И так этот бейт я пою,
Он радостью душу заполнил мою.

Петь буду его до последнего дня,
Но этого мало, увы, для меня!

¹ Б у т а м — верблюжонок.

НИЩИЙ

Ну, ладно, когда-нибудь бейт я продам,
Но он обойдется недешево вам!..

От счастья такого почти онемев,
С возвышенным сердцем, душой просветлев,

Домой Навои поспешил от певца,
Шах-бейт повторяя в душе без конца:

«Грудь разорвалась, так порвано небо зарей,
Влагой омыты ресницы, как травы росой...»

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

В Дилкушо по саду шествует весна,
А она всегда поэзии нужна.

Цветники улыбкой озаряют мир,
Песни радостные прославляют мир.

И цветы, взяв этих песен глубину,
Тоже счастье воспевают и весну.

В соловьиных трелях утро настает,
И от них земля пьянеет и поет.

Солнце, сев на кроны сомкнутых чинар,
Книге мира отдает сердечный жар.

Как невестка, что с утра поклоны бьет,
Ивы клонятся над светлой гладью вод.

К небу тянутся красавцы-тополя,
Как ладони, листья негой опаля.

И гранаты тихо из ветвей глядят,
Хоть они еще румянцем не горят.

На инжире, чья листва так широка,
Чуть блестят лучи, смущенные слегка.

А ряды ишкамов¹ так горят листвой,
Словно зонтики у них над головой.

По арыкам воды гордые текут,
Песни их в любой душе найдут приют.

Воздух ласковый струится по садам,
Исцеление неся и старикам.

Здания в росписях-узорах так светлы,
Что, как солнце, льют сияние из мглы.

Звездный свет спешит сиянью их помочь,
И, соперничая с днем, приходит ночь.

Сад украсила беседка в уголке,
Купол неба отражен на потолке.

Тополя стоят вдоль хауза рядком,
Простирая своды крон над цветником.

На ветвях деревьев клетки там и тут,
Опьянев, в них звонко кеклики поют.

И как в душах вдохновение бурлит,
Сад во власти птичьих песен весь звенит.

И с торжественною песней птиц в ладу,
Звонких сазов льется музыка в саду.

¹ И ш к а м — дугообразные подпорки виноградника.

Знать, певцы, эмиры и ученый люд,
Как вино, в саду восторг хмелящий пьют.

И украсили собою сад светло:
Вафои, и Навои, и Лутфулло,

И почтенный Абулайс, и Бади,
Арханги, Кутб Санафи, и Садои,

Мирзобек, Шакур Мирзо, и Джавхари,
Риези, Ходжи Сугди, и Ховари.

Все в гостях у Вафои они сейчас,
И не сводит с них весна влюбленных глаз.

Все румяны от веселья и бесед,
И украшены стихи их в алый цвет..

От вина Ургута кровь у всех кипит,
И душа, как саз, волнуется, звенит.

Мугани в газели дивной Вафои,
Словно боли доверяет все свои:

«Если вступишь в сад ногою, будет мой цветник
страдать,
И жемчужною улыбкой каждый лепесток сиять. -

Соловей горячей кровью обольется над цветком,
Если ты в павлиньих перьях будешь нежно выступать.

Может, с неба ты спустилась, как Хулкар¹ или Зухро²,
И теперь уж Хорасану дней спокойных не видеть.

¹ Ху́лка́р — Плеяды.

² Зу́хро — Венера.

Видя губ твоих рубины, очарован Бадахшан,
Сам рубиновый, он будет слез потоки проливать.

Всюду, как зеницу ока, бережет тебя народ,
О тебе он днем и ночью будет, жалуясь, вздыхать.

Я назвал тебя любимой, в жизни будь моей душой,
А иначе мне погибель — сущее смогла ты взять.

Эй, прелестная, охвачен вдохновеньем Вафои,
Чтоб в газели ты узнала, как страдает он опять»...

«Ах!» у всех невольно вырвалось, как стон,
Лепесток души колючкою пронзен.

Вслед за этим Риези настал черед,
Он, сверкнув глазами, выступил вперед.

И степенно, как великим лишь дано,
Стон душевный развернул, как полотно:

«Разве может твой же локон у твоих ласкаться щек,
На коран зуннар, скажите, кто положит поперек.

Хоть бы кто заметил это — слезы проливаю я,
Вспомнят ли меня в разлуке, если вдруг я занемог.

Эй, душа, до коих пор ты будешь жаждать так ее,
Надо вырвать эту песню, как колючки рвут из ног.

Бью поклон твоим бровям я, и мехраб мне ни к чему,
Стену мертвую красе их предпочесть я разве б смог?

Так до светопреставленья будет в сердце Риези,
Как святыня, о любимой память, что в душе сберег».

Очарован был газелью Навои,
И принес он поздравления свои.

Риези от них вознесся, как гора,
Расцвела в душе весенняя пора.

На собравшихся глядел довольный он,
Гордый духом, отдал низкий всем поклон.

Мирзобеку вышло время слово дать,
Все душою приготовились внимать:

«Я сгорю и стану пеплом, ожидая твой приход,
Ты над пеплом тем не смейся, сжался, или жизнь
уйдет.

Освети, прошу, мой финиш светлым обликом своим,
В нем, любимая, иначе ночи тьма гнездо совет.

Караван моих желаний мытарствует день за днем,
Ты мой дивный караванщик, караван мой взгляда
ждет.

Золотом я не прославлю имя в мире на века.
Хватит мне посланья, если от тебя оно придет.

Не дивлюсь я, что, как сахар, сладки все мои слова,
Ведь уста твои, о пери, для стихов моих, как мед.

Для свидания с тобою тысячу пройду преград,
Ты источник вдохновенья, лира для тебя поет.

Милая, коль в пепел даже Мирзобек сгорит, любя,
Все же голову поднимет, чтоб увидеть твой приход».

Поздравления неслись со всех сторон,
Мирзобек счастливый отдал всем поклон,

И к возлюбленной чувств нежных не тая,
Подошел и тихо сел на чорпая¹.

«Эй, вина в честь Мирзобека! Где бокал?!» —
Вафои с улыбкой кравчему сказал.

Юный кравчий протянул вино ему,
И сердечно Навои был рад всему.

«Навои, эмир пускай теперь прочтет!» —
Голоса взлетели звонко в небосвод.

«Мавляна Фани, газели ждать нет сил!» —
Риези, как одолженье, попросил.

А когда его просить стал Вафон,
Засиял улыбкой светлой Навои.

Уважение всем выразив сперва,
Отдал музе он на душу все права.

И в глаза ему глядели очи все,
Как на звезды, что горят во всей красе.

Лампу лунную дочь ночи в этот миг
Засветила, чтоб земли был виден лик.

Заливавшиеся птицы смолкли вдруг,
Ждал стихов эмира целый мир вокруг.

Вдохновенье Навои стеснило грудь,
Видно, молниям-словам пора сверкнуть,

¹ Чорпая — широкая деревянная кровать с низенькими перильцами.

Видно, пламенные чувства и мечты,
Как в пучину, низвергались с высоты:

«Милая, ты человечность обрести в себе должна,
Жить, как все, должна ты рядом, мне и родине верна.

Для цветов лица цветник ты возведи в раю души,
Стебельком прелестным стана ты склонись ко мне,
нежна.

Чтоб твой пес был цел, из нитей жизни ты аркан
свяжи,
Кровью печени походку ты окрась, как красит хна.

Если на горѣ разлуки, небо есть моя земля,
Из земли моей пусть снова будет плоть воссоздана.

Если хочешь, чтобы души с ликом встретились моим.
Косы свей, из завитушек сеть пусть будет сплетена.

Садовод, кто остановит листопад осенних дней,
Иглы ты на крышу сада сыпь, пусть будет не видна.

Если капельку увижу пота на ее лице,
Вы меня похороните в саване, что шьет весна».

«Навои хвала!..» «Прекрасно!..» «Хорошо!..»
«Поздравляем!» — пронеслось над Дилкушо.

Душу Вафои святым огнем зажгла
Навои газель, что плоти жизнь дала.

И даря любовь собравшихся друзей,
Он поэта поздравлял душою всей.

Жемчуг слез у Навои в глазах блеснул,
Низко голову в поклоне он нагнул.

А в душе у Вафои в тот дивный миг,
Отпечатанный как будто бейт возник:

«Для цветов лица цветник ты возведи в раю души,
Стебельком прелестным стана ты склонись ко мне,
нежна».

И слова больших ценителей стихов
Украшали душу ярче жемчугов.

Лишь один Шакур Мирзо сказал в тоске:
«Между прочим, есть колючки на цветке!»

Но не в силах ход беседы изменить,
Оборвался глас вельможи, словно нить.

С Вафои душой согласный, Мирзобек
Повторял шах-бейт, плененный им навек:

«Если капельку увижу пота на ее лице,
Вы меня похороните в саване, что шьет
весна...»

От высоких слов кружилась голова,
И огонь в душе рождали те слова.

Навои на место тихо сел, смущен,
Как от праздника газели счастлив он!

Вафон же обратился к Садои:
«Спойте дивные газели Навои!»

Садои рукой тихонько тронул саз,
Повернулся к Вафон он, поклонясь:

«Окрылил эмир газелью на полет,
Савт¹ я создал под названьем «Муноджот»²

Вы покорнейшему разрешите спеть,
Счастливы я, что вас смогу чуть-чуть согреть.

«Ну, пожалуйста!» — промолвил Вафои...
Той мелодии не ведал Навои.

Садои взглянул любовно на него
И запел терзаньем сердца своего:

«Я приду, вчера сказала кипарис с лицом цветка,
Не пришла! Не спал всю ночь я, не давала спать
тоска».

И напев, терзая лоно ночи, плыл,
Стон души ту песню дневную родил.

Всех заставила склониться Муноджот,
И сердца тоской излиться, Муноджот.

Из очей небес струились слезы звезд,
На волнах вдаль уносились слезы звезд.

Грустно вниз смотрела полная луна,
Сгорбилась в тоске Кухак-гора, грустна.

И укутался терзанием Кухак,
Извивался зверем раненым Кухак.

Дилкушо в разлуке мучился тоской,
Из обители любви исчез покой.

¹ С а в т — мотив в классической музыке, чередующийся с лейтмотивом.

² М у н о д ж о т — название классической музыки.

Самарканд от думы в изумленье впал,
Он, подобно капли ртути, задрожал.

Нет в душе у скорбной ночи больше сил,
Все желанья муганни свои открыл.

Он, страдая, только болью и живет,
Словно сель, весь мир объяла Муноджот:

«Тихо-медленно шагая, вышел я ее встречать,
Сердце к горлу подступило, не пришла, со мной
строга.

Ночью, тоже луноликой, побоялась в дом прийти,
Темнота давно настала, не идет, хоть дорога.

Я с любимой разлучившись, плакал, словно дивана,
Осудить меня за это не поднимется рука.

Говорят, себя убьешь ты, проливая реки слез,
Кровью были эти слезы, перестала течь река.

Верности в любимой нету, а иначе бы давно
В дом пришла — но не явилась, как и прежде,
далека.

Навои, вином порадуи обиталище души,
В дом, куда вино приходит, не войдет уже тоска».

Как бегущая от берега волна,
Стихла «Муноджот», задумчиво грустна.

И с душой слились печальные слова,
И у всех склонилась низко голова.

И уже среди далеких гор и скал
Избавленье голос «Муноджот» искал.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Народ Навои, как эмира, вознес,
Доверие он Самарканду принес.

Он в трудные дни не жалел своих сил,
Возможность народу помочь находил,

Кто с жалобой шел, уходил от него
С улыбкой, восторга не скрыв своего.

За правого — словно гора, он стоял,
Неправого — полный конфуз ожидал.

Всю правду в лицо он высказывал, строг,
Но лаской утешить обиженных мог.

Однажды, в присутствии лиц должностных,
Сердечно людей принимал он простых.

Как вдруг Хавофи появился пред ним,
Что саном высоким гордился своим.

Средь жалобщиков он уселся, войдя,
И начал, дыханья не переводя:

«Высокий эмир, все дела подождут,
Я с жалобой срочной пришел в ваш приют».

Привык Навои снисходительным быть,
Решил справедливость он восстановить.

Гнев жалобщика успокоив едва,
И жесты найдя для него и слова,

Умерив улыбкой воинственный пыл,
Эмир усадил Хавофи и спросил:

«Кто мог вас обидеть, чья это вина,
С какую бедой вы пришли, мавляна?»

Высокий чиновник взъярился опять
И бешено стал Киранги проклинять:

«Эмир Киранги глас сегодня издал,
Такой, что он душу пронзил, как кинжал.

Сказал он: обычным нукером ты был,
Простым Мухаммадом эмиру служил!»

Был речью подобной эмир удивлен,
С улыбкой степенно сказал ему он:

«Причины для муки не вижу ни в чем,
Ведь если сейчас мы ходжу позовем

И жалобой снова займемся мы той,
Слова Киранги будут правдой святой!

Нельзя ведь на правду обиду таить,
Всем правда должна украшением быть!»

Тогда Хавофи, распалая свой пыл,
Эмира конфузу подвергнуть решил.

Мол, я, когда Абусаид здесь бывал
И возле дворца Коксарая гулял,

С эмиром Султаном Хасаном не раз
Бесед достоин был с глазу на глаз.

Тем самым, как равный, пред вами стою,
Исполнить обязаны просьбу мою!

«Хоть саном нанба¹ теперь наделен,
Султаном Хасаном на пост возведен,

И званья эмира сейчас заслужил,
Но у Арханги ведь нукером я был.

Попытка стыдиться бывшего смешна,
Ты тот же нукер и сейчас, мавляна.

Служи, но храни благородство в груди,
Высокие цели нас ждут впереди».

Воинственным норовом поражены,
Все сценою были такой смущены.

Смущен Арханги, что при сцене той был,
Хотя на лице он улыбку хранил.

Но сам Хавофи понял, что виноват,
И жалобу взял он смущенно назад.

А у Навои, как гора спала с плеч,—
В душе Хавофи смог он свечку зажечь.

Но вот наступил для другого черед,
Дехканин униженный вышел вперед.

«Высокий эмир,— он с поклоном сказал.—
Сюда из Ургута я к вам пришагал.

Где только я ни был с моею бедой,
Никто не прислушался к жалобе той.

И мудрый совет дали люди свои:
«Проявит к тебе доброту Навои!»

¹ Н а и б — помощник, заместитель.

Взглянул на дехканина с лаской эмир:
«Что ж, просьбу свою изложите, таксыр».

И он, пораженный вниманьем таким,
Души узелок развязал перед ним:

«Пятнадцать танабов¹ пшеницей весной
Засеял я, грянул гром надо мной.

Мне горы суливший Ансор Мухаммад
Внезапно забрал обещанья назад.

На пол-урожая был с ним уговор,
Две трети потребовал жадный Ансор.

А коль справедливость в Ургуте умрет,
Последней лепешки лишится народ.

А где всей семьею во время зимы
За горсткой зерна будем мыкаться мы?

Эмир, нас согрейте вниманьем своим,
Спасенье найти от Ансора хотим.

Над жизнями нашими сжалится пусть,
И наши дома не развалятся пусть.

Ведь если без хлеба оставить народ,
Кто баям в амбары зерно принесет?

Казнят землемеры нас, как палачи,
Над каждым хирманом стоят капсанчи².

¹ Т а н а б — мера площади, равная примерно 1/6 части гектара.

² К а п с а н — оплата натурой, к а п с а н ч и — сборщики капсана.

А сколько таких, кто который уж год,
Как полчища птиц, урожай наш клюет.

Содействия просим Ансору унять,
Чтоб бедных людей он не мучил опять».

Боль-просьба-мольба не прошли стороной,—
В душе Навои отозвались струной.

Он взглядом чиновников всех обжегал
И быстро Ансору письмо написал,

Сказав: «Вот Ансору письмо, атахон,
Не надо бояться — прочтет его он.

Я в сад справедливости вызвал ходжу,
Почтенье к народу я в нем разбужу.

Сдержатъ обещанье — отважных удел,
Бесчестный же — в муках уйдет за предел.

Возможно, ходжа встретит холодно вас,
Но он не рискнет обижать в этот раз.

Решенье двора вслед прибудет в Ургут,
Иные с ходжой теперь встречи вас ждут.

Шайтан лишь — отчаяньем проклят навек,
От века — надеждою жив человек».

Дехканин склонился до самой земли,
И слезы от счастья из глаз потекли.

Святое письмо он к груди прижимал
И вновь за поклоном поклон отдавал.

А с плеч его словно свалилась гора,
Счастливый с эмирского шел он двора.

Вздыхнул Навои, но подумалось вдруг:
А сколько еще их, несчастных, вокруг!

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Сердце радостью весеннею полно,
Навои мгновенье дивное дано.

И от глаз его сияет мир вокруг,
То пером своим принес веселье друг.

А для сердца слово друга — благодать,
Дом души оно заставило звучать,

Говоря, надеждой ты не обойден,
Цветником желаний снова окружен.

Думы беркутом оно зовет в полет,
И к вершинам вдохновение зовет,

Как рассвет приносит неба глубину,
Возвращает снова давнюю весну.

В небесах его души взошла луна,
В сердце радость звонким родником слышна.

Навои, испив восторг, от счастья пьян,
Перед ним рассвет открыт, как океан,

Слово друга благородного — в руках,
И дыхание Саида — на устах.

А в послании — почтенье, доброта,
Что ни слово — глубина и красота.

Через горы дальний путь пролег письма,
И глядит из строчек мудрость в нем сама:

Солнце доброты в тоскующих глазах,
От сиянья солнца те глаза в слезах.

Как сияет снег вершинный на горе,
Голова его сверкает в серебре.

И чело его отметили года,
Пряди белые не прячет борода.

Опустились плечи — тяжек груз годов,
Стан согнулся — ветер времени суров.

Величав, степенен он на склоне лет,
В пронизательных глазах глубинный свет.

Обошел он хорасанский дивный сад,
Навои набрать букет цветов он рад.

В нем восторг момента этого царит,
Но одно желанье душу в нем щемит.

То желанье — Навои увидеть вновь,
Передать в беседе с ним свою любовь.

Эту встречу он давно как чуда ждет,
За дорогой Навои следит устод.

Пусть всегда прекрасным будет бытие,
Шлет эмиру он почтение своё.

С Ардашером мысли все связав свои,
Вновь послание читает Навои:

«Слава вашего величества цветет,
Совершенство пусть растет из года в год.

Как я рад, что высоко вознесены
И печетесь так о благе всей страны.

Ваше слово бедным душам — благодать,
Вы пером мир заставляете сиять.

И звездой Улугбека небосвод
Вновь украшен — так Лутфи передает.

Он, достойный, восхищенья не таит, —
Вами целый мир в поэзии открыт.

Там, где Улугбек сиял, и вам сиять,
Словно пику, высоко стихи держать.

От сиянья их ликует в душах свет,
В сад из редкостных цветов весь мир одет.

Описание Кухака кто прочтет,
Дивным видом очарован будет тот.

Так глядите гордо на весенний мир,
Не жалейте красок солнечных, эмир.

Самарканд в газелях ваших — торжество,
Нитка жемчуга на шее у него.

В этом крае обретя покой, эмир,
Беднякам вы подарили целый мир.

Но, мой дорогой, совсем иной Герат,
Козни, стычки и жестокость в нем царят.

Весь народ, как от болезни, изнемог,
Нищета, нужда и бедность валят с ног.

И свирепствует, как прежде, Кураган,
Под тяжелым гнетом стонет Хорасан.

На Иран он собирается в поход,
И Герат опять в опасности живет.

Сколько крови пролил проклятый Султан,
И мечом разящим сколько ранил стран.

Сам насытится — глаза еще хотят,
И сечет мечом кровавым всех подряд.

Скольким странам он принес нужду и гнет,
А могущество пера — не признает.

Словно день и ночь враги — перо и меч,
Льется свет с пера, с меча лишь крови течь.

Как бы злая сабля не была остра,
Бьется в дрожи от присутствия пера.

Та страна, где меч Султана не царит,
Силой вашего пера в лучах горит.

Сколько раз Хусейн Мирзо на меч тот шел,
Но пока победной славы не обрел.

Все же солнце и над ним еще взойдет,
Я надеюсь, что рассвет увижу тот.

В вас нуждается, в поддержке вашей он,
Как нуждается в царе достойном трон.

Шлю я вашему величеству привет,
Государства столп, нуждающихся свет,

Мавляна эмир, молю аллаха я,
Чтоб увидеть мог я вас в родных краях.

Из Герата шлю почтение сейчас,
Ваш Саид Хасан, молящийся за вас».

На челе поэта ясный день взошел,
Он тревоги, словно тени ночи, смел.

И от слов устода на простых листах —
Поселились звезды у него в глазах.

Засверкала в нем волшебная мечта,
И не кровь текла по жилам — доброта.

Жизни сад ценить за мудрость он привык,
Обращают душу мудрецы в цветник.

Если хоть в одной душе — гуманный свет,
Сотни душ ему засветятся в ответ.

Если звонко бьет в душе родник любви,
Ценный людям, всех вокруг ты напои.

А цветник великодушия цветет —
И друзья тебя прославят, и народ.

Кто к народу доброты не проявил,
Вскоре станет жертвой справедливых сил.

Эти думы к Навои пришли с письмом,
И уже он в небо устремлен стихом:

«Благородных встреть, благородным будь,
Для людей всегда душой свободным будь,

И поэтом в слове первородным будь,
А в деяниях всегда народным будь».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

В объятиях снега мир чист и пушист.
Зимой околдован, от счастья лучист.

До ряби в глазах блещет он красотой,
Серебряных звезд осыпается рой.

Рассеялся свет, как от тысяч свечей,
Все сущее сказочно в танце лучей.

Оделись сады в белоснежный убор,
Подставили плечи громадины гор.

Снег до горизонта — долины в снегах,
Снега на домах, на полях, на холмах.

Снега Кенагас, Минбулак замели —
Слоны белоснежные будто вдали.

Под снегом весна спит в гористом краю.
И, вызвав ей благодарность свою,

Денек в Кенагасе один погостив
И яствами душу свою утолив,

Азартом охоты горя, как огнем,
Неслась группа конных — ей снег нипочем.

Как беркуты — все в шерстяных чекменях,
Сапожки из хрома, телпак в соболях,

Неслись Мирзобек, Бади, Навои
И сам Ходжибек, и Джамшид Садои.

За ними орава нукеров неслась,
Картины волшебные радуют глаз.

Не мог Алишер восхищения скрыть —
Поэзии в сердце сегодня бурлить!

Пока он все сущее в душу вбирал,
Пока он на снежные скалы взирал,

В ущелье могучее въехал отряд,
И свод «Тешикташ»¹ поразил его взгляд.

Как дом двухэтажный, торжественный свод,
Как будто сквозь горы открылся проход.

И в небо колонны, как руки, взвились,
Приветствуя солнце, приветствуя жизнь.

И камень огромный повис на руках,
Грозный врагу превратить его в прах.

Десятки людей «Тешикташ» приютит,
Душа ее тайны столетий хранит.

Прекрасное диво природы родной,
Дыханье поэта бьет в грудь ей волной.

Глазам он не верит — душой изумлен,
Вопросы задать не решается он.

¹ Т е ш и к т а ш — название пещеры.

Стоит перед нею, как каменотес,
Прекрасное что-то с душою страдось.

Друзья, не мешая, стоят в стороне,
Поэта восторг им понятен вполне.

Вопрос, что в душе у поэта возник,
В открытые души к ним тоже проник.

И это почувствовав, заговорил
Хозяин — и книгу-легенду раскрыл,

Бехзад — кенагасский хозяин и друг,
Чья слава в народе гремела вокруг.

Он дом Навои посещая, не раз
Почет там встречал и сияние глаз.

Его в Самарканде властитель пера
Беседой не раз согревал до утра,

И правил газели его, чтоб народ
Оказывал ласку ему и почет —

Не только пускай садовода в нем чтут,
Но ценят его поэтический труд.

И вот, Навои отдавая поклон,
Решил дать течение повести он.

И слушал его Навои в тишине,
Кораблик души доверяя волне.

МУЗАФФАР БЕХЗАД

Хранится в народе легенда одна,
Сквозь тьму поколений пришла к нам она.

Когда к Мароканду враги подошли,
Щитом стала грудь нашей отчей земли.

На битву один богатырь вел народ,
Могучий такой, что и горы свернет.

В сраженье никто с ним сравниться не мог,
На тое, взяв глыбу, кружиться он мог.

На беркутов даже он страх нагонял,
Ургут-богатырь силой всех восхищал.

Когда он с врагами сходился в упор,
Дрожала земля и тряслось лоно гор.

Несметное войско вел Дарий на бой,
Но встали джигиты Ургута стеной.

С высокой горы скалы рушили вниз,
Чтоб горькие недругов слезы лились.

И камни ломали скорлупки голов,
На смерть обрекая жестоких врагов.

Повсюду врагов настигали они,
Им сущей погибелью стали они.

Метнул богатырь вниз обломок скалы
И надвое треснуло лоно горы.

Взвревела гора, тот обломок взяла,
И, вырвав из сердца, его подняла.

Вот так «Тешикташ» появилась на свет,
У всех изумленье рождая в ответ.

Ургут-богатырь жил до старости лет,
К пещере святой восхищеньем согрет.

А годы текли, и столетья текут,
И вот нарекли это место — Ургут.

Закончил короткую повесть Бехзад,
Но души гостей той легендой горят.

Сказал Навои: люди, видимо, клад
Бесценных легенд в этом крае хранят.

Он славных джигитов немало взрастил,
Коль память о них Мароканд сохранил...

Настала с пещерой прощанья пора,
Волшебный им свет подарила гора.

Бехзаду эмир благодарность принес,
Но пламя охоты в душе занялось —

Ургутские кеклики звали его,
Погнал он в ущелье коня своего.

И были вершины поэту близки,
И пели газели ему родники.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Людным был в тот вечер дом, где жил поэт,
Всех друзей вниманьем окружил поэт.

Предложил эмир, чтоб в доме до утра
Вдохновенная велась мушоира.

Все искусство, все, что в сердце собралось,
Из открытых душ ликующе лилось.

И струилась от газелей благодать,
Как тут песням до рассвета не звучать!

Стосковавшимся по Навои друзьям,
Этот день подобен был весенним дням.

Шутки, смех летели, счастья не тая,
В душах слышались напевы соловья.

Алишером был доволен Абулайс,
И его душа с поэзией слилась.

Просвещения страну он воспевал,
В небесах шарад умело гарцевал.

Цветниками вдохновения дыша,
В сад газелей и его звала душа.

Без конца устод великий слушать мог,
Как сплетает Навои узоры строк.

Мысли мудрые в них находил факих,
Свет сиял ему в твореньях золотых.

Если ж сам газель иль муаммо творил,
К Навои он с ними сразу приходил.

Как два сердца слитых — тюркский и фарси,
Самарканд расцвел от звучной их красы.

Посетил и Абулайс в тот вечер дом,
Чтоб ценителей газели встретить в нем.

Саз души настроил он на дивный лад,
И уже о пери струны говорят —

На персидском прочитал газель, как стон,
И дворец любви украсил ею он.

И едва газели нежный стон заглох,
Всех как будто всколыхнул единый вздох.

И огонь сжигал властителей пера,
Так по пери их тоска была остра.

От оваций громких онемел поэт,
На лице у старика улыбки свет.

И чтоб память об устоде сохранить,
Навои спешил газель ту повторить:

«Весь мир и жизнь — твой стройный стан, красавица
моя,
Приди, весь мир и жизнь отдам за стан твой в жертву
я».

И чтоб вечно дивной той матлаъ сиять,
Записал газель он в душу, как в тетрадь.

А потом взглянул с улыбкой на Карши,
Мол, пора и вам открыть простор души.

От внимания такого вспыхнул он,
Словно мальчик, и растерян и смущён.

Хоть поэт уже в преклонных был летах,
Скромным был, с улыбкой детской на устах.

Книжной лавкой он владел, нашелся тут
Всем ценителям изящного приют.

Шли поэты молодые к Мир Карши
И дарили свет для жаждущей души.

Он считал себя устом молодых,
Наставлял в науке стихотворства их.

Был для Мир Карши устом Навои,
Нес к нему он все творения свои.

Если ж книга Навои была нужна,
В книжной лавке вмиг отыщет мавляна.

Тахаллюсом¹ «Хатон» поэт избрал,
Но народ его лишь книжником считал.

У него из состраданья во дворе
Одинокий, жалкий нищий жил в худжре.

Джавхари в словах остер был, даже смел,
И в арузе он немало преуспел.

Но любил стихи чужие он читать,
Строчки лучшие душой запоминать.

¹ Та х а л л ю с — псевдоним.

Навои был ясным солнцем для него,
Встречи с ним воспринимал, как торжество.

Но и сам порой газели он писал,
По прелестнице нелюбящей вздыхал.

Суетой эпохи этой окружен,
«Сиярун-наби»¹ потомкам создал он.

Новый бейт прочел собравшимся поэт,
Словно сердцу своему давал ответ:

«Небо, след твой увидав, с ума сойдет
И к луне твои подковки подобьет».

Навои за бейт готов его обнять,
Бейт чарующий по залу стал летать.

Хавофи был жизнелюбом с юных лет,
С юных лет в нем жил стихов высокий свет.

Признавал один фарси его калам,
Боли спутником калам был по ночам.

Ожидали в зале все от Мир Карши,
Чтоб открыл в газели эту боль души.

И смущение свое он превозмог,
Вдохновеньем поднят был под потолок.

«Поэтом пусть пренебрегла, но я ей все простил,
Иначе ропот на нее весь мир бы не вместил».

¹ «С и я р у н - н а б и» — Жития святых.

Как сарбан, газели дивная матлаъ
В степь любви сидящих в зале увела.

Мир Карши открыл в ней горести свои,
Не запрещен бейт подобный для любви.

Навои газель прекрасною назвал
И в тетрадь души навечно записал.

Мавляна глядел, ликуя, на успех,
Изумленья море захлестнуло всех.

«Вах!» — Мирзо Абдураззак воскликнул вдруг,
Садои дарил улыбкой всех вокруг.

А скромнейший Мир Карши — смущен совсем,
Слезы брызнули из глаз, от счастья нем.

Джавхарн из Самарканда ждал черед,
Мастерская — вот удел его забот.

В сердце стройного джигита вновь и вновь
Отзывалась вмиг поэзией любовь.

Перед милыми бровями стих склонял
И ее дыханьем душу заполнял.

А в садах газелей он горел огнем,
Низвергались строчки водопадом в нем.

И сейчас любви затронул он струну,
Всем сидящим прочитав матлаъ одну:

«Бровям любимой отдаю поклоны я всю жизнь,
А коль ты предпочел мечеть, камням всю жизнь
МОЛИСЬ».

А Ходжа Сугди на тюркском преуспел,
Хоть писать и на фарси стихи умел.

Навои его ценил за добрый нрав,
Для него устодом став и другом став.

Приобрел авторитет он глубиной,
Для него газель была родной страной.

И когда читать настал его черед,
Звонкий бейт он для друзей пустил в полет:

«С тонкой пальмой садовод сравнил твой стан,
«А» от «Б» он отличить не мог, профан!»

Вдохновенно так мушоира велась,
Как волна Кухака, через ночь неслась,

От сравнений, аллегорий дивных — саз
Душ взволнованных в ту ночь звенел не раз.

А когда уже конец был виден ей,
Исполняя волю всех своих друзей,

На фарси газель исполнил Навои,
Жемчугами мир наполнил Навои.

«Если бы Ширин с Фархадом посмотрели сквозь века,
Нас увидев, в изумленье были бы наверняка.

Если б в степь любви со мною мог отправиться
Фархад,
От любви, что нас сжигает, и его сожгла б тоска.

Если на напев прольются слезы, не взойдет росток,
А иначе целый сад бы вырос, как от родника.

Если б озорная пери пала мне слезой на грудь,
Утром роза б не открылась, словно шов воротника.

Тысячи ночей разлуки не лишили б сна меня,
Если б ночь одну со мною, строгая, была близка.

Если бы с кокетством нежным луноликой взор
блеснул,
И луна бы удивилась, опьянела бы слегка.

Если бы в сердцах красавиц преданность нашел
Фани,
А не зло — была бы пери спутницею на века».

Прокатился в зале поздравлений гул,
Словно в каждую он душу заглянул.

А потом пришла для музыки пора
Пир украсить перезвоном серебра.

И Джамшида Садои печальный глас,
И, как стон, Самарканди Ахмада саз,

Рвали души, как по шву, до глубины,
Заперев их на замок средь тишины.

Был Ахмад Самарканди повсюду зван,
Знали Индия его и Хорасан.

Савт к газели Навои он сочинил,
Этим савтом он все души полонил.

С ним в одном созвучье Садои Джамшид
В поднебесье песен высоко парит.

В этот дивный вечер каждый был согрет,
Всех газели Навои коснулся свет:

«Восемнадцать тысяч судеб ищут взгляда твоего,
Не дивлюсь, тебе ведь, пери, восемнадцать лет всего.

Ты прекрасна в восемнадцать, но кокетство твой
удел,
Кажется, что состоишь ты из кокетства одного.

Красоте не восемнадцать, лет сто восемьдесят цвезть,
У тебя глаза и брови, как природы торжество.

Дива дивного прекрасней чудо дивной красоты,
Потому что сам всевышний создал это божество.

Красоте камней и злата удивляться нет причин,
Перед пери скрыть не в силах удивленья своего.

Эй, вина подай мне, кравчий, изумится пусть
Масих,
Тайна тайн, что тьмой покрыта — луноликой
колдовство.

Навои в разлуке с милой пролил море горьких слез,
Видишь, отраженье солнца вспыхнуло от слез его».

И за все друзья прославили певцов,
Дивный вечер завершив в конце концов.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

1

Во тьме Самарканд, небо сковано мглой,
Как горе, повисло оно над землей.

Над городом в небе затменье луны,
Весь город в недуге — так тени черны.

Лик лунный закрыли собой облака,
Как будто сшлись для сраженья войска.

Лил дождь, словно слезы струились во мгле,
И головы ивы склонили к земле.

Как траурный лик, было небо черно,
Как хижина, что развалилась давно.

И с ночью тоску Навои разделял,
Чернее, чем ночь, от печали он стал.

Сломал крылья беркут, что в бейтах парил,
Газелей родник трепетать прекратил.

И траурный пери надели наряд,
И волосы рвут, и от горя кричат.

И лик пожелтел у тулпара пера,
Копыта в крови, не летит он с утра.

А в тех цветниках, что цвели до сих пор,
Печальный горит поминальный костер.

И плачет с листа, задыхаясь тоской,
Матлаъ, что осталась навек сиротой:

«Черны твои очи, ах, что за напасть,
Кто черной напастью жизнь хочет украсть».

2

Был автором этой матлаъ Мирзобек,
Двух дивных жемчужин, великих навек.

Казалось, калам даже — свет излучал,
Когда это имя бумаге вверял.

В краю самаркандском, что всеми любим,
Что был в этом мире лишь с раем сравним,

Своей человечностью и добротой,
Душевною скромностью и чистотой,

Единственный был он, прекрасный во всем,
Мирской суете места не было в нем.

Родной Самарканд и родной Хорасан,
Вам был корифеем эмир этот дан,

Отзывчивостью, поведением своим
Средь лучших джигитов, как первый, любим.

Он был пронизательным, с острым умом,
Хрустальный родник озорной бился в нем.

Но сам восхвалений чуждался таких,
За это судьба и дала ему их.

Пришел к Навои он в ту скорбную ночь,
Когда только друг мог поэту помочь.

Ему на рубабе души он запел,
И боль Навои исцелить он сумел.

Один был устомом, другой — ученик,
Но общий поэзии цвел им цветник.

Влюбленным пером Навои он воспел,
И в преданной дружбе своей преуспел.

Стихи его парною рифмой звучны,
Точь-в-точь на танбуре две звонких струны.

В стихах тарди акс он использовать мог,
И стал виртуозом блистательных строк.

Когда его дивные строчки текли,
Поэты скрыть зависть свою не могли.

И сам Навои признавался порой,
Что строчкам его поклонялся порой.

И даже, когда он шах-бейты творил,
С беспечной улыбкой о них говорил.

Не стоя на месте, у всех на виду,
В движенье стихи он слагал на ходу.

Талант, что, казалось, беспечно творит,
В пучине души был, как тайна, сокрыт.

Чем выше росла его слава в стране,
Тем злее терзались враги в тишине

К тому же, отца его любит народ,
Он всюду почет Арханги воздаст.

И сын становился опорой-горой,
Как сад, расцветающий вешней порой.

Он и Ходжибеку всегда помогал,
Чтоб новым могуществом край расцветал.

И этим, рождая бессильную злость,
Шакуру Мирзо он терзания нес.

Талант Мирзобека ему — острый нож,
Как черною кровью тут не изойдешь.

К тому же, ползет неприятный слушок,
Что станет визирем эмира сынок,

Так надо убрать его и поскорей,
А случай стучался уже у дверей.

Собрал Файз Махмуд всех знакомых на пир,
И там, в благородство играя, визирь

Речь в честь Мирзобека, как песню, запел,
Следя, чтоб эмир поскорей опьянел.

Когда же беседую пир засверкал,
С улыбкой он кравчего взгляд отыскал.

Лис хитрый, дал кравчему знак, а потом
Позвал мугбача¹ величавым кивком.

Касу ему с алым вином он вручил,
И тот к Мирзобеку юлой подскочил.

Когда стон печальных мелодий летел,
Когда он в крови ураганом кипел,

Когда была вихрем душа взметена,
Когда разливались потоки вина,

Эмир заблудился как будто в лесу,—
В тот миг юный кравчий и подал касу.

И головы пьяных склонились к нему,
Чтоб выпил скорее, молились ему.

И к горлу эмира рванулась душа,
Как будто в пучину упал мятежа.

¹ М у г б а ч а — юный кравчий, помощник главного кравчего.

Но даже объятый пучиною, он
Визирю отвесил сердечный поклон,

Ему улыбнулся и лихо, спьяна,
До дна выпил полную чашу вина.

И плохо себя он почувствовал вдруг,
Казалось, что все завертелось вокруг.

Огонь нестерпимый прожег ему грудь,
И рухнул он камнем, не в силах вздохнуть.

Шакур ал Мирзо в день затмения луны
Исполнил желанья, что были черны.

А пир продолжался, неведомый влу,
И все возносили эмиру хвалу.

Хафиз напевал в честь него муноджот,
Не зная, что тот лишь спасения ждет.

Сказав, опьянел наш могучий эмир,
Велел проводить Мирзобека визирю.

3

Зарю встретил громким рыданьем дутар,
И мир весь заполнил страданьем дутар.

Сурная душа изрыдалась вконец,
И рухнул разрушенный счастья дворец.

Дрожали, гиджак услышав, небеса,
И плакали чанги на все голоса.

Как будто горой придавило ганбур,
Сердца разрывал он, печален и хмур.

И слышались стоны хафизов кругом,
Метался над душами савт «Шашмаком».

Склонялись от тяжести головы вниз,
Кипучие слезы из глаз полились.

От боли разлуки весь мир горевал,
Поэзии сад облетевший сгорал.

Газели рыдали, свой ворот порвав,
И души кололи, вдруг острыми став.

И стан Навои изогнулся дугой,
Перо Мирзобека сжимал он рукой.

И раненным пулею злой соловьем,
Стонал Бади, опаленный огнем.

Как будто болезнью тяжелой свело,
Оперся о посох устод Фазлулло.

Эмир Арханги с пожелтевшим лицом
Был словно придавлен своим же дворцом.

Враг черный под корень опору срубил,
Бесчестный какой-то жизнь сыну сгубил.

И тяжелой душевною болью томим,
Скорбел, с Арханги неразлучный, хаким.

Печалью объят весь народ целиком,
Как будто был сам безутешным отцом.

Душой он болел, проклиная вино,
Ведь смерть принесло Мирзобеку оно.

Шакур ал Мирзо горе изображал,
Глаза Файз Махмуд без конца вытирал.

И траур был черной овейн тоской
Под вечер с молитвою за упокой.

В гробницу, что строил Ахмад Ходжибек,
Его уложили, простившись навек.

Во взорах прощальных чернела печаль,
И в стонах металась небесная даль.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Перед тусклой свечкой Навои грустил,
Мирзобека смерть его лишила сил.

От печали не поднять тяжелых рук,
И глаза горят от горечи и мук.

Он земле доверил друга своего,
И безмолвный мир внимал тоске его.

Сердца зеркало разбилось — не собрать,
Дом просторный клетку стал напоминать.

Горя улица сквозь сердце пролегла,
Степью траура душа его брела.

И на дереве надежды нет ветвей.
Вздохи жгут его, как жаркий суховей.

Нож врага терзает грудь ему, остер,
На плечах лежат как будто цепи гор.

Отвращения огнем он весь сожжен,
Не вмещает целый мир упреков стон:

«Сожаленья тщетны, счастья он не знал,
Изобилья жизни ключ ему не дал.

Как чинара, жизнь распилена пилой,
Горький плод вкусил он в юдоли земной».

Мирзобека царский бейт в душе возник,
Как узор, он на бумаге ожил вмиг:

«Черны твои очи, ах, что за напасть,
Кто черной напастью жизнь хочет украсть».

Навон еще раз бейт тот повторил,
В нем — могучий беркут в сердце ранен был.

И газель незавершенная звала,
Словно птенчик, чьи не выросли крыла.

И чтоб души общий обрели полет,
Мирзобека памяти воздав почет,

С нарастающим волнением в груди,
С бесконечным вдохновением в груди,

Чтоб газели завершение найти
И народу на рассвете поднести,

Мирзобеку клятву дав, в порыве том
Он в степи тоски всю ночь водил пером.

Утешения он не нашел ни в чем,
Словно умерла навеки радость в нем.

Лишь строка была свечой озарена,
Как то мысли друга выразит она?

И когда зарей Кухак обнял рассвет,
И в печальных душах засиял рассвет,

Родилась газель, весь мир оповестив,
Жар двух пламенных сердец в себя вместив:

«Черны твои очи, ах, что за напасть,
Кто черной напастью жизнь хочет украсть.

Я в боль обратил все желанья мои,
А боль-то меня исцелять принялась.

Сто жизней любовь охватила к тебе,
И каждая жертвой готова упасть.

Тебе, как ошно¹, становился любой,
Ему ты внимал, ошино² становясь.

Лик дивный твой жаждет душа сохранить,
О, как бесконечно сильна его власть.

Хоть путник на тлен осужден был судьбой,
Но вечность великая с ним обнялась.

Так пламя святое любви Навои,
Став песней, не может в сердца не попасть».

Гул дутаров тишину печально рвал,
Словно душу скорбным звукам доверял.

¹ О ш н о — друг.

² О ш и н о — любимый.

Навои глядел сквозь утренний туман,
Память Мирзобека он вписал в дастан.

2

Яме черной сына своего вручив,
Арханги от мук и горя еле жив.

Все надежды жизни обратились в прах,
Траур черный стал подушкой в головах.

Растравил всю душу стонами эмир,
Этим вздохам оказался тесен мир.

Как безумец, за поклоном бил поклон —
Скорбно духу сына поклонялся он.

Зданье жизни он в отчаянье крушил,
Чаши, полные шербета, оземь бил.

А пока все больше угасал эмир,
На пирах всю развратничал визирь.

И развратничал бы дальше он и пил,
Если б юный кравчий тайны не открыл.

Кравчий был с визирем в сговоре давно,
Мугбача не знал, что всыпан яд в вино.

Но когда в народе слухи поползли,
Мугбача они, как пламя, обожгли.

И примчался юный кравчий в Рухабад,
В дом, который черным трауром объят.

Стон издав, упал он у эмирских ног,
Арханги же в сердце ощутил ожог.

Плача, он о правде пира рассказал,
Душу вывернув эмира, рассказал.

Не казните, пощадите, о эмир,
Оказалось, всыпал яд в вино визирь.

Он не чашу дал с улыбкой на устах,
Саблю смерти он держал в своих руках.

Когда знак тот подал кравчему эмир,
В смысл коварный вникнуть я не мог, таксыр.

Файз Махмуд, поэт давно ведь вам знаком,
Это он эмира напоил вином.

А когда эмир забыл про все вокруг,
Мне ту чашу протянул визирь из рук.

Мой эмир, я тоже очень виноват,
Трауром по Мирзобеку я объят.

Жизнь мою вручаю в руки ваши я,
Хоть и мугбача, чиста душа моя.

Арханги от этих слов бессильным стал,
Словно лев от раны, грозно застонал.

Ах, Шакур Мирзо, убийца, дьявол, зверь,
Окровавлен этот дом тобой теперь!..

До Султана весть под утро донеслась,
По домам из уст в уста передалась.

Было схвачено коварное зверье —
Тот, кто роет яму, попадет в нее!

И визирь в зиндане клял своих «друзжков»,
Что забыли про его вино и плов:

И мершаб Закир Али отвел свой взгляд,
Издеваться стал тюремщик Мир Ахмад.

А когда пришли мершабы в час ночной,
Слезы хлынули из глаз убийц рекой.

Увидав «друзей», тюремщик Мир Ахмад
Им сказал, что «видеть их в зиндане рад».

В подземелье их заставил «погостить»,
Предоставив жизнь коварную винить.

А потом и палачу указ был дан,
К смерти трех убийц приговорил Султан.

И еще по Мирзобеку траур шел,
Как визиря горло острый нож нашел.

Как вино из чаши, что полна была,
Буйно кровь из горла кравчего текла.

И на ад похож стал Файз Махмуда дом,
Свечи в люстрах никогда не вспыхнут в нем.

Но рыданья Арханги на целый год
Черным облаком закрыли небосвод.

И согнулся у чинары стройный стан,
На плакучую похож он иву стал.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

У гор на груди возлежал Астрабад,
Печалью и болью страдал Астрабад.

На горные кручи был взор устремлен,
Как облако, в небо летел его стон.

Ведь в крепости той Байкара среди скал
От боли своей исцеленье искал.

И были друзья, как бальзам, для него,
Но как не хватало еще одного,

Способного крыльям дать взмахи орла —
Дорога к нему далеко пролегла.

Но часто из края далекого он
Слал письма, поэт всех эпох и времен.

Когда на Герат посягнуть он рискнул,
Тот руку ему через даль протянул.

В победные дни радость он излучал,
А в дни поражений с ним боль разделял.

Ждала справедливого шаха страна,
От распрей-раздоров страдала она.

Считал Навои — Байкара, как султан,
Сумеет спасти от невзгод Хорасан.

Поэтому — в письмах его вдохновлял,
И в близкой победе его уверял...

Знать Абусаиду слагала хвалу,
Тирану в венце, как добру, а не злу.

Сослав Навои, та спесивая знать
В пирах продолжала свой век прожигать.

Кичились они, дух вином веселя:
Мы — небо, все прочие люди — земля...

Хоть в стычке опять победил Байкара,
Тоска в его сердце все так же остра.

Друзей, изменяющих клятве, не счесть,
Им деньги дороже, чем совесть и честь.

Расстроен он был от ударов судьбы,
Как камнем сраженный во время борьбы.

Настанет ли утро над ночью невзгод,
Иль мир этот местью одною живет?

Неужто один из попутчиков все ж
Воткнет ему в сердце предательский нож?..

Когда после стычки Мирзо на земле
Лежал, а душа изнывала во мгле,

Посыльный пришел и, гоня эту тьму,
Письмо Навои протянул он ему.

Как с жадностью друга читал он письмо,
Прислало его провиденье само.

Уже Байкара в безнадежность впадал,
В ближайших друзьях он неверность искал.

- Как воздух, слова утешенья пужны
Поэта, что думал о судьбах страны.

Письмо это силы вернуло опять,
Душа, словно зеркало, стала сверкать.

Читал письмецо он, простое на вид,
Но в нем вдохновения глас говорит:

«С утра войско солнца поскачет вперед,
Возьмет на прицел войско тьмы и сметет,

За мысли спесивые, злые мечты
Врага — шаха тьмы — свергнет вниз с высоты,

И дерзкое, с пиками наперевес,
Возьмет неприступную крепость небес.

И пусть этот солнечный день расцветет
Для войска султана и вдаль позовет.

И пусть сам всевышний поможет ему
Войска разгромить, что посеяли тьму.»

Пусть через преграды и ямы легко
Промчатся рассветным они ветерком.

По ветру развеют пусть пепел врага —
Народу победа их так дорога.

Твердыню страны пусть захватит отряд,
И солнце свободы увидит Герат».

Письмо о глаза потеряв, Байкара
Вздохнул, словно с плеч его спала гора...

Ресницы росточками вздрогнули вмиг,
И брызнули слезы из глаз, как родник.

Так друга молитва лечила недуг,
И мир показался прекрасным вокруг.

И выпрямил стан он, рад силе своей,
И вымолвил, глядя на близких друзей:

«Эмир Навои молит бога за вас,
И вместе с молитвой прислал он приказ —

Твердыню страны пусть захватит отряд,
И солнце свободы увидит Герат.

Высокую цель указал мавляна,
Исполнить свой долг призывает она.

Мы не одиноки, ведь с нами устод
И друг Навои — хорасанский народ.

Духовным вождем стал теперь он для нас,
Поддержит, хотя и вдали, в трудный час.

Недаром вам шлет благодарность поэт,
Пусть каждый нукер будет ею согрет.

Пора на Герат подниматься в поход, —
Тот лозунг священный пусть в каждом живет».

Слова Байкары вдохновили друзей,
Алмазы в глазах засверкали сильней.

И с твердою верой, что в сердце пришла,
С молитвой поэта, что в бой позвала,

И с кровью, что стала еще горячей,
Мирзо сыновья оседлали коней.

В стан войска они поскакали стрелой
Джигитов готовить в решительный бой.

И радостно их проводил Байкара,
И души пером усладил Байкара.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лютовал и дни, и ночи Кураган,
Изнывал под тяжким гнетом Хорасан.

И о ножнах позабыл кровавый меч,
Даже Кухи Каф готов был он рассечь.

Кровью жаркой заалели, как тюльпан,
Сабзавар, Хорезм, и Тус, и Бадахшан.

Сам насытится — глаза опять хотят,
Меч захватнический поднимать он рад.

А теперь — Тебриз и Рум облюбовал,
Снова в руки взял безжалостный кинжал.

Поднимая пыль среди долин и гор,
Снова вылетело войско на простор.

Ахмадьяр вел в бой их и Султан Барлас,
Два эмира, что спасли царя не раз.

Слава их, как полководцев, расцвела,
Через пики гор войска она вела.

Где пройдут копыта — в ранах грудь земли,
Кровь и пепел, трупы черные в пыли.

И народ всего лишился, что имел,
Содрогались горы, видя горы тел.

Но и в войске недовольства голос рос,
Жадный царь хотел, чтоб все в казну лилось.

И росло богатство шаха с каждым днем,
И шептали с болью войны о нём.

Вот мелькнул вдали туманной Карабаг,
Войско сжал Султан в карающий кулак.

Но народ, врага увидя пред собой,
Словно сель могучий, ринулся на бой.

Острой саблею сверкнув, Узун Хасан
Показал, каков он есть, в степи Муган...

Над собой вздымая пику в вышине,
Льву подобный, на стремительном коне,

Громко «хайт» вскричал эмир Султан Барлас,
И ответная атака началась.

Поспешило войско Ахмадяра в бой,
Словно страх в сраженьи гнал перед собой.

Со щитом и в шлеме, где сверкал металл,
Саблю вынув, впереди Барлас скакал.

Зеленел и пел ковром травы простор,
И пестрел цветами муравы простор.

Но теперь мольбою к небу стоны шли,
Жизни грудь — тюльпаны кровью обожгли.

И головки отрывались от стеблей,
Как костры, они зажглись среди степей.

Комья вырванной земли — на мураве,
Умирали молча бабочки в траве.

Крики птиц летели к небу, сея страх,
Не до песен было соловьям в садах.

И текли, как реки, слезы родников,
Сердце Карабага рвалось из оков.

Водопадов скорбный рев гремел вдали,
И сердца щемящей болью изошли.

Но когда Узун Хасан напал опять,
Стали конники Султана уставать.

И все больше их бежало в стан врага,
Видно, слишком жизнь была им дорога.

И эмир Барлас был в схватке побежден,
И к далеким небесам последний стон,

Будто дым, вознесся — лишь тулпар один
Горевал, что обезглавлен господин.

Он над ним склоняясь, печально слезы лил..
А на поле брани ураган бурлил.

Невозможно отличить — кто враг, кто друг,
Здесь в потоках крови тонет жизнь вокруг.

Страхом был объят Султан Абусаид —
Грозной пастью ад войскам его грозит.

Улучив момент и повернув назад,
Подлетел к Султану маленький отряд.

Взяв в кольцо, Султана быстро окружил,
И на пиках жизнь Абусаид сложил.

И из сердца Ахмадаря рвался стон,
Кровной мести был кинжал в него вонзен.

Этой вестью поражен Узун Хасан,
Ветер радости принес ему Муган.

Рассыпались просом шахские войска,
Знамя белое держала их рука.

Страх Узуна вмиг растаял, как туман,
Гордо на свои войска глядел Хасан.

Соглашение решил он заключить,
А откажутся — смертельной битве быть!

О решенье весть к противнику дошла,
Жизнь его в тот миг на волоске была.

Так земле усталой мир принес Муган,
Славу так обрел в бою Узун Хасан.

Так со смертью шаха стих сраженья вал,
И Муган стал от тюльпанов снова ал.

Позабыт поход на Рим и на Тебриз,
Полководцев потеряв, вмиг разбрелись

По степям войска — мытарствуя, они
Шли к родным местам, изгнанникам сродни.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Еще Хорасан об убийстве не знал,
Как в степь, к Астрабаду отряд поскакал.

Собрались царем недовольные в нем,
Спеша Байкаре рассказать обо всем.

Неделю скакал он, уставший вконец,
Чтоб радость Мирзо осветила дворец.

Когда предводитель Бурхан на заре
О новости той сообщил Байкаре,

Он выслушал весть в отступающей мгле,
Как беркут могучий на грозной скале.

В глазах его яркое пламя зажглось,
Отряд похвалой до небес он вознес,

Меч, щит и одежду посланцам вручил
И каждого сотней таньга одарил.

Затем, верным войском своим окружен,
К Герату, как молния, ринулся он.

На улей пчелиный был город похож,
Гудел он, не зная — где правда, где ложь.

Правитель Дехдор, как и шах, был жесток,
Печалей народа понять он не мог.

С тоскою глядел на дорогу Афзал,
Разлукой томясь, Навои вспоминал.

И видя, какая с народом беда,
Покинул дворец Ардашер навсегда.

В стихах тосковал Пахлаван Мухаммад,
На тоях народных те песни грустят.

А Фасихиддин, величавый устод,
Учителем стал, изведясь от забот.

И всех их разлука сжигала огнем,
Свидания ждали и ночью, и днем.

О смерти тирана не ведал Герат,
Царил в нем печалей и горестей ад.

Когда же забылся в тяжелом он сне,
Открылись ворота его в тишине.

И тысячи всадников в них ворвались,
Над городом крики и стоны взвились.

В испуге в домах просыпался народ,
Не зная, что день предстоящий несет.

Закрыли калитки они изнутри
И ждали известий от близкой зари.

Серпы и лопаты сжимая в руках,
Они отгоняли неведенья страх.

Попрытались дети по дальним углам,
И старцы согнулись в беде пополам.

Но вот засияла навруза заря,
Победою войско Мирзо одаря.

И был ликованием Герат осиян,
Встряхнувшись, вставал во весь рост Хорасан.

Над городом реял прекрасный рассвет,
Пугающих страхов растаял и след.

И мир долгожданный явился в Герат
Обрушило солнце лучей водопад.

Народ благодарность к Мирзо обращал,
Он вечного мира отчизне желал.

О, если б с Мирзо справедливость пришла
И гнет тирании навеки смела!

Эпоха Султана ушла со двора,
Хусейна Мирзо наступила пора.

Шел восемьсот семьдесят третий год,
Встречая навруз, ликовал весь народ.

И в пятницу, как Байкары торжество,
Имам обратился с хутбой¹ в честь него.

Взошла в небесах Хорасана луна,
Весенний расцвет возвещала она.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шел навруз по Самарканду, полный сил,
Все сады он мирным счастьем озарил.

Просыпается все сущее от сна,
Жизнь ликующая солнцем рождена.

Лик земли в цветах прекраснее вдвойне,
Солнце слушают деревья в тишине,

¹ Х у т б а — праздничная молитва.

К солнцу тянется трава, и горячи
На ее ладошках яркие лучи.

Почки нежатся — настала их пора,
Ветер для сердец ветвей поет с утра.

Рвут бутоны алые воротники,
Чтоб цветами запестрели цветники.

Старики счастливых чувств не в силах скрыть,
Что сумели снова до весны дожить.

Воды райские несет Обирахмат,
И улыбки солнца шлет Обимашхат.

У могучего Кухака торжество,
Берега обнять спешит волна его.

И подснежники глядят, потупя взор,
Озарили ярко ирисы простор.

Этой сладостью весны будь вдохновлен,—
Молвит солнцу, Навои отдав поклон.

Радостный он бродит садом Дилкушо,
Как он счастлив, как на сердце хорошо!

И когда он в небе радости парил,
И когда он с птичьим хором говорил,

Появился Бадии, и сразу он
Был глазами Навои заморожен.

Не похож на прежний Алишера вид,
Изумленно он на Бадии глядит.

Но потом собою овладел поэт,
На немой вопрос с улыбкой дал ответ:

«В Хорасане Байкара на трон вступил,
Наш Баходурхан... Светило из светил

Над Гератом засверкало на заре,
В злате царственный порог и в серебре!»

Дня священного прождал он столько лет,
Потому взволнован, счастлив так поэт.

Но степенно Бади себя держал,
«Что с Абусандом?!» — спрашивать он стал.—

«Где и как к Султану смерть его пришла,
Жизнь владыки сабля чья оборвала?»

«В Карабаге завязался страшный бой,
Не на жизнь, а на смерть дрался там любой.

Но была Султаном недовольна знать
И решила в стан врага перебежать.

Оказался он один среди врагов,
Пролилась Султана кровь на шелк цветов».

Но о тайнах вспомнив, что царят вокруг,
Навои счастливый изменился вдруг:

Низко голову свою склонил опять,
Из корана стал один оят шептать.

И сказал: «Пускай всевышний наш ему
Место даст в раю, как сыну своему».

По лицу поэт ладонями провей,
По усопшему молитву он прочел.

И забыв про мира бренные дела,
С Бадни его беседа потекла.

Обо всем ему подробно рассказал,
Откровенно другу сердце поверял.

И в глубокие раздумья погружен,
Обращаясь к Бадни, промолвил он:

«Если справедливость в дом Мирзо возьмет,
С ним страна в согласье будет и народ.

Если сможет всех тиранов отмести,
В государстве будет вечный мир цвести.

О всевышний, ты даруй нам эти дни,
Добротой трон Хорасана осени.

А покорнейший, вестей прекрасных ждет,
Чует сердце, что свидание грядет.

В путь пора, с дорогой медлить мне нельзя,
Заждались меня хорошие друзья.

Но покинуть Самарканд мне нелегко,
Как Герат, проник он в сердце глубоко.

Райский климат в золотой стране царит,
А ее напев с душой моею слит».

Развязав души наивный узелок,
Лишь одно Юсуф в ответ промолвить мог:

О, эмир, хочу быть с вами вечно я,
О народе думать бесконечно я.

Вслед за вами всюду, словно тень, спешить —
Вот ответное желание души».

Навои его улыбкой озарил,
И жемчужинами мысли одарил:

«Человеком будет истинным лишь тот,
Кто печалью народными живет».

И друзья к решенью твердому пришли...
Облака базар затеяли вдали.

А затем и прокатился первый гром,
Прорезали небо молнии огнем.

Хлынул ливень, буйный ветер наскочил,
У плакучей ивы кудри намочил.

Настроенье Навои сменилось вмиг,
Он от грустных мыслей головой поник.

И под ливнем, налетающим, как шквал,
К Коксараю с Бадии он зашагал.

Там придворные стояли и родня,
Низко головы надменные склоня.

В ряд эмиры, мударрисы, знать сошлись,
И торговцы, и улемы собрались.

Там Ахмад Мирзо стоял, одет Султан
В черный был, бельбагом схваченный, чапан.

Навои тихо́нько встал у дарбаза,
Опустив, печалью полные, глаза.

О душе усопшей горько он скорбел,
Сердце сына он приободрить хотел.

И Ахмад Мирзо, слезу пролив, без сил
На плечо поэта голову склонил.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Когда спал светила полуденный жар,
Направил шаги Навои на базар.

Над Бибиханум лился солнечный свет,
И песней звенел он наврузу в ответ.*

Плыл по Фирузе говорливый поток,—
С базара народ возвращался в свой срок.

И пел у каппона¹ тот нищий-старик,
Душой одряхлел он и телом поник.

Сидел он, согбенный, на голом песке,
К прохожим протягивал руку в тоске.

Где голос могучий — и слаб он, и тих,
Согнулся старик от напастей лихих.

Печально глядел Навои на певца,
Не в силах глаза отвести от лица.

Потом подошел и, отвесив поклон,
Представился жалкому нищему он:

¹ Каппон — мучной ряд, хлебный базар.

«Однажды уже, атахон, я просил
Продать бейт, который я в сердце носил.

А вы, сколько я ни упрасивал вас,
На все уговоры мне дали отказ».

Н И Щ И Й

Да, вспомнил, а вы, я смотрю, до сих пор
Еще не забыли про тот разговор.

Н А В О И

О, да, атахон, по газели тоска
По-прежнему в сердце моем глубока.

Ваш бейт, как и прежде, купить я хочу,
Лишь так я желания боль излечу...

С улыбкою выслушав эти слова,
Ответил он, радость скрывая едва.

Н И Щ И Й

Продам, если так он вам дорог и мил,
Хватило бы только для выкупа сил.

Н А В О И

Возможно, и хватит, возможно, и нет,
Но я не уйду, не купив этот бейт.

Н И Щ И Й

Как твердо решение ваше, сынок!
Имеющий цель, ее выполнит в срок!

Уж очень я стар, да к тому же больной,
И хоть я к газели привязан душой,

Ее все трудней и трудней распевать,
И голос предательски стал исчезать.

Признаюсь — просить подаянье невмочь,
Но кто, верблюжонок, мне может помочь.

Условия вот вам: дом крепкий и двор,
А рядом с ним речка, бегущая с гор,

И мельницу к ней, и осла одного —
Подарите, я откажусь от всего.

Ваш будет шах-бейт навсегда с этих пор,
Порадует душу такой уговор.

Дадите — пока не придет мой конец,
Молитвы за вас будет слышать творец.

Все лучшие годы давно пронеслись,
И жизни весы опускаются вниз.

Хочу дней остаток я мельником быть,
Молитвы народа трудом заслужить...

Луч солнца коснулся поэта чела,
Согрела беднягу улыбка, светла.

Н А В О И

Согласен — вот вам, атахон, мой ответ,
Подарит вам счастье грядущий рассвет.

Еще сообщить кое-что вам хочу,
Надеюсь, что этим вас не огорчу.

НИЩИЙ

Нет, что вы, мой свет, буду счастливы вдвойне,
Какую вы мудрость подарите мне?

НАВОИ

Факих Абулайс вам знаком или нет?

НИЩИЙ

Знаком! Им народ Самарканда согрет.

НАВОИ

Почтенный о вас хорошо говорил,
Историю бейта он мне подарил.

НИЩИЙ

Молю, чтоб продлил жизнь факиху аллах,
Ведь имя мое он держал на устах.

НАВОИ

Услышав, что бейт покупаю, устод
Сказал, что сад жизни моей расцветет.

...А нищий сидел, изнутри озарен,
С факихом беседовал мысленно он.

И глядя на старца, подумал эмир,
Как непостоянен, жесток этот мир.

Когда-то бейт счастье ему приносил,
Теперь распевать его нет больше сил.

А бейт — как два голубя белых, в тот миг
Готовился в небо взлететь напрямик,

Хотя Навои до сих пор не узнал,
В каком он диване когда-то сверкал.

Кто есть он воистину, кем он рожден,
Но твердое принял решение он:

Куплю у того, кто лишился всего,
И этим порадую душу его.

Он мельницу, домик уютный купил,
Осла быстрогого он подарил,

И нищий хвалу в честь эмира вознес,
Желая шах-бейту подняться до звезд.

Кормившая нищего, эта матлаъ
Ему в жизни счастье опять принесла.

А бейт, в самом сердце поэта храним,
Его достоянием стал золотым:

«Грудь разорвалась, так порвано небо зарей,
Влагой омыты ресницы, как травы росой».

И спать Навои до рассвета невмочь,—
Бессмертному бейту он жертвовал ночь.

И перед свечою надолго склонен,
В газель душу жаркую вкладывал он.

Когда же затих вдохновения вал,
В восторге газель он свою прочитал:

«Грудь разорвалась, так порванó небо зарей,
Влагой омыты ресницы, как травы росой.

Видя печали мои, ты ликуешь опять,
Если так будет всегда, изойду я тоской.

Сладкую грусть подарила Меджнуну Лейли,
Степи арабов — вот край для Меджнуна святой.

В стрелах ресниц есть напасть, им покой не
знаком,
Что в этом мире бесстрашной напасти такой.

За поцелуй твой все в рабство готовы пойти,
Я из рабов всех проворней, лицо лишь открой.

Если судьбой уготовано небытие,
В прах обратиться не хочет ученый любой.

Снова растравлены раны в душе Навои,
Как ни лечи, нет душе исцеленья больной».

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Чуть светает, Навои уж на ногах,
Он на мир глядит купающийся в снах.

Льнет с Кухака предрассветный ветерок,
Расстелился благодатный мир у ног.

В сердце — музыка, светла и молода,
От печалей не осталось и следа.

В чистом сердце нет и пятнышка тоски,
Все преграды-горы в прошлом, далеки.

Друг свечою яркой освещает дом,
Словно солнце, греет лаской и теплом.

Если всех счастливых на земле собрать,
Самым первым может он себя считать.

Сердце радостное птицей рвется ввысь,
Огоньки в глазах таинственно зажглись.

До зари бродил он цветниками слов,
На бумаге — ожерелья жемчугов.

И когда над ним рассвет крыла раскрыл,
Мир его улыбкой счастья одарил.

А Ахмад Мирзо был страхами объят,
В сердце панику вселял ему Герат.

Через царство, что рука отца дала,
Словно трещина глубокая прошла.

Если вдруг в страну нагрянет враг тайком,
Предстоит ему расстаться с цветником.

Но прислав посла, Хусейн Баходурхан
Сообщил, что Навои ждет Хорасан.

Тот посол, великий город посетив,
Был с Мирзо Ахмадом ласков и учтив.

«Государственной грамотою» он
Возвратил Султану и покой, и сон.

И когда в душе он страхи погасил,
Навои в свои покои пригласил.

СУЛТАН АХМАД МИРЗО

В Самарканд из цветников Герата к нам
Ветер доброй вести подарил салям.

Вестник к нам явился с новостью благой,
Солнце вспыхнуло над вашей головой.

«Давлят маншури»¹ с послом прислал Султан,
Снова сына видеть жаждет Хорасан.

В этой грамоте залог грядущих благ,
Свет ее печати озарил Кухак.

...К Навои пришел с поклоном сам Султан,—
Как он радостною вестью осиян!

Грамоту ему Ахмад Мирзо вручил
И с улыбкою за Навои следил.

Свиток молча о глаза потер эмир,
Новой жизни перед ним открылся мир.

Но его не мог он видеть до поры,—
Заслоняло все посланье Байкары.

НАВОИ

Ах, как грамоту он быстро мне прислал,
Я от этого в оцепененье впал.

В небесах сияет новая луна,
Счастья свет мне льет на голову она.

¹ Д а в л я т м а н ш у р и — государственная грамота.

Вам, Султан великий, благодарен я,
Пусть цветут садами щедрые края.

А Х М А Д М И Р З О

Самарканд вас не забудет никогда,
Не сотрут следы от ваших ног года.

П О С О Л

На рассвете в путь уходит караван,
Ждет, тоскуя, с нетерпением вас Султан.

Н А В О И

Благодарен вам я, вестник, пусть вас ждет
До ворот гератских легкий переход...

...В час, когда раскрыл тюльпан зари рассвет,
С треском нить раздумий разорвал поэт.

Он в стихи посланье друга обратил,
И великий город сердцем охватил.

В тех стихах, что перечитывал он вновь,
Воспевались дружба, преданность, любовь.

Покровительство ему открыв свое,
Байкара счастливым сделал бытие.

И поэт писал о чуде бытия,
(Так, возможно, и возникла «Вакфия»).

«Небо, дай нам совершенства торжество,
Солнце у других небес, увы, не таково.

Вдохновение твое мечтой горит,
За сто лет не сладит с ним сам Аторид.

Лавку, полную жемчужин, ты открыл,
Те жемчужины народу раздарил.

Дум твоих цветник райханами¹ цветет,
Собиратель тех райханов — сам народ.

Мир цветами дивных строк заполнил ты,
Что взамен ты получил за те цветы?

Людям лучше стало жить от слов твоих,
А тебе — лишь нарекания от них.

Кровь свою ты пьешь, а люди вина пьют,
Капли радости ответной не дают.

Над народом ты просыпал жемчуга,
Да прославится дарящая рука.

Исполнения желаний час настал,
Наших дней печаль и боль он разметал.

Овладели миром мы! Хвала делам!—
Наша мощь открыла крепость неба нам.

Словно песни стали наши дни звучать,
Значит, песни в нашу честь пора слагать.

Солнце мир наш осветило ясным днем,
Наконец-то правда утвердилась в нем.

¹ Р а й х а н — цветок базилика.

Дни придут, и радость встретит вся страна,
К счастью твоему, прозрели все от сна.

И рассвет твоей надежды виден стал,
Луч желанней сокровенных засверкал.

И бокал — эпохи кравчий поднял ввысь,
Так не мучайся трудами, веселись!»

...«Как получишь эту грамоту царя,
Всей душой служи мне, преданность дая.

Ты волной вздымайся в море доброты,
Все дела свои сверяй с тем морем ты.

Даже если вступишь ты на лик луны,
Будут и на ней твои следы видны.

Солнце в золото ты можешь перелить,
Чтоб сверкала в книге золотая нить.

Между строк могучих бейтов там и тут
Звезды дивным украшением взойдут.

Как ни высоки твои слова во всем,
Выше слов твоих тебя мы вознесем!»

Голос друга слышен в сердце у него,
Подпись царская влечет, как волшебство.

Навои приняв судьбы чудесный дар,
Клялся — с сердцем друга слить сердечный
жар.

И уставившись на звезды, сноза он
Бейт твердил, им восхищен и окрылен:

«Как ни высоки твои слова во всем,
Выше слов твоих тебя мы вознесем!»

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Правитель Ахмад Ходжибек был готов
Пожертвовать всем за жемчужины слов.

Как волны Кухака, волнение в груди —
Ждет вечер прекрасный его впереди.

Дворец многолюден — придворные, знать
Не в силах счастливую радость скрывать.

Собрал благородных гостей он в свой дом,
Ласкает им лица навруз ветерком.

В улусе был чтим Ходжибек глубоко,
Ученым, поэтам с ним было легко.

И были на встрече той Кутб Санафи,
Хисров, Абулайс и Джамшид Садои,

Джемал Лутфулло, Ахмад Самарканди,
Ходжа Мастуни, Риези и Сугди.

Мухаммад Олим и Юсуф Бадии —
Все ждали, когда же придет Навои.

И словно луна поднялась в небеса,
Так радостно вспыхнули вдруг голоса:

«Эмир, долгожданен для нас ваш приход!» —
На лицах счастливых улыбка цветет.

Смутясь, с Ходжибеком он рядом стоял,
Ответным волнением и счастьем сиял.

Отменным парядом все восхищены,
Светился он блеском весенней луны.

Нарядный чапан его бархатный ал,
И свет кулохи наврузи¹ излучал.

То звезды в глазах зажигали огни,
То молнией вдруг озарялись они.

И радость сияла на смуглом челе,
Взор солнцем горел, негасимым во мгле.

Бородка его, словно уголь, черна,
Гератом душа его озарена.

Друзья обнялись, каждый встрече был рад,
Иных от судьбы не желая наград,

Ведь в море волнений купались сердца,
И жар вдохновенья горел без конца.

На тур² Навои приглашали друзья,
На тур его взглядами звали друзья.

И к утру прошел он, друзьям поклонясь,
В дома их души благодарством вселясь.

¹ К у л о х — конусообразная шапка, н а в р у з — весна. Ку-
лох наврузи — по-весеннему нарядная шапка.

² Т у р — почетное место.

Ахмад Ходжибек оказал ему честь,
С поклоном просил он на тур его сесть.

Решил он сегодня друзей пригласить,
Чтоб с лаской в Герат Навои проводить.

На том дастархане нет яствам числа,
И сплошь золотая посуда была.

Весь цвет Самарканда — певцы и чтецы,
Изысканных блюд кулинары-творцы,

В тот вечер искусство свое превзошли,
Собравшимся радость они принесли.

Цветами весенними души горят,—
Беседу дарил им изящества сад.

А Х М А Д Х О Д Ж И Б Е К

Друзья счастье этого дня до конца
Сквозь жизнь пронесут, не растратив сердца.

Эмира зовет величавый Герат,
Возводит там здание славы, Герат.

В столице, где мира царит торжество,
Ждет Баходурхан с нетерпеньем его.

В своей государственной грамоте он
Эмиру луной озарил небосклон.

А слава поэта эпохи — и нас,
И весь Самарканд опьяняет сейчас.

Мы все с уважением прощаемся с ним,
В Герат провожая, поклон отдадим.

Пусть помнит эмир Самарканда народ,
Пусть вечер прощальный сквозь жизнь
пронесет.

Мелодии пусть до рассвета звучат,
Пусть о сокровенном они говорят.

От звона газелей творца самого,
От чуда поэзии дивной его,

Пусть море восторга весь мир захлестнет,
И в этом награду поэт обретет.

Пусть музыка Самарканди зазвенит,
Газели Джамшид Садои окрылит!..

Слова Ходжибека умолкли — и вот
Дар речи уже обрела «Муноджот».

И в душах горел ее огненный след,
И заново мир с ней рождался на свет.

И снова огнем танцовщица полна,
Мир нежности воспламенила она.

От песен хафиза зал грустно притих,
И плоть, и душа изнывали от них.

И вскоре не счесть опечаленных лиц,
Блеснули росинки на стрелах ресниц.

Забыться заставила всех «Муноджот»,
Весь мир болью песни прекрасной живет.

И голос хафиза, и саза напев
Заставили души застыть, онемев.

Как будто тутовник осыпался вдруг
Молчанием, что воцарилось вокруг.

К головы все наклонили свои,
Искали с волнением глаза Навои.

Хисров по седой бороде проводил,
Он счастья ему у аллаха молил.

И встал Абулайс, распрямляя свой стан,
Во славу поэта раскрыл он уста.

А Б У Л А Й С

Мы грамоте рады, мой сын дорогой!
Вас снова Герат возвышает горой.

К вам милость Султана пришла на порог,
Свечу доброты он в пути вам возжег.

Желанье мое исполняется, друг,
И в небо Герата взовьется мой туг¹.

Там, рядом с Мирзо, у кормила страны
Народа защитником стать вы должны.

¹ Туг — мусульманская хоругвь с бунчуком из хвоста яка и изображением полумесяца или растопыренных пяти пальцев.

Еще об одном скажу, Алишербек,
Совет мой пусть сердце запомнит навек:

Соль в доме попробовав — не забывай!
Поклоны потом сорок дней отдавай!

Народ наш, эмир, вас считает родным,
Жемчужины строк вам подарены им.

Земля эта — родина ваших отцов,
Святая святых и основа основ.

Судьба ее — белого хлопка белей,
И счастье навеки — как солнце, над ней.

Надеюсь, наш край посетите опять,
В Герате друзей будете вспоминать.

Н А В О И

Почтеннейшие, дорогие мои,
Заря улыбнулась судьбе Навои.

В Герате ждет друг задушевный меня,
Судьбой Хорасана мой путь осеня.

Мирзо глубоко почитаем душой,
Почет он в народе мне создал большой.

Учитель любимый! И в праздничный час,
И в горе всегда вспоминать буду вас.

Всей жизни моей вы великий угод,
Который высокий дворец создает.

Вас в этом дворце вспоминать буду я,
Священное имя в душе затая.

И эту страну, дедов край и отцов,
Как песню творит соловей для цветов,

Как души вверяют желанья стихам,
Всегда будет славить мой верный калам.

...Хвалу все спешили поэту воздать,
И в души хвалу ту вписать, как в тетрадь.

И снова запела хафизов струна,
Послушать их звезды пришли и луна.

Газели поэта даль слушала вновь,
И вновь Навои воспевал в них любовь:

«Влюбленный в разлуке с любимой грустит,
о друзья,
Увы, нет любимой, кто дом посетит, о друзья.

Сказали: любовь ты скрывай — не могу ее скрыть,
Что делать, пусть пери за это простит, о друзья.

Придумали — будто есть преданность, верность в
любви,
Ложь в клятвах кокеток, им верность претит,
о друзья.

К чему упрекать, что один я — была у меня
Красавица, дивная пери на вид, о друзья.

В разрушенном доме я слезы кровавые лью,
А вам встреча с милой в саду предстоит, о друзья.

Я пью потому, что я долго и тщетно искал
Такого, кто клятву на верность хранит, о друзья.

Миг встречи с любимой, о как надо им дорожить,
Любимой лишен Навои и грустит, о друзья».

И снова он мыслью одной обуян,
Что ждет с нетерпением его Хорасан.

Друзья окружили поэта толпой,
Его поздравляя с наставшей весной.

Не в силах с поэтом расстаться никак,
Желали и счастья, и всяческих благ.

Доволен поэт — звезды над головой
Ему Самарканд сыпал щедрой рукой.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Потянувшись, Самарканд вставал от сна,
В сердце города — цветущая весна.

Вешний воздух льется волнами тепла,
И душа народа от него светла.

Кладь дорожная уложена давно,
И заря глядит на Навои в окно.

И друзьями полн поэзии дворец,
Весь он светится от радостных сердец.

Уложил поэт «Зиджи Курагони»,
И диван он взял с баязом — здесь они,

И поэты, и ученые опять
Принимались с грамотою поздравлять.

• На весеннем солнце красками горя,
Красотой своей волнение дая,

Вечных памятников раздавался глас,
Все они прощались с Навои сёйчас.

Ветер кроны вековых чинар качал,
Словно посетить цветник поэта звал.

И потушила, прощаясь, звезда взор,
Опуская косы длинные в анхор.

У резных ворот дарвозабон¹ возник,
Неусыпно царство охранял старик.

Поспешил навстречу каравану он
И любовно отдал Навои поклон.

Спрыгнул Навои с горячего коня,
Перед стражем низко голову склоня,

Обнял ласково за плечи старика.
Молвил тот — дорога будет пусть легка!

И прощальная беседа полилась,
Как свеча, она в душе друзей зажглась.

Как Кухак весенний, волновалась грудь,
Со слезами друга проводили в путь.

¹ Д а р в о з а б о н — привратник.

Создавались, плод и радости, и мук,
Книги редкие упрятаны в сундук.

И когда была уложена вся кладь,
Он разлукой предстоящей стал страдать.

Нелегко оставить преданных друзей,
Но тянулся он в Герат душою всей.

И друзья, скрыв слезы горькие свои,
Золотое достоянье Навои

На верблюдов погрузили в тот же миг,
И тогда лишь хлынул горьких слез родник.

Белого коня подвел к нему Сугди,
Приготовился в дорогу Бадии.

Тронул скакуна поэт — прощай, приют,
Навсегда мое осталось сердце тут!

И друзья с ним рядом ехали толпой
До резных ворот, горящих бирюзой.

А за ними следом шел, грустя, народ, —
Кто теперь защитой станет от невзгод?!

Словно сель, у Регистана шумный люд,
Окружили, дальше ехать не дают.

Не забудьте нас! — терзались их сердца,
Возвращайтесь! — раздавалось без конца.

Половодье чувств, как половодье рек,
Ведь прощались в этот миг друзья навек.

Шел к Герату лучезарный караван,
Ждал его нетерпеливо Хорасан.

А друзья, что оставались там, вдали,
Болью, горечью разлуки изошли.

Обгоняя караван, скакал поэт,
Был в улыбку мир открывшийся одет.

Колокольчиков летел веселый звон,
Обнимал все сущее напевом он.

Счастья вестником мелодия была
И черту она дням ссылки подсла.

С сердцем Навои мелодия дружна,
Гимном верности звучала в нем она.

Та мелодия, в которой жил народ,
Освещающая путь, звала его вперед.

А в объятиях весны земля цвела,
Как поэма дневная она была.

И казалось, этот мир, что так хорош,
Со священной грамотою чем-то схож.

Райским зрелищем любясь, полный сил,
Через горы караван перевалил.

И отряд нукеров рядом с ним скакал,
До Джейхуна Навои он провожал.

И казалось, лучезарный караван
Был «Хамсы» бессмертным светом осиян.

На земле священной родилась «Хамса»,
И народу по душе прилась «Хамса».

Как ребенок, что покинул колыбель,
Шла шажками, в Хорасане видя цель.

А из Самарканда руки всех садов,
Струны всех кипящих бурно родников,

К Навои тянулись нежно через даль,
По поэзии его храня печаль.

А когда достиг Ургутских гор эмир,
Словно на ладони, весь открылся мир.

И хотя уже долин достиг поэт,
Самарканд ему глядел все так же вслед.

А поэт летел в гератские края,
И с пера уже лилась «Хилолия»:

«Лик солнца скрыл свою красу, лимон глядит с высот,
И принял форму круга вдруг огромный небосвод.

Хотя изяществом его любитесь любой,
Не всякий утонченность дум душой осознает.

Кто видит это, тот сравнит с ним согнутый мой
стан,
Или красавицы моей представит брови тот.

Кто этот царь, кого народ с мечтой о правде ждал,
Жемчужиной он должен быть, что выбрал сам
народ.

Звездой счастья стал Хусейн, а человек познав
Безбрежность неба — солнца лик песчинкою зовет.

Султан Хусейн не только шах, над сотней шахов
царь,
Его богатствам нет числа, в нем мощь земли живет.

Да не увидеть в шахе мне дервишества черты,
Пусть золотом сверкает трон, величия оплот.

Дервишем он среди шахов был, среди дервишей шах,
В нем — внешность шаха, а в душе дервишества
полет.

Пусть праздник радует тебя и новая луна,
И дело каждое тебе пусть праздник
принесет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Земли украшение — наш Самарканд,
Взлелеявший гения — наш Самарканд,

Я за Навои тебе славу пою
И гению музу свою отдаю.

Здесь каждый газели его распевал,
И каждый в них счастье свое отыскал.

Довольный, простер свою руку поэт
К счастливым потомкам над бездною лет.

Из глуби веков прозвучал его глас,
Дыханье его в грудь стучит мне сейчас.

Я свет Самарканда — в душе увидел,
Язык — на устах Андижана звучал.

В ночном Самарканде однажды его
Пленило далекой звезды колдовство.

Спросил я — в чем тайна, Вахид Абдулло,
На звездное небо взглянул он светло:

— Звезда Навои! — он ответил мне вмиг
И этим пророчески в тайну проник.

Душой я поверил в слова мудреца,
На эту звезду я глядел без конца.

С меня целых тысячу долгих ночей
Звезда Навои не сводила очей.

Глазам моим — свет ее бодрость дарил,
И в сердце горел он, когда я творил.

Так тысяча дней и ночей протекли,
В создание моем лучезарно цвели.

Двенадцать времен поменяли свой цвет, —
Душе Навои поклонялся поэт.

То дождик, то снег мне несли времена,
То лето палило, то грела весна.

То в черные тучи свод жизни одет,
То лайлатул кадром¹ одаривал свет.

Ночей этих тысяча светом жила,
Стихами ночей эта тысяча жгла.

В стихах — я был счастлив опять и опять,
В стихах — сокровенное смог передать.

Святую традицию нес я в крови,
Поэтому выбрал прием масневи.

¹ Л а й л а т у л к а д р — 27 ночь месяца рамазани, считающаяся священной.

Одиннадцать верных слогов я избрал,
В арузе, в бармаке себя выражал.

Желали мне предки удачи в делах,
Их души святые я славлю в стихах.

Душа Навои шла со мною всегда,
Стихи украшая, светила звезда.

В краю самаркандском святой человек,
Нашел он усладу и счастье навек.

Горит на священной земле его след,
Он памятью всех поколений воспет.

Следы — в тутиё я для глаз обратил,
Слова — в свет души, что не гас, обратил,

Его в бесконечных ночах воспевал,
Творя сорок песен, себя забывал.

Устодам поклон — за высокий порыв,
Потомкам вниманье — я памятью жив.

Горит в небесах Самарканда звезда,
С ней каждое слово сверяю всегда.

Кто в честь Навои в руки взял свой калам,
Тот мир создает — нет числа тем мирам.

Средь этих миров появился и мой,
Напев исполнял не одной я струной.

Жил страстью я — душу поэта познать,
Следы его всюду нашел я опять.

И Узбекистан мой следов этих нить,
Пока мир стоит, будет в сердце хранить.

И мир не держал бы в ладонях поэт,
Когда б Самаркандом он не был согрет.

Ему подарил гениальность народ,
Поэтому он — наш великий устод!

И если б Кухак не родил в нем «Хамсы»,
Клад мира лишился бы дивной красы.

О город священный, прими мой поклон,
Великий поэт был тобою возвращен.

И если б рукой ты моей не водил,
И если б слова мне свои не дарил,

Звезда Навои не взошла б надо мной
И в плен не взяла бы волшебной красой.

С тобою, отчизна, я создал свой сад,
И пусть этот сад будет счастьем богат.

Цвети, мой цветник, сад родной мой, цвети,
Пусть родину свет озаряет в пути.

И в жизни я высшее счастье найду,
Коль будут потомки гулять в том саду!

Самарканд — Ташкент
1977—1979

ДЕНЬ И НОЧЬ

Меня судьба, увы, измучила вконец,
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец.

БАБУР

* * *

Бабур — личность обаятельная, типичный правитель эпохи Возрождения, он был человеком мужественным и разумным, питал любовь к искусству и литературе, ценил жизнь и умел наслаждаться ею.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

ВСТУПЛЕНИЕ

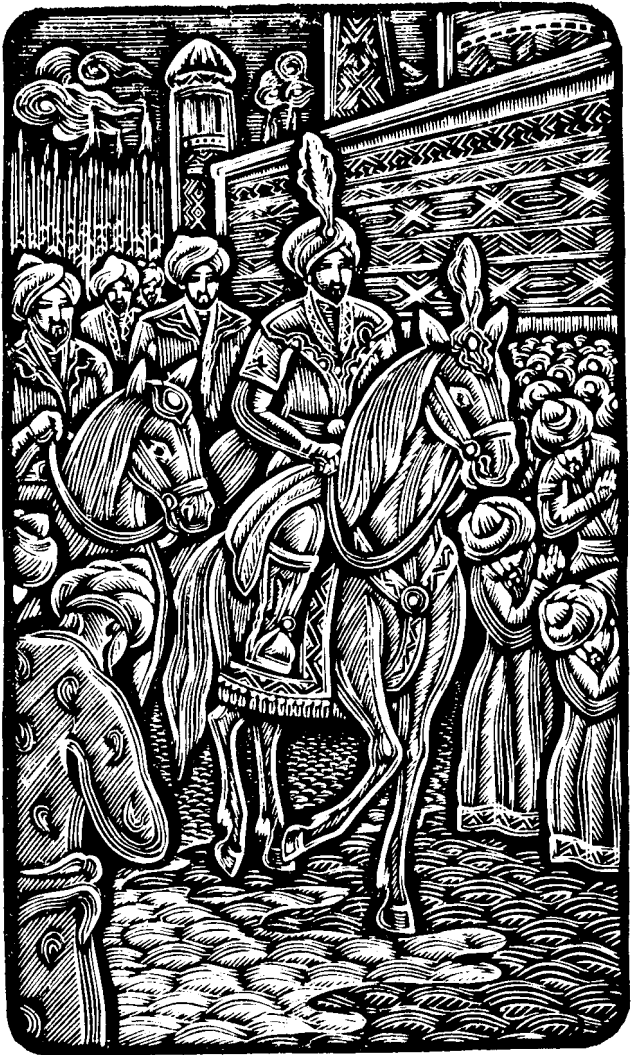
На андижанских улицах седых
Бабура тень витает надо мною.
Его диван раскрою — каждый стих
Откликнется мне скорбною струною.

Я слышу отзвук войн, борьбы за трон,
Царевича прощальное стенанье,
Когда смотрел в родное небо он,
Готовясь к предстоящему изгнанию.

Когда родной земли в последний раз
Коснулся он горячими губами.
И ясный свет в глазах поэта гас,
Когда в слезах прощался он с друзьями.

И в Андижане в памяти моей
Картина эта оживает снова.
И о событиях отдаленных дней
В душе восходит песенное слово.

Каков до Джамны от Сайхун был путь,
О сокровеннейшем в душе поэта,
О горестях, ему терзавших грудь,
Поведает, друзья, поэма эта.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

В изгнание караван едва бредет
Дорогой скорби в темноте кромешной.
Над лоном сумрачных сайхунских вод
Витают плач прощанья безутешный.

Река страдает, мечется, навзрыд
Стеная, извивается в тумане.
Расплавился бы даже и гранит
В клокочущем огне таких страданий.

Луна плывет тоскующим птенцом
В незримой колыбели небосвода.
И караван-баши на окоем
Глядит: скорей бы вспыхнул луч восхода!

И скорбен звезд пульсирующий свет
Над невеселою песчаной далью.
И сколько глаз изгнаннику вослед
Глядят с невыразимою печалью.

Навеки покидая край родной,
Уходит караван во тьму ночную.
От горести разлуки сам не свой,
Царевич проклиная долю злую.

И с жаром восклицает он:
«Веди,

Эй, караванщик, наш отряд скорее!
Такая боль у юноши в груди,
Что совладать ему непросто с нею.

Сайхун напоминает:

«Стой, поэт!

Тебе земля родная клеткой стала.
Но разве меньше самых горьких бед
За долгие века я испытала?

Ты хочешь их узнать?

Раскрой тетрадь —

Дневник моей безрадостной судьбины.
А может быть, не стоит уступать
Врагам, тебя изгнавшим на чужбину?

Не поспешил ли ты?

Дай им ответ —

И поступи с врагами как с врагами!»
Но этих слов не слушает поэт,
Молчит он, стиснув голову руками.

Останься он —

И полыхнет опять

Огонь интриг кровавых и сражений.
Нет, лучше одному ему страдать,
Чем обрекать весь город на мученья.

«Прощай, Сайхун,

Беда язвит мне грудь,—

Царевич молвил,—

Свидимся ли снова?

Смогу ли я еще когда-нибудь

Твоей воды отведать родниковой?

Подать кувшин!..

Сладка твоя вода!

Певучи волны, как дутара струны!
Эй, факельщик, иди с огнем сюда!
В последний раз взгляну на лик Сайхуна.

Прощай, прощай!» —
И горестный поэт
Отъехал, слез горючих не скрывая.
В его глазах померк весь белый свет,
И воцарилась в сердце тьма ночная.

На черном скакуне несчастный сын,
Покинув все — отцовскую могилу,
Сады, хоромы, —
По тропе кручин
В безвестное торит маршрут унылый.

И факел, как прощальная звезда,
Бабура, потерявшего корону,
Безжалостно ведет невесть куда
Из-под шатра родного небосклона.

II

Ночь Самарканда...
Тусклый свет луны
Чуть виден в тучах...
В темное одеты
И смутною тревогою полны
Дворец и вековые минареты.

С Афрасиаба в сумрак городской
Три всадника глядят настороженно.
Взволнован город в этот час ночной,
Слышны то клики гневные, то стоны.

То там, то здесь, невидимы во мгле,
Перекликаясь, возникают люди.

И речи гаснут искрами в золе,
Неуловимы, словно капли ртути.

Три всадника в доспехах боевых,
Как три бесстрашных беркута, суровы.
Дай им приказ —
На штурм светил ночных
Они пойти бестрепетно готовы.

Величественный дремлет Гур-Эмир,
Печаль над сном Биби-Ханым курится.
Владыка, в ужас приводивший мир,
Обжив аршин земли, лежит в гробнице.

Не зная, что затеял враг набег,
И чуждый всем земным страстям и бедам,
В сырой земле великий Улугбек,
Обрел покой навеки рядом с дедом.

Стенают купола Шах-и-зинда,
Не умолкает сабель звон над ними.
Проклятый Шайбани пришел сюда
С отрядами свирепыми своими.

Гул боя словно похоронный звон,
Звучит для конных.
Думать нестерпимо,
Что может быть их город покорен.
Нет, отстоять его необходимо!

Но где взять силы?
В пламени боев
Изнемогает, задыхаясь, город.
Защитников — пособником врагов —
Три месяца уже терзает голод.

Во многие дома вошел разлад.
Из-за лепешки вспыхивают склоки.
Отказывает в хлебе брату брат.
Смерть сторожит любого на пороге.

Взывают к богу матери: «Детей
Спаси, а нас хоть рви на части!»
Так где же для защиты взять людей,
Чтоб отстоять свой город от напасти?

Донельзя обессилевший отряд
Пока что кенигийские ворота
Удерживает. Но в строю солдат
Все меньше.
Жди печального исхода!

Кусты давно обглоданы скотом.
На корм коням идут листва и прутья
Тутовника.
В любой заглянешь дом —
До дна все силы исчерпали люди.

Не может быть, чтоб победило зло!
Необходима скорая подмога!
И всадники вздыхают тяжело,
В кулак зажала их сердца тревога.

Один из них — Бабур.
В двенадцать лет
Надел корону он.
А в девятнадцать,
Сейчас ему бы жить, не зная бед,
Своей порой весенней наслаждаться.

Могуч, отменно скроен, ладно сшит,
Лицом он бел, во взоре ум и пламя,

Чекмень, в который был одет джигит,
Прекрасными сработан мастерами.

На поясе — наследие отца,
Прославленный клинок победоносный.
Бабур молчит.

Черты его лица
В минуту эту затвердели грозно.

Суров на город устремленный взгляд.
Мучительные мысли у поэта:
Что будет, если вдруг не устоят!
Они и враг отпразднует победу?!

Конечно, знают недруги о том,
Как достается нынче горожанам,
О том, что беспощадно каждый дом.
Проклятый голод захлестнул арканом.

И в правом гневе был поэт готов
Немедленно, пришпорив аргамака,
Один с Афрасиаба на врагов
В отчаянную ринулся атаку!..

На белом скакуне был Каланбек.
Ходжа — вонитель смелый и искусный.
Бабура сверстник, гордый человек,
Голодный город озирает он грустно.

На сивом скакуне Канбар Али.
Отважнее бойца, надежней друга
Наверняка найти бы не смогли
Вы, даже если б обошли округу.

Бабур сказал соратникам:
«Друзья,

Изнемогла душа смотреть на беды
Народа. Больше их терпеть нельзя.
У вас прошу нелегкого совета.

Единственное сделать я могу
Для города — скорей его пределы
Оставить».

«Можно ль трон отдать врагу?
Печальное замыслили вы дело».

«Я выходу такому сам не рад.
Но горожан спасти от смерти надо».
«Пошлем к Мирзо посланника в Герат.
Пусть он поможет нам прорвать осаду».

«Да, но пока придет на помощь рать,
Безмерные лишения и невзгоды
Претерпевать и стойко воевать
При этом будет надобно народу.

А в городе уже сейчас едой
И падаль стала.
Но другое страшно
Вдвойне: пусты арыки.
Как с водой
Решать вопрос?
Бессильны мы пред жаждой».

Растерянно молчит Ходжа Калац,
В глазах его кошмарная картина:
Священный попирает Регистан
Свирепой вражьей конницы лавина.

Перенести такое силы нет.
Где выход?

Щелка узкая хотя бы!..
И держат три соратника совет
На сумрачном холме Афрасиаба.

...Для Самарканда наступили дни
Безмерных бед, когда под стены града
Надменный и лукавый Шайбани
Привел свои несметные отряды.

Уверовав в счастливый знак судьбы,
Потребовал себе, спесиво хмурясь,
Тимура трон.
Религии столпы
На сторону его переметнулись.

Султан Али¹, когда узнал о том,
Отдал пришельцу саблю царской власти,
Трусливо порешив, что под крылом.
У Шайбани переживет напасти.

Так, бывший устрашением полземли,
Трон пешкой стал
В руках врага нечистых.
А никому не нужного Али
Убили втихомолку ночью мгlistой.

Тогда улемов городских совет
Призвал Бабур в город осажденный.
Тускнели звезды, розовый рассвет
Затеплился по краю небосклона.

Вступил через ворота Феруза
Царевич в Самарканд с немалою свитой.
И вздрогнули от кликов небеса,
От гомона ночная тишь разбита.

¹ Правитель Самарканда.

Скорей, скорей, пока растерян враг,
Как луч сквозь мглу
Рассветного тумана,
Отряд, в таранный собранный кулак,
Спеша повел Бабур к Тепакургану.

Ночная стража мигом сметена.
Мерцают копья и горят кинжалы.
И вражья кровь, обильна и темна,
Пятнает стены крепостного вала.

Бабур, неустрашим, неукротим,
С победоносной саблей в гуще схватки.
Сник Шайбани, как будто стал больным,
Его душа ушла от страха в пятки.

К нему пробился с саблей наголо
Калан, но Шайбани не принял боя,
Взобрался торопливо на седло
И резвого коня огрел камчою.

Покинув в трудный час свои войска,
Позорно убежал он с поля брани.
Бабур узнал про своего врага,
Что тот обосновался в Туркестане.

Приветствовал ликующий народ
Спасителя воителя Бабура.
И верилось, не будет небосвод
Над городом затянут тучей хмурой.

Но быстро пролетели счастья дни.
И весть пришла, что зализавший раны,
Собравший снова войско Шайбани
Идет на Самарканд из Туркестана,

Вновь застонал от горестей народ.
Правитель юный наравне со всеми
Неслыханных печалей и невзгод
Влачит, страдая всей душою, бремя.

...Остановили всадники коней
В молчанье у дворцового порога.
Все больше угнетает, все сильней
Их неизбежность подчиниться року.

Задумчивый Бабур, не торопясь,
Дворцовые оглядывает залы.
Неповторимо хитроумна вязь,
Что щедро изукрасила порталы.

Прочитывает он в бессчетный раз
Вплетенные в узор слова корана.
И вспомнил вдруг неизгладимый час
Он первого свидания с желанной.

И как забыть весну в Боги Ором¹,
Где он услышал вдохновенья зовы,
Где стройно запечатлевал пером
Рожденное в глубинах сердца слово.

Где на глазах преобразился сад
И словно сразу стал красивей вдвое,
Когда Бабур, в глубь сада кинув взгляд,
Красавицу увидел пред собою.

У розового пышного куста
Явилась изумленному поэту
Сама в поре цветенья Красота
В атласном платье радужного цвета.

¹ Сад Благоденствий.

Как сорок лент, струились по спине
До самых пят, чуть колыхаясь, косы.
И в цветнике, в духмяной тишине,
К ней, словно бы к сестре, тянулись розы.

И потрясенный прошептал поэт:
«Ответьте, пери, кто вы и откуда?
Скажите, сон я вижу или нет?
Сражен я вами, неземное чудо!»

«Наверно, вы сместесь надо мной.
Но легче покарить страну любую,
Чем овладеть единою душой».
«Войска? Чтоб душу покорить людскую?»

Я знаю, что глаза — вот верный ключ
От крепости, которой сердце имя.
Когда глаз помянут — словно луч
Укавывает путь к вратам твердыни».

«О, вы непревзойденный мастер слов.
Попробуйте же крепость взять словами.
Да, не бывает розы без шипов,
Умейте не пораниться шипами».

«Вы — лучший из цветов, шипы — враги.
Я — садовод, который за цветами
Ухаживает...
Если б цветники
Любви я мог выращивать словами!»

«Любовь?
Не надо говорить о ней.
Вам суждено идти дорогой ратной.
Вот роза.
Что прелестней и нежней?
А знаете, как жизнь ее превратна?»

Ох, как непросто победить в бою,
А сердце покорить — того труднее.
И от любви, которую пою,
Любовь — одна на свете панацея.

Скажите, пери, правда или нет,
Что вы родная дочь Мирзо Султана?
«Как вы узнали?»
«Это мой секрет.
Но мучить вас загадками не стану.

Рассказывала мне Султан-бегим¹⁾
О вас с такою нежностью, так часто,
Что много дней желанием томим
Я повстречаться с девушкой прекрасной.

Теперь, когда сбылась моя мечта,
Я вижу, что права молва людская —
И не случайно ваша красота
Уже легендой стала в нашем крае.

Я полюбил вас». —
«Боже, силы нет
Выслушивать признание. Пощадите!»
«Поговорю с Мирзо, его ответ
Узнаете вы очень скоро. Ждите!

...Его душа витает в небесах.
Но, заслоня мысли о подруге
Тьмой тьмуцей,
У него стоят в глазах
Народа нескончаемые муки.

¹⁾ Бабушка Бабура.

Бабур призвал сподвижников своих:
«Пусть жерновами буду я размолот,
В разлуке, но страшнее бед моих,
Что подданных в могилу сводит голод.

Я покидаю город...

Сохрани,

Аллах, мой Самарканд неповторимый...»
В тот миг пришло посланье Шайбани.
И с ним Бабур отправился к любимой.

«Навеки уезжаю, Масума.

Враги сильней меня.

При виде бедствий

Народа, чувствую, схожу с ума,

Кровавыми слезами плачет сердце».

«Что будет с нами —

С вами и со мной?»

«Не будет мне от недруга пощады.

Уеду — пусть хлебну недоли злой,

Зато избавлю город от осады».

«Но, может быть, поможет нам Герат?»

«У Байкары и так забот по горло.

В народе смута.

Сам он был бы рад

Любой подмоге в час для царства черный.

И он отправил к Шайбани посла

Заверить в дружбе.

Ежели султана

Хусейна робость пред врагом взяла,

О помощи звать я тщетно стану.

Коль город осажден, гласит молва,—

Чтоб выстоять в условиях печальных,

Ему необходима голова —
Умелый, волевой военачальник.

И две руки — подмога с двух сторон.
И две ноги — обширные запасы
Воды и пищи...
Враг, увы, силен.
А моего аллах не слышит гласа.

Ни с чем вернулись все до одного
Мои послы.
Нет, не свершилось чудо.
И мне не остается ничего
Иного, как скорей бежать отсюда».

«Но город окружен со всех сторон».
«Но Шайбани не одержал победы.
И перемирие предлагает он,
Конечно, если я потом уеду».

«В какую даль направите коня?
Вам в Андижан заказана дорога».
«Не знаю сам пока, куда меня,
Изгнанника, закинет воля бога.

Но где бы ни обрел приют, тотчас
Пришлю гонцов, любовь моя, за вами.
Я буду ждать.
Поверьте, дни без вас
Мне долгими покажутся годами...»

«Сама тоскуя, утешай меня, счастливо оставаться.
Любимая, не забывай меня, счастливо оставаться.
Здесь унижение и стыд познал я в полной мере,
Но ты — ты не скорби, любовь моя, счастливо
оставаться!»¹.

¹ Здесь и далее — цитаты из произведений Бабура.

Царевич от возлюбленной своей
Ушел, встал на колени перед троном;
Простился с ним и вышел из дверей
Дворца, вздохнув, к родным и
приближенным.

Ему коня нукеры подвели.
Бабур с прощальным обратился словом
К войскам:
«Держались мы, пока могли.
Никто не оробел в бою суровом.

Спасибо вам за все.
И нет вины
Ни капли вашей, гордые батыры,
В том, что покинуть город мы должны.
Для Самарканда я желаю мира.

В дорогу!
Больше мешкать нам пельзя.
Не знаю, где смогу я свить гнездовье.
Пора!..
Прощайте, верные друзья!
Я вас от сердца отрываю с кровью!..»

И мимо регистанских куполов,
Прощально посмотрев на минареты,
Отряд из самых преданных бойцов
Повел Бабур
Искать судьбу по свету.

И Масума печально из окна
В слезах вслед любимому смотрела.
Была бы вольной птицею она,
На край земли за милым полетела!

Когда б могла, косою подмела
Дороги, где ему идти придется.
Она бы кровь по капле отдала,
Чтоб на его пути сверкало солнце.

Слезами затуманены глаза.
Все! Явью стала страшная разлука...

Им суждено —
Скажите, небеса! —
Когда-нибудь увидеть
Вновь друг друга?!

III

Враг круто изменил его судьбу.
Неужто принцу век теперь скитаться?
Он рысака направил на трону,
Что уходила в сторону афганцев.

Джейхун, шия змеею, преграждал
Дорогу для двухсот усталых конных.
Река вздымала разъяренный вал,
Стремясь сгубить джигитов закаленных.

Но все же переправился отряд.
На отчий берег с берега чужого
Устало кинув невеселый взгляд,
Отметили начало жизни новой.

Афган, на много вотчин небольших
Раздробленный, открылся перед ними.
Иные беки привечали их.
Пришлось клинком поговорить с другими.

Бабур не обращал селенья в прах.
И крепости не превращал в руины,

Не сеял страх и ненависть в сердцах,
Вытаптывая житные равнины.

От распрей беков,
Их кинжальных склок,
Что приносили краю лишь недолю,
Народ устал.
И тем полнее мог
Ценить Бабура дружескую волю.

И добрая молва быстрее гонцов
Стремглав летела перед ним по краю,
Могучих и умелых храбрцов
К царевичу на службу привлекая.

А сам Бабур, забыв покой и сон,
Вел на Кабул отряд нетерпеливо,
Где, из последних сил держась за трон,
В ту пору правил Мукимбек трусливый.

Послал царевич царственных послов¹
К Мукиму:
«Сдайте крепость мне без боя,
Я честно гарантировать готов,
Что город не подвергнется разбою.

Я вам вручаю власть над Юрт-тепа,
Возьмите приближенных и богатство.
Подумайте, какая ждет судьба,
Народ, коль вы проявите упрямство».

От гнева чуть не застонал Муким.
Но знал, что он не разобьет ютряды.

¹ Насыр Мирзо и Джахонгир Мирзо — младшие братья Бабура.

Царевича.

А как поступят с ним?

Проявят к побежденному пощаду?

«Назад царевич слово не возьмет,
Обрушив на меня огонь позора?
Не будет ли несчастный мой народ
Подвержен угнетению и разору?»

«Мы все сказали, что велели нам.
Теперь решайте сами.
Выбор ясен».
И Мукимбек, прижав ладонь к глазам,
Промолвил еле слышно:
«Я согласен...»

Перед дорогой в дальний Юрт-тепа
Мукиму дали ровно день на сборы.
Поверженного грустная тропа
В изгнание повела по уговору.

И Бадахшан и сильная Газна
Сдались на милость юного героя.
И вскоре вся афганская страна
Признала власть Бабура над собою.

Едва прошла военная пора
И приутихли ратные тревоги,
Настал черед бумаги и пера,
Рождаться стали пламенные строки.

IV

Нес по Кабулу принца вороной.
Сияло солнце на златом кинжале.
Нукеры, следом двигаясь гурьбой,
Царевичу хвалу провозглашали.

Но слышал и другие голоса
Бабур душой, исполненной тревоги.
Сады зывали: «Дайте, небеса,
Дожди! Умираем мы на солнцепеке!»

Печален голос страждущей земли:
«Поля твердеют каменно от зноя.
По ликам их морщины пролегли,
От жажды погибает все живое».

Бабур в раздумье тягостном вздохнул:
«Что стоят все мои благие планы
В красавец город превратить Кабул,
Когда земля едва не бездыханна!

Как справиться с бедой?»
И в этот миг
Пред ним предстал
Со взором воспаленным,
Одетый бедно горестный старик
И обратился с вежливым поклоном:

«Я с просьбою к тебе, светило дня.
Позволь мне, шах, свои поведать беды,
Но обещай, что не предашь меня
Зинданскому мучителю за это».

«Не бойтесь, атахан.
Не тронет тать.
Какая угнетает вас забота?
Я обещаю помощь оказать,
Коль вам помочь в несчастье может кто-то».

«Тебя благодарят и стар и млад
За то, что чтишь законы.
От Мукима,

Посеявшего смуту и разлад:
В стране, страдали люди нестерпимо.

От нас в Герат давно бежали все,
Чьи помыслы обращены к науке.
А ты открыл в Кабуле медресе,
Завоевав почтение в округе.

Великий этот город дорог мне.
Здесь прадедов священные могилы.
Я счастья не искал в чужой стране,
Хотя порою было все постыло.

Здесь прозябал я семь десятков лет,
Не накопив богатства никакого.
Но прочь уехать —
Даже в мыслях нет.
Здесь буду до конца пути земного.

Я постигал науки от души,
Не чужд я поэтическому чуду.
Шах, мударрисом стать мне разреши,
И вечно за тебя молиться буду!»

У шаха лаской заискрился взгляд.
Он поклонился старику глубоко:
«Вас видеть в медресе я буду рад.
Для всех открыта к знаниям дорога».

«Опять торит дорогу и опять
Тот к медресе, кто хочет больше знать.
Учить других я жажду и учиться.
Ученые — я, но где ученых взять?»

Прохожие пораскрывали рты,
За редкостною наблюдая сценой.

С Бабуром про народные мечты
Повел беседу старец дерзновенный:

«Сейчас уже я немощен и стар.
А повидал всего в года былые.
Сей мир напоминает мне базар:
Одни приходят, прочь идут другие.

Народ афганский видел много зла.
Людей свои же беки предавали.
Заря над нами черная взошла,
Суля нам только муки да печали.

Когда к Кабулу ты пошел, поэт,
Воспрянули мы с радостью великой.
Дай бог тебе счастливых долгих лет.
Да будет острым твой калам, владыка!

Поэт народу сердце отдает.
А если нет,
Пусть ждет расплаты грозной:
Отступника с проклятием народ
Предаст забвенью рано или поздно».

V

Горит в дворцовой комнате свеча.
Сгорая от любви неутолимой,
Поэт газель слагает.
Горяча
Строка — печаль,
Строка — письмо любимой.

«Языком пера глубины сердца открываю.
И пишу тебе, в разлуке мучась и мечтая,
Что тебе слова признанья говорю в глаза я.
Но я здесь, а ты далёко. Как мне быть — не
знаю».

Поэт стоит, кручинясь, у окна.
А над Кабулом в голубом сиянье,
Притягивая взор, плывет луна.
И ярких звезд таинственно мерцанье.

Бабура околдовывает ночь,
Несбыточной мечтою искушая.
Всё хорошо, но не уходит прочь
Тоска и манит сторона родная.

Он понимает, что в его мечтах
Немало боли и немного толку.
Стоит перед окном печальный шах,
В безмолвный город всматриваясь долго.

Но вот иной в душе зажегся свет
При виде городских кварталов сонных.
И срочно призывает на совет
Бабур своих ближайших приближенных.

На зов его немедленно пришли,
С немым вопросом на Бабура глядя,
Баки Чагаены, Султанкули
И младшие его родные братья.

За ними входит сумрачный Муким.
Прошла пора, когда Бабура после
Изгнанья он считал врагом своим,
Задумывая всяческие козни.

Смирился пред судьбой в конце концов
И, подавив свою обиду, скоро
Сказал Бабуру, что служить готов
Царевичу, и стал ему опорой.

Его к себе приблизил шахиншах,
Своею сделал правою рукою...

И вот с недоумением в глазах
Пришел на зов он в царские покои.

Бабур задал вопрос неожиданный им
О помощи Кабулу неотложной,
Чтоб город стал красивым.

И Муким

Задумчиво ответил:

«Это сложно.

Высокими горами окружен
Кабул.

Один родник богат водою.

А сколько было беков — все на трон
Посматривали с жадною тоскою.

Клинок людскою кровью обагрив,
Стремился каждый к власти над соседом.
И было им не до садов и нив.
Стране афганцев был покой неведом».

И Джахангир Мирзо с улыбкой внес
Простое предложенье:

«Очень важно

Подать пример.

Тогда решим вопрос.

Пусть саженец из нас посадит каждый».

Насыр охотно поддержал:

«А что,

Прав Джахангир.

И ежели мы сами

Пример покажем, не рискнет никто

Тотчас же не последовать за нами».

Понравился Бабуру их совет:

«Пусть садом расцветет Кабул великий.

Мой трон не вечен.
Мы покинем свет —
Останутся дома, сады, арыки.

И если этот благородный труд
Свершим, в благоустроенной округе
Нас с вами добрым словом помянут
В неведомом грядущем наши внуки.

Работа эта сдружит племена,
Что ныне смотрят друг на друга косо.
Иначе неделимая страна
Рассыплется, подобно горстке проса.

Когда в арыках забурлит вода,
Забудет край о жажде безутешной.
Из Самарканда яблони сюда
Доставим, а из Бухары — черешни.

На склонах гор, как звезды на земле,
Зажгутся андижанские гранаты.
Чтоб положить конец извечной мгле
Вражды, таким трудом заняться надо».

«Будь славен, шахиншах! —
Сказал Муким. —
Народ поддержит ваши начинанья».
Все счастливы.
Уже, казалось им,
Идет работа преобразованья.

Полет мечты сдержать Бабур не мог
И написал, взволнованный грядущим:
«Кабул сегодня жалок и убог,
Но завтра станет городом цветущим».

VI

Бесспорно, город скоро расцветет.
Но кто развеять может хлад осенний
И заново цветник души вернет
К чудесным дням весеннего цветенья?

И словно в яркой клетке соловей,
Поет поэт мелодию разлуки.
Кто жизнь в него вдохнет?
Где чудодей,
Что сможет исцелить его недуги?

«Летите, ветры, в сторону родную,
В мой Андижап, что в сердце берегу я.
Друзьям скажите: на чужбине гасну,
По ним в разлуке горестной тоскую».

Прожить без милой можно много лет.
Но без Отчизны — нет в душе восхода,
Земля тверда, чужих созвездий свет.
На куполе чужого небосвода.

Рукой не дотянуться до звезды.
В такие же немислимые дали
Мои неисполнимые мечты
Из ночи в ночь меня с собою звали.

Но я прекрасно знаю, что они
Мою пытались приглушить кручину,
Былые в сердце воскрешая дни,
Манящего минувшего картину.

Неужто мне из края в край брести,
Перелетать с вершины на вершину,
Как беркут, — зная многие пути,
Всегда дороги избегать единой?

«Дороги, что на Родину ведет.
Дороги, что всех прочих мне милее.
Скажите, мудрый Навои, устод,
Как совладать мне с горестью моею?»

«Изгнанник на печали обречен.
Извечно в розу соловей влюблен.
Но в клетке золотой на этот дивный
Цветок, как на колючку, смотрит он».

«Мне кажется, сегодня обо мне
Провидчески вы написали это.
Но что же сделать, коль в родной стране
Таким, как я, беднякам места нету!»

И словно бы повеяло сюда
В ответ из Хорасана дуновение.
Казалось, Алишер раскрыл уста,
Даруя принцу чашу утешенья:

«Два полюса — владыка и поэт.
Весов две чаши ищут равновесья.
Ты правишь суд, воюешь с тьмою бед.
Равно нужны твои закон и песня.

Не слышит жизнь твой горемычный стон.
Идет своим путем.
И срок конечный
Имеет самый славный, прочный трон,
Зато стихи — шедевры слова — вечны».

В поклоне замер перед Навои
Царевич опечаленный, устоду
Негромко повествуя про свои
Душевные горючие невзгоды:

«Эмир Тимур счет потерял боям,
Гигантскую державу создавая.
Она сегодня расползлась по швам.
Зашла в тупик моя тропа прямая.»

Как ни старался я, создать не мог'
Большое государство в междуречье¹.
Да, в Самарканде правил малый срок,
Недолго там мои горели свечи.

В одной руке клинок, в другой перо.
Кровь проливал я и писал газели.
Старался приумножить я добро,
Но побороть меня враги сумели.

Учитель, как мне дальше жить?
С таким
Вопросом я склоняюсь перед вами.
Желаю счастья подданным своим,
Хочу, чтоб стали пустоши садами.

И нету мне отрады без стихов.
Поэзия — мой яркий луч рассветный».
«Ты клад обрел, где много жемчугов
И прочих драгоценностей несметно.

И чем щедрее будешь тратить клад,
Тем станешь сам богаче и мудрее.
Народ воспримет, словно воду сад,
Твой стих и песней сделает своею.

Но прежде, чем тебя услышит мир,
Упорней, чем солдат в бою суровом,
И терпеливее, чем ювелир,
Трудиться должно над певучим словом...»

¹ Между Джайхун и Сайхун.

И тихо отступила в темноту
Тень Алишера.
На душе туманно,
Смотрел Бабур на дальнюю звезду
И слушал, как поют ветра Афгана.

VII

В ночи шумит осенний листопад.
И струн души касаясь осторожно,
Стенают ветры, и в ветвях звучат¹
Напевы одиноко и тревожно.

Течет, незримым полымем горя,
Исполненная грусти безысходной.
Мятущаяся древняя «Гирья»¹,
Не песня — долгий стон души народной.

И даже ночь ручьями слезы льет,
И длится мрак ночных переживаний.
И не встает медлительный восход,
И от звезды Венеры нет посланий.

Витает эта музыка в саду.
И делится Бабур своим недугом,
Рассказывая скорбно про беду,
С бумагой — верным неразлучным другом.

Безмолвно плачет тонкая свеча,
Колеблется свечением неярким.
Льнет к сердцу ночь бездонная, шепча,
Что даже искра ей была б подарком.

Нахмурено высокое чело,
На сердце по-осеннему туманно,

¹ «Гирья» — старинная мелодия.

Бабур читал, вздыхая тяжело,
Стих поминальный —
Строки из корана.

Лишившись рано матери родной,
Все горести сиротства испытавший,
Молился он в ночи за упокой
Ее души, до времени угасшей.

Предал он на исходе мухаррам¹
Земле, горюя, прах ее бесценный.
О матери тоска по всем путям
Шла за Бабуром тенью неперенной.

На дивном горном склоне Улугбек
Великолепный сад создал когда-то.
Теперь Кутлу Нигар-ханум навек
Уснула под узорной сенью сада.

В который раз возникли перед ним
Те черные прощальные мгновенья,
Когда Бабур и кукалташ Касым,
Рыдая, завершали погребенье.

Вокруг свечи густеет темнота,
И кажется, из тьмы, как из былого,
Со сломанными крыльями мечта
Царевичу подсказывает слово.

И это слово жарче всех огней.
Останется сокрытое в нем пламя,
Не угасая под ветрами дней,
Тревожить поколения веками...

¹ Мухаррам — название первого месяца мусульманского лунного года.

Осознаем, как дорог край родной
И круг друзей, мы в горести стократно.
Пускай чужбина будет золотой,
В душе тоска:
Домой бы, в путь обратный.

Но в отчий край заказаны пути.
Не может сын, как велено обрядом,
Прах матери своей перенести —
Похоронить с отцовским прахом рядом.

Терзает сердце долгий стон «Гирьи».
Глядит Бабур на свечку безугешно.
Гори, свеча, разлучная, гори,
Мани на пламя мотыльков надежды.

Пересекла падучая звезда
Тьму в заоконье и вдали погасла.
Ведет пером царевича беда,
Бабур страдает, а газель прекрасна...

VIII

Изгнал всех тимуридов Шайбани,
Надевший самаркандскую корону.
И в Хорасан отправились они,
Склонившись перед силой обреченно.

Роняла слезы Масума-бегим,
Прощально на великий город глядя.
Хорош Герат, раскрывший двери им,
Но ей покоя нету и в Герате.

И полетел в Герат, узнав о зле,
Царевич, не жалея вороного.

И тимуриды в Джуйи Инджиле,
Собрались встретить гостя дорогого.

И грустного Хусейна Байкара
Поблекли очи в горестной дороге.
И униженья острые ветра
Морщинами его покрыли щеки.

И пепельною сделалась чалма
От пыли и золы троны в изгнание,
Ослабевала в сердце жизнь сама,
Гаяя властолюбивые мечтанья.

Его надежд гранитная гора
Раздроблена на крошечные камни:
Усталый и согбенный Байкара
Сжимает посох слабыми руками.

Но был он величав, как луч зари
Закатной, грозно рдеющей гранатом.
Лихие сыновья — богатыри
С задумчивым отцом стояли рядом.

Дай только знак —
И в бой с врагом любим,
Коней пришпорив, ринутся отважно.
Но, юным, невдомек пока что им
Печали, что гнетут отца их страшно.

Ослабла хорасанская страна,
Хусейну долго бывшая опорой.
И он теперь в руках Мадж-и-джинна
Игрушка, что безжалостней позора.

И на дорогу он глядит сейчас,
Бабура ждет с надеждою единой,

Чтобы царевич горделивый спас
От унижения его седины.

Волнуется: Бабуру быть пора!
Всклубилась пыль.
Да, едет. Наконец-то!..
Обрадованно старый Байкара
Прижал поэта к горестному сердцу.

И глянули пытливо — взгляд во взгляд.
И оба, не сказав слова приветя,
Почувствовали остро, стар и млад,
И сладкий мед и горечь встречи этой.

«Рыдал от горя весь мой Хорасан,
К погосту Алишера провожая».
«Уходит в ночь,
В заоблачный туман,
Закончив путь земной, душа людская.

И царства канут в вековую тьму
Былого, как песок на дне колодца.
Но вечен Алишер!
Светить ему
Во все века земле, подобно солнцу!»

«Благодарю, Мирзо!
Ведь как поэт
И вы для всех являетесь примером.
Сейчас уже по праву белый свяг
Вас называет новым Алишером.

Вы посох мне вручили, шахиншах.
Когда вы с нами, можно не бояться
Врага любого».
«Позабудьте страх.
Пред Шайбани не дрогнут хорасанцы».

«Отрадно слушать вас.
Как нам нужна
Отважная уверенность такая!
Спасем страну — и наши имена,
Мирзо, восславит сторона родная!»

...Направились цари в дворцовый сад.
Кругом родные, радостные лица.
И Масума, потупив яркий взгляд,
Зарделась словно мак, встречая принца.

Душевные слова произнесла,
Откинула покров кисейной шали
С высокого и чистого чела,
И факелами очи засверкали.

«Эй, пери с животворными устами.
Молил судьбу я — сжалилась цад нами,
Она: мы вместе. Подойди ко мне,
Иль в море кинь, где смокну под волнами».

«Как, Масума, жилось вам без меня?;
Мое в разлуке не забыли имя?»
«Разлука душу жгла сильней огня.
Жизнь, что ни день, была невыносимей».

«Я потому и поспешил в Герат,
Что верил: наконец-то вас увижу».
«Я ехала в Герат, как в райский сад,
Из-за того, что он к Кабулу ближе».

«Да сбудется давнишняя мечта!
В Кабул отсюда мы поедем вместе».
«Мой милый!»
«Путеводная звезда!»
«Я об иной и не мечтала чести».

IX

Хорош Герат, когда грядет восход.
Пробуждены рассветными лучами,
Сады сияют.
Ветерок поет,
Скользя над изразцовыми домами.

Как бы делась прекрасною мечтой
И похвалы ответно принимая,
Всплывает солнце, вея теплотой
И лаской нежной, над холмами края.

Со светлую печалью Унсия¹
Минувшие припоминает годы,
Расслышав в песнопеньях соловья
Торжественные Алишеру оды.

В раздумьях об учителе своем,
Внимая откровеньям соловьиным,
Глядит царевич с нежностью кругом,
И места нет сейчас в душе кручинам.

Пред ним великоленная «Хамса»,
Источник вечный мудрости и света.
И ищут, ищут с жадностью глаза
Вокруг приметы бытия поэта.

Уж двадцать дней —
Как двадцать светлых лет
Глазами Навои на мир окрестный
Глядит Бабур.
Событиям вослед
Он смотрит, вспоминая день чудесный.

¹ У н с и я — помещение, где жил и творил Бабур.

...Трон самаркандский.
В розовом дыму
Жизнь: верные друзья, стихи, нукеры.
В тот день послы приподнесли ему
С подарками посланье Алишера.

Казалось, солнце осветило дом
Посланье из далекого Герата,
Звездой сияло на небе почном,
Мелодией звучало в сердце свято.

Не так хотел бы посетить приют
Учителя, великого поэта.
Судьба превратна.
И Бабуру тут
Той радости, давнишней, нынче нету.

Бабур немало видел городов,
Бедой гонимый по тропе покатоЙ.
И каждому теперь сказать готов:
Нет города прекраснее Герата.

Гробницу Навои он посетил.
Мечеть Джамии его пленила ярой
Красою. Он усладу ощутил
В садах Баги Сафид и Джаханаро.

С родными встреча радости полна.
На этом для души уставшей тое
Отведал в жизни в первый раз вина,
Забыв на миг печальное былое.

Ему дарила высшее добро
Тень Алишера, для Бабура дверцу,
Открывшая в бессмертный Назм-Оро¹,
Где мудрость утешала муку сердца.

¹ Сад поэзии.

Пока Бабур прочитывал дастан
 Покоя, счастья, мудрости великой,
 В Кабуле хитроумный Мирзахан
 Затеял вероломную интригу.

Трон захватил, явившись во дворец,
 Провозгласил себя навеки шахом.
 И эту весть понес в Герат гонец,
 Гонимый нетерпением и страхом.

Прослышав об измене, на рысях
 Повел царевич свой отряд к столице.
 То увязали всадники в снегах,
 То горы перемахивали птицей.

Костры на склонах сумрачной Манор
 Дыханьем жарким их отогревали.
 А четверо — смелы как на подбор —
 Джигитов верных впереди скакали.

Сайид Касым и Шеркули Мугул,
 Султан Ахмад, Канбар Али — герои,
 Они ворвались, словно смерч, в Кабул,
 И во дворце вскипело пламя боя.

Подался в бегство Мирзахан тайком.
 Пал Шеркули от сабли Мухаммада¹.
 Бабур вскричал: «В погоню за врагом!
 Жизнь или смерть! Рубите без пощады!»

Звенят клинки.
 Со всех сторон стрельба.

¹ Мухаммад Хусайн — нукер Мирзахана, муж тети Бабура — Хуб Нигор-ханум.

Признали заговорщики трусливо:
«Наверно, изменила нам судьба»,—
И стали разбежаться торопливо.

Где Мирзахан?
Ответом — тишина.
Зачинщика укрыла тьма ночная.
Дуст Сарипул направил скакуна
На принца, саблей гибкою играя.

«Хай, Дуст, хай, Дуст!»—
Вскричал Юсуф Ахмад.
А враг занес клинок над головою
Царевича, но был мгновенно смят
И крепко связан войлочной змеею.

Весь сад обыскан.
Мирзахана нет.
И Мухаммад Хусайн бежал от мести.
Бабур пошел к буви¹.
Померк весь свет
В глазах буви от горя и бесчестья.

Стенала в голос Шах Султан-бегим:
«О Мирзахан, мой внук, мой внук
бесчестный!

Жжет сердце мне позор.
Что делать с ним,
Как жить с позором буду,— неизвестно».

«Вот Мухаммад, убивший Шергали»,—
Хусайна подвели к подножью трона.
Просил Бабура пленник¹.
«Не вели
Казнить меня!»—
И плача бил поклоны.

¹ Бабушка Бабура.

В Каргабулаке смог Ахмад Касым
Настигнуть Мирзахана. Еле-еле
Держался тот, покуда вместе с ним,
Скакал Касым к кабульской цитадели.

И сгорбился, введенный в тронный зал.

Бабур сказал:

«Иди сюда. Ну, здравствуй!»

Шаг сделал Мирзахан и вдруг упал,

И встать не в силах был беглец злосчастный.

Царевич молвил:

«Подкрепись вином».

И посадил его с собою рядом.

А заговорщик посмотрел кругом

С тоской, решив, что дали чашу с ядом.

Тогда отпил глоток царевич сам,

Сказав: «Освобожу тебя от плена.

Отправишься отсюда в Хорасан.

Ведь ты родня мне,

Хоть и трус презренный».

Хусайна, пощадив, отправил с ним...

А тут как раз навруз — весенний праздник.

И в Гулбахор поехал принц, томим

Желаньем отдохнуть в гуляньях праздных.

«Степь по весне красною осиянна.

Перенимают свет очей тюльпаны.

Сердца людские жарче степи вешней

По красоте томятся неустанно».

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Для тимуридов наступил закат.
Их армия могучая разбита.
И Шайбани поработил Герат.
И в панике бежали тимуриды.

В руины дивный город обращен.
И чашу униженья и разбоя
Испил Герат, захваченный в полон.
Народ стenal под вражеской пятою.

II

Родных и близких скорбный караван,
Отмеченный печатью черной рока,
Пришел дорогой горести в Афган,
И вместе с ним в Кабул вползла тревога.

Враг силою превосходил пока.
Внушая ужас, продолжала литься
Людская кровь с преступного клинка,
Которым Шайбани менял границы.

Одна другой зловещей и мрачней
Шли новости к кабульской цитадели.
Бабур грустил.
Менялся мир быстрее,
Чем он напишет две строки газели.

Почувствовав сгущающийся мрак,
Его перо утрачивало силу.
Тогда поэт отправился в Чарбак,
Чтоб снова сердце радость ощутило.

Наигрывая сладостный «Чоргох»¹,
В густой аллее напевает кто-то.
А в сердце принца кровянел сполох,
Безмерной неминуемой невзгоды.

В глазах поэта молнии горят.
И словно слышит он клинков бряцанье
И шаг врагов, отторгнувших Герат,
Ликующих в прекрасном Хорасане.

Надежды тают, словно бы роса.
Растет сомненье в сердце: неужели
Допустят и помогут небеса
Успехам Шайбани в неправом деле?

Поэт взывает к звездам и луне:
«Краса — луна, высокие созвездья!
Так это или нет,— скажите мне.
Откликнетесь пророческою вестью!

Вам ведомы события всех эпох.
Что будет с нами,—
Отзовитесь знаком!»
Молчанье.
Стихла дивная «Чоргох»
Безмолвна мгла над сумрачным Чарбаком.

Погасли звезды и зашла луна
За облако.
Холодный мглой тревожа,
Казалось, уплотнилась тишина,
Легла на плечи принца тяжелой ношей.

¹ Название одной из узбекских классических мелодий.

Тогда Бабур
Тимура тень призвал:
«О властелин суровый, из могилы
Восстань — увидишь: Шайбани, шакал,
Привел в твой край безжалостную силу.

Спишь вечным сном.
А в этот самый миг
Гроза настигла молнией кровавой
Потомков и наследников твоих,
Дробя на части грозную державу.

Погублен Улугбек, любимец твой.
Народ, ведомый им к высотам знанья,
Надел, рыдая, траур.
Грянул бой
За трон, ведя державу к угасанью.

По швам расползся славный Хорасан.
По Самарканду враг прошел победно,
Залив невинной кровью Регистан.
А нынче пал оплот страны последний.

Основанной тобой державы нет!
Восстань, Тимур,
Могучею десницей
Наследникам своим в минуту бед
Дай силу, помоги унять убийцу!»

Прислушался Бабур.
Вдали угас
В бездонной мгле его призыв бесследно.
И вдруг Бабур услышал внятный глас,
Печальный, словно ветер предрассветный:

• Известно всей земле, кто я таков.
Я много стран поставил на колени.
Сквозь пласт земли,
Сквозь плотный пласт годов
Я слышу, что душа твоя в смятенье.

Два полюса людского бытия —
Рождение и смерть.
И жизнь любая —
Путь между ними.
Ту дорогу я
Прошел, большую жатву собирая.

И памятник в честь царства своего.
Воздвиг я в Самарканде, чтобы вечно
Могли потомки, увидав его,
Иметь пример работы безупречной.

Задумал много,
Мало что успел
В явь претворить,
Вся жизнь — поход суровый...
Но как своих наследников удел,
Я изменю — из глубины былого?!»

И голос в отдалении заглох.
Задумчивый Бабур бродил по саду.
И снова скорбно зазвучал «Чоргох»,
Как отдаленный шепот водопада...

III

Немало поувяло цветников,
Немало новых расцвело весной.
Закрыв глаза усталых стариков,
Жизнь продолжает племя молодое.

И жизни неизбывная река
Бежит под небесами вечно в дали.
Все то же солнце, те же облака,
Все та же жизнь, все те же в ней печали.

По-прежнему над сонмами цветов
Печалются и торжествуют птицы.
По-прежнему царевич в ткань стихов
Движения души в плести стремится.

Бегут однообразной чередой
Стремительные дни его в работе.
А утешенья нет...
Глядит с тоской
Вдаль, узником мечтая о свободе.

Да, двадцать лет от Родины вдали —
Как двадцать ран глубоких в сердце принца.
Народу милой, но чужой земли
Он двадцать лет уже помочь стремится.

А сам все время жил мечтой одной:
Как в Самарканд он входит на рассвете,
Торопится на встречу с Ферганой...
И так — все долгое двадцатилетье.

Покинув Самарканд, сказав «Прощай!»
Его садам, дворцам и Регистану,
Попал Бабур в суровый горный край,
Где осенила мысль его неожиданно:

Чтоб трудные события записать —
Победы гимны, поражений слезы,—
Завел Бабур особую тетрадь —
Ее страницы скалы и утесы.

Задуманные строки вырубал
Поэт на камне с тщаньем ювелира.
(И памятные плиты этих скал
Хранятся до сих пор в музеях мира.)

Его надежды обратились в прах.
И без надежд в афганские пределы
Пришел он.
Жизнь его, как челн в волнах
Реки разлуки, сумрачно летела.

Хоть в сад царевич обратил Кабул,
Поэт ни капли не обрел покоя.
Он под осенний заунывный гул
Дождя страдал, что разлучен с весною.

Желаний неисполненных полна,
Душа его об Индии мечтала.
Не раз он к ней стремился, но она
Его пока что гордо отторгала.

И в Индию задумал он опять
Идти, собрав большой отряд, походом.
Раскрыл поэт заветную тетрадь
И повторил газель перед восходом:

*Час пробил; уйду я, и покуда
Сил хватит мне, вперед идти я буду.

Я не хочу, чтоб увидали люди
Растерянным меня — на перепутье.

Я изнемог, и нету больше мочи
Смотреть в людские бедственные очи.

Кто я, — быть может, ото всех скрывая,
Найду ли где-нибудь приют, — не знаю.

Не спрашивай меня, как это вышло,
Что ухожу... Так повелел всевышний».

IV

И вот Бабур подал сигнал: «Вперед!»
Одной десятитысячной колонной
Нукеры дружно двинулись в поход,
Подвигнутые волей непреклонной.

Казалось бы, для действия воспрял
Бабур, отринув от души сомненья.
Отряд взошел на снежный перевал,
Повергнув в трепет встречные селенья.

С предгорий устремился на восток
Все на пути сметающий преграды
Многоголосый грозовой поток,
Бурлящий, словно воды водопада,

Выносливы нукеры и сильны.
Скажи — звезду достанут с небосклона.
Походами они закалены,
В сраженьях, словно копья, непреклонны.

Не в первый раз возглавивший войска,
Ходжа Калан зовет вперед — к победе!
Гордись, Бабур, отрядом!
Но тоска
Недремано безумствует в поэте.

Не может позабыть, как он хлебнул
На родине измен лихую чашу.
Ища покоя, вынужден Кабул
Оставить —

И от дома дальше, дальше!..

Вовеки не увидит Фергану,
Скитаться обреченный до кончины,
Хранит он в сердце отчую страну,
А ест все время горький хлеб чужбины.

Закованные в вечные снега
И тучи гиндукушские высоты
Остались позади.
Спешат войска.
Кашмир пред ними распахнул ворота.

В Пенджабе краткий отдых — и опять
Вперед неудержимо, как лавина.
Посмотришь — горизонта не видать!—
Цветущие индийские долины.

V

За тихим полем брани — Панипат.
Прорезалась полоска зоревая,
К сраженью изготовившись, стоят
Нукеры, слову вещему внимаю.

Бабур подробно объясняет им
Секрет «Тулгама»¹.—
Ключ к победам ратным.
Всплывает солнце шаром золотым
Над молчаливым полем неоглядным.

Бабур отдал приказ:
«Тимур Султан
Пойдет направо, слева, кромкой леса,—
Халиф и Мирзабек Турхон. Туман
Укроет вас широкою завесой.

¹ Способ ведения боя Бабуrom.

Ходжа Калан и Мухаммад Али'
Ударят в лоб со всею силой грозной.
Когда 'Лули'¹ поймет, что обвели
Его, кольцо замкнется,— будет поздно».

К царю отправил Бабуршах посла:
«Пусть сдастся, если хочет жить, без боя.
И цитадель останется цела,
И уцелеют люди от разбоя».

Лули прогнал посла, крича вослед:
«Я вашу банду по ветру развею.
Скажи, что встретит завтрашний рассвет
Бабур в тюрьме с веревкою на шее».

Бабура оскорбил такой отказ,
И он промолвил, к бою призывая:
«Войск у Султана больше в десять раз,
В строю сто тысяч человек, я знаю.

Но знаю также: это войско — сброд.
И все почти что в бой идут впервые.
Нелегкого сражения исход
Зависит лишь от вас, мои родные.

Прошу, друзья, вас: не рискуйте зря.
Жизнь коротка.
Вы дороги мне — каждый.
И знайте: от жестокости царя
Народ индийский мучается страшно.

Забыл о чести Ибрахим Султан.
Где он,— бегут кровавые потоки.
Он, некогда тиранивший Афган,
Из своего народа тянет соки.

¹ Султан Ибрахим Лули — царь Индии.

Преподадим жестокому урок
Бесстрашия и боевой науки.
Вперед, друзья!
Да будет с нами бог,
Избавим край от нестерпимой муки».

Стремительно примчался верховой:
«Враг надвигается, подобно смерчу!»
Бабур вздохнул и указал рукой,
Своим нукерам — двинуться навстречу.

Камчи коней стремительных ожгли.
«Яху!» — разнесся клич победоносный.
Повел Бабур нукеров на Лули,
Шепча: «Аллах, дай силы в схватке грозной!»

Под небосвод взметнулись крик и вой,
Враг наступает мощными волнами,
Как будто Ганг разлился грозовой
И мчится разъяренными валами.

Идут тяжеловесные слоны,
Белесыми клубами пыль вздымая,
В которых сабель высверки видны.
Мгновенье — и польется кровь людская.

Лули целует саблю, говоря:
«Да сохранишь мне жизнь в бою жестоком!»
Вознес ее.
И резкий глас царя
Взметнулся над густым людским потоком:

«Жизнь или смерть!
Друзья, смелее в бой!
Пощады нет разбойникам-пришельцам!

Смелее! Край родимый за спиной.
Мы Индию своим прикроем сердцем!

Я обещаю тысячу динар
За голову бандита Бабуршаха.
Вперед! Да пусть заставит ваш удар
Проклятого врага трястись от страха!»

Слоны трубили, хоботы воздев,
Раскрыв широко розовые пасти...
На ярость — ярость,
Гнев пошел на гнев.
Кому победа, а кому несчастье.

Калан несется вихрем на врага,
Отважных увлекая за собою.
Взметнулась пыль.
Казалось, облака
Накрыли все большое поле боя.

Бабур дал знак —
И с ближнего холма
Извергли пушки бешеное пламя.
Враг чуть от страха не сошел с ума,
Оторопел и вспять потек волнами.

Не знали пушек в армии Лули.
Наткнувшись на неведомую силу,
Враги на пятках крылья обрели
И мчались прочь,—
И это их губило.

Нацеленным и яростным клинкам
Бойцов Бабура показали спину.
Гремели пушки.
Всюду стон и гам.
Тела врагов устлали всю равнину.

А тут еще ударили с боков
В засаде часа ждавшие джигиты.
Лули от злости плакать был готов.
Полармин его уже разбито.

Застлало пыльным вихрем небосвод.
Бьют пушки, сея смерть и страх ужасный.
Как беркут мчится Хумоюн вперед,
Размахивая саблюю алмазной.

На голове сверкает шлем стальной,
Щитом надежным грудь его закрыта.
И в пекло боя аргамак лихой
Несет стремглав бесстрашного джигита.

И будто бы попав в порочный круг,
Лули себя в губительной пучине
Почувствовал.
Так мечется паук,
Увязший в им сплетенной паутине.

И наблюдал печальный Панипат,
Как два завоевателя на поле
Нелегкой брани,
Встретясь взгляд во взгляд,
Друг друга сокрушительно бороли.

Индийская земля, твоя вина
В одном: на воле гангского простора!
Обосновалась вечная весна,
Завистливые привлекая взоры.

Хозяевами солнечной земли
Свободно жили вольные индийцы.
Но армию привел сюда Лули
И превратил богатый край в темницу.

Бабур пришел развеять этот мрак
И сокрушить несправедную силу.
Не ведая пока,
Кто друг, кто враг,—
За лютой схваткой Индия следила.

Все ещё длился беспощадный бой,
Бежали крови бешеные реки.
Султан Лули смотрел с такой тоской,
Как будто землю покидал навеки.

Была картина страшная пред ним:
Огнем дышали пушки, как драконы,
Змеился в небеса зловеющий дым,
Повсюду крики ужаса и стоны.

Крушили все и вся вокруг слоны...
Войска Лули, увидев, что сражаться
Бессмысленно — они окружены,
В плен тысячами начали сдаваться.

Султан Лули на поле боя пал.
Сражение закончилось к обеду.
С ликующею вестью прискакал
Гонец к Бабуру:
«Шехиншах, победа!»

Как только отгремел победный гром,
Бабур велел поход продолжить властно.
И, Агру с Дели отомкнув клинком,
Невиданное основал он царство.

VI

Хотя бы мимолетный ветерок!
Вся Агра задыхается от зноя.

Великой Джамны медленный поток
Не в силах сладить с этой духотой.

Почти не видно в городе садов.
Все ненадолго расцветает ярко
Весной, но вскорости от цветников
Пыль остается.
И полгода — жарко.

И все-таки Бабур определил
Седую Агру быть его столицей.
И строил планы, не жалея сил,
Что Агра скоро в сад преобразится.

Немало было у него идей,
Как это сделать.
Но пришли понуро
Однажды верных несколько друзей
Со словом расставания к Бабуру:

«Хотим вернуться в солнечный Афган.
Нас извела кручина по Кабулу».
Не ожидал подобного Султан,
В его глазах растерянность мелькнула.

«Да как же так?
Вы шли со мною в бой.
Я был отважен вашею отвагой.
И не могу, друзья мои, душой.
Одобрить вами избранного шага.

Большого государства только что
Все вместе заложили мы основу.
Кто помогать без вас мне будет? Кто?
Кому скажу я дружеское слово?

В Кабуле пожалеете не раз
Вы о решении этом.
Что ж, Султану
Просить не должно.
Отпускаю вас,
Держать друзей насильно я не стану.

Но знайте: кто уедет — навсегда.
Пусть кажутся мои слова жестоки,
Запомните: уехавшим — сюда
Уже навек заказаны дороги».

В молчанье беки слушали его.
Как поступить им? — размышляли хмуро.
Кабул зовет, но как же одного
В нелегкий час оставить здесь Бабура?

Где выход? Где он?
Да и есть ли он?
Военачальник и поэт прекрасный,
Ходжа Калан, донельзя удручен,
Промолвил:
«Упрекаете напрасно».

Почти полжизни я провел в боях.
И думаю, что воевал умело, —
Не раз об этом вы сказали, шах.
Теперь тоска по родине заела.

Кровь проливал я и стихи писал,
Нигде и никогда не знал покоя.
И если я сейчас затосковал,
Мне трудно самому с такой тоскою.

Хоть в Андижан попасть не суждено,
В Кабул ветра доносят ароматы

Его садов.
Уеду все равно,
Пускай бы здесь сулили горы злата.

По-доброму простимся.
В трудный час
(Пусть не наступит он!)
Сюда оттуда
Примчусь я мигом, чтоб ободрить вас.
Знак только дайте —
Вскоре здесь я буду!

Бабуру слушать друга тяжело.
Сверкнули слезы на его ресницах.
Он думал грустно: что произошло?
Соратник верный, а уйти стремится.

Ходжа Калан — бесстрашия пример,
Талантливый военачальник мудрый.
С ним даже малоопытный нукер
Справляется с задачей самой трудной.

В походах был он выше всех похвал.
Но в Агре стало не узнать Калана:,
Рассеян, грустен, словно заплутал
В необозримой полосе тумана.

В душе Ходжи, хоть факел зажигай,
Темно и только манит издалека,
Как звездочка, зовет родимый край,
И было б друга удержать жестоко!

«Ну что ж, — Бабур невесело вздохнул. —
Наверно, такова аллаха воля.
Я отдаю Газни вам и Кабул,
Чтоб вы ни в чем не ведали недоли».

«Да будет, шах, удача вам во всем!
Мой путь далек.
Хотя для дружбы, знаю,
Любое расстояние нипочем,
С нелегким сердцем вас я покидаю».

Простились со слезами на глазах.
Сердца обоих бились беспокойно.
И поспешил с отрядом на рысях
В Кабул Ходжа Калан из Агры знойной.

Бабур еще смотрел ему вослед,
Когда слуга сказал, что на прощанье
Калан в своем дворце оставил бейт.
Расстроенный Бабур прочел посланье:

«Позор мне,
если сердце загрустит
По Индии,
едва пройду я Спид».

Чувствительней вдвойне удар такой
Бабуру показался, что искусно
Был нанесен он дружеской рукой.
И рубан сложил царевич грустно:

«Бабур, хвали аллаха непрестанно
За честь быть в Индии благоуханной.
Кому здесь жарко, пусть спешит в Газни,—
Так встретится с суровостью неожиданной».

VII

Покинутый Ходжа Каланом шах
Искал от одиночества спасенья,
В нелегких созидательских трудах
Для сердца находя успокоенье.

Предательский удар нанес Калан
Отъездом, а сказать точнее — бегством.
Бабура этот подкосил обман.
И только труд
Спасительным был средством.

В бою повергнув Рано Санго в прах,
Бабур призвал индийских полководцев:
«Всевышней волей я над вами шах.
Да будет всем отныне мир под солнцем.

Мы разной веры,
Ну и что ж с того?
Край разорен.
Довольно крови литься!
Я притеснять не стану никого.
Пусть снова радость обретут индийцы.

Нельзя ль у Джамны отобрать воды,
Прорыв к полям канавы и каналы,
Чтоб жаждущие ожили сады
И нива от жары не погибала?

Как душно в Агре!
Тени вовсе нет
Ни в Диболнуре, ни в старинном Дели.
И вас призвал я, чтоб держать совет,
Как эти планы претворить на деле.

Но действовать должны мы сообща.
Объединим усилия!
Если будем
Трудиться мы, согласия ища,
Помочь сумеем бедствующим людям».

Радж Сингх сказал!

«Порадовали вы

Нас речью.

Благородны ваши планы.

Кто только к нам ни шел с мечом,— увы,

Лишь разоряли родину тираны.

А вас поддержит с радостью народ,

Увидев: вы радуете о мире.

Чтоб справиться с такой горой работ,

Вам из индийцев надобны визири».

Бабур ответил, что согласен он.

Тогда сказал Аманд, мудрец известный:

«Пусть будет Шайхора¹. ...Он смел, умен:

Советник добросовестный и честный.

Еще хотел порекомендовать

Я Кришнана из Дели.

Как пять пальцев,

Он Индию всю знает. Помогать

Он будет — не придется сокрушаться».

И поддержали все до одного

«Их как людей, достойных этой чести.

Бабур им возле трона своего

Быть повелел:

«Работать будем вместе».

И знаки власти возложил на них:

«Мои визири, мне, друзья, отныне

Улучшить бытие людей простых

Поможете советами своими».

¹ Ш а й х о р а — философ и знаменитый ученый Индии.

Над полноводной Джамной в полный рост
Встает творенье первоклассных зодчих.
Небес высоких днем, и ярких звезд
Касается оно главою ночью.

• Нукеры в ножны кинули мечи,
Тесали камни, нанося узоры,
Умело формовали кирпичи
И изразцы изготовляли споро.

Индиец, перс, афганец и узбек
Плечом к плечу работали с охотой.
И не один дивиться будут век
Потомки результатам их работы.

Бабур на стройку приезжал не раз
И с Мир Зафаром, зодчим из Герата,
Встречался, сокрушаясь: «Вид у вас
Усталый очень. Отдохнуть вам надо.

Я думаю, что вам в «Хилватхана»¹
Поехать стоит.

Мастер, отдохните!»

«Нет, шахиншах, работа мне нужна.

Во мне задора больше, чем в джигите!»

«Пусть, Мир Зафар, вам да поможет бог.
Дворец дворцом, но не забыть должны вы
О медресе».

«Закончим точно в срок.

Строители работают радиво».

¹Сад, выращенный под руководством Бабура.

«Навруз¹ не станет ждать, и нет ему
До наших тягот дела никакого».
«Оставшееся время потому
Стараемся использовать толково».

«Народ прибудет изо всех краев.
Приедут люди из Джайпура, Дели.
Прошу вас, проследите, чтобы кров
Над голозой приезжие имели.

Любой ценою надобно скорей
Для них открыть гостиницу и баню.
Коль нужно, я еще пришлю людей,
Но подготовьтесь к празднику заранее».

«Все будет хорошо, мой шахиншах,
Строительство закончим мы ко сроку».
«Спасибо, мастер.
Пусть во всех делах
Вас осенит благоволенье бога...»

И мастера, забыв покой и сон,
Трудились рьяно рук не покладая.
Узоры заплетали вдоль колонн,
Расписывали стены, украшая.

На радость многочисленных гостей
Бросали тень густые кроны сада,
Из глубины беседок из камней,
От хаузов на них текла прохлада.

И, зодчих прославляя имена,
Дивились гости зданьям, словно диву.
Краса, какой не ведала страна,
Дарила людям светлый миг счастливый.

¹ Праздник весеннего равноденствия.

Назвали дивный уголок «Кабул»
И каждый, кто хоть раз на сказку эту —
На сказку рукотворную взглянул,
Считал: вот где восьмое чудо света!

Увидеть восьмигранные пруды
И цветники, которых нет чудесней,
Узреть неповторимые сады,
Пронизанные соловьиной песней,

В великолепный сад Боги Ором,
Из Хорасана, дальнего Китая
И Бадахшана, словно маяком
Надежды привлеченные, считая

За честь служить Бабуру, шли сюда
Поэты, музыканты, живописцы.
И были здесь обласканы всегда
Цари пера, дутара или кисти.

IX

На солнце золотые купола
Дворцовые сияют нестерпимо.
Резная вязь колонны оплела,
И роспись потолков неповторима.

Тенистый сад.
Нарядны и нестры
Подушки на суне и одеяла.
Прекрасная пора мушоиры —
Поэтов состязания настала.

Читают Хандамир и Фариги
Певучие, чеканные дастаны.
А мысли их отсюда далеки —
В пределах дорогого Хорасана.

Их под защиту Индия взяла...
Чалма у Хандамира серебриста.
Хоть борода его как снег бела,
Глаза пытливы, юны и лучисты.

К нему была неласкова судьба.
Могли бы про немалые кручины
Поведать поперек крутого лба
Пролегшие глубокие морщины.

Завидно образован и умен,
Историк, он распутывал секреты
Былого и во глубине времен
Искал на злободневное ответы.

Науке посвятив себя всего,
Суд над минувшим
Учреждал он правый.
А Шайбани преследовал его,
Грозя неукоснительной расправой.

И Хорасан покинул Хандамир.
Лишь у Бабура сердцем утомленным
Вновь ощутил поэт покой и мир,
Необходимый для труда ученым.

Визирь Бабура мудрый Шайхора
Следил за состязаньем с наслажденьем.
Понравилась ему мушоира
Накалом чувств
И мыслей напряженьем.

«Бабур, бесчисленно испытал я бед,
В душе моей живого места нет.
Терпение иссякло, безнадежно
Который год смотрю на белый свет...—

Так Хандамир оплакивал свой путь,
Обиды вновь и вновь переживая.—
Подсчитывал ли в мире кто-нибудь,
Как может быть тяжка судьба людская!»

К Бабуру тихо подошел слуга.

«В чем дело?»

«Просит женщина приема

У вас».

«Что нужно ей?»

«Наверняка

Пришла с бедою».

«Это нам знакомо...

Введи ее!»

Индука через миг

К Бабуру с низким подошла поклоном.

«Шах, пощади троих сирот моих!»—

Она взмолилась с видом отрешенным.

«А где супруг твой?»

«На беду мою

Е исходу панипатского сраженья,

Он был убит, осиротив семью.

И нету мне с тремя детьми спасенья!»

Поникла обессиленно вдова,

Промолвив обреченно:

«Лучше плаха,

Чем жизнь такая!..»

И ее слова,

Как молния, сразили падишаха.

Холодным потом залило чело,

В глазах сверкнуло сожаленья пламя.

Задумался, вздыхая тяжело,

Шах над былыми ратными путями:

«Немало я избородил степей,
Одолевал крутые перевалы,
Разил врагов,
Терял своих друзей.
От скольких бед душа моя стенала!

Повелевал неумолимый рок
Вести мне бесконечные походы.
И я иначе поступить не мог.
Поймут ли это вдовы и сироты?

Кто им вернет супругов и отцов?
Кто или что утешит их в недоле?»
Бабур призвал старательных писцов
И сообщил им царственную волю:

«Визири людям объявить должны,
Что войны я навеки прекращаю,
Отныне нужды мирные страны
Во всех вопросах главными считаю.

Помочь вдове несчастной из казны
Необходимым без задержек надо...»
Слезами благодарности полны
Глаза бедняги.

«Шах, да будет свято
Твое,— шептала,— имя.
Многих лет
Тебе удачи»,—
И ушла с поклоном.
Бабур печально ей смотрел вослед
И повторял:
«Да будет мир — законом!»

Всего невыносимее, друзья,
 Разлуки боль:
 Ей исцеленья нету.
 Бессонно жертву мучает, грозя
 До срока сжить несчастного со свету.

В тоске безмерной по родной земле
 Изгнанника душа всегда в печали,
 В необоримой прозябает мгле
 И грезятся ей отческие дали.

Так исходил тоскою Бабуршах,
 Страданья сердца изливал стихами,
 Как соловей, горюющий в ночах
 Над зноем иссушенными цветами.

Не только дух страдает, но и плоть.
 Так тяжко было — опускались руки.
 И где взять силы, чтобы побороть,
 Сдавившие тисками грудь недуги!

Лишь вдохновенью, только лишь ему
 Дано утешить горести поэта,
 Страдающей души развеять тьму.
 Перо скользит,
 Как луч целебный света:

«В глазах горючей боли пелена,
 В душе огонь. Судьба моя больна.
 Мой день темней любой ненастной ночи.
 Нет никогда покоя мне и сна».

Был неотлучно Хумаюн при нем,
 Отца всемерно поддержать стараясь.
 И Масуса-бегим, как о больном,
 Заботилась, в душе скрывая жалость.

Гонцом оповещенные, Хиндал
И Камране приехали поспешно.
С мольбою к небу Хандамир взывал,
Скорбя о падишахе безутешно.

Читали шейхи Зан и Юсуфи
Коран, ища в нем,
Как помочь владыке.
Друзья дела забросили свои.
И пребывали в горести великой.

Страдает всемогущий падишах,
И силы духа у него ослабли.
Смотрел потухшим взором: на стенах,
Отцовский шлем, отцовский щит и сабля.

Глядит на них, а в сердце чередой
Видения плывут пережитого.
И недовольство горестной судьбой
Не стоном, гнетом насыщает слово:

«Рождает память о прошедших днях
В душе огонь и слезы на глазах.

Взывал я к небу: почему жесток
Всю жизнь меня преследующий рок?

Узнал я столько горемычных дней,
Как будто бы прошел сквозь семь смертей.

Коль недостойн жить я,— что тянуть?—
Прерви земной, безрадостный мой путь.

...Когда взошел я на отцовский трон,
Не думал, что на муки обречен.

Шесть тронов за шесть месяцев всего
Я покори́л. Победа? Торжество?

Да! Часто говорят, что я велик
Но я-то знаю: цели не достиг.

Казалось бы, пришла пора пиров,
Пора забыть печаль былых годов.

Увы, теперь я понял: никогда
Со мною не расстанется беда.

Все есть: почет, соратники и трон.
Но радости душевной я лишен.

За что такая участь мне дана?
Кем для меня начертана она?

Как быть, где избавления искать?
Неужто мне покоя не узнать?..»

Бабура превозносит Бадахшан,
Газна, Афган и Индия. Но только
От мысли, что остался Андижан
В руках врагов, ему на сердце горько.

Страдает шахиншах. По Фергане
Его тоска — недуг неизлечимый.
Когда б он мог, к родимой стороне
Пошел бы — хоть в лохмотьях пилигрима.

Войти бы гостем в андижанский сад,
Полюбоваться красотой Нарына,
Сорвать в Куве сочащийся гранат —
Тогда бы мог он одолеть кручину!

«Бесценной жизни сокращают срок
Разлуки скорбь и пути расстояний.
О если б только выразить я мог
Соль слез моих и боль в словах посланий!»

И в летний зной в тени Боги Ором
 Маняща и живительна прохлада.
 Журчат фонтаны звонким серебром,
 Рассказывая древние баллады.

Бабур сидит за низеньким столом,
 Упорно бьется над строкой газели.
 Колеблемые зыбким ветерком
 Над хаузом соцветья шелестели.

Следил поэт, как пламенный восход
 Овладевал безмерным небосклоном,
 Когда степенный старец-садовод
 Посмел к нему приблизиться с поклоном.

«Случилось что-нибудь?»
 «К вам на прием
 Влюбленные пришли. Необычайно
 Взволнованы».
 «Узнал ты, дело в чем?»
 «Сказали: только вам откроют тайну».

«Зови! Возможно, успокою их»,—
 И улыбнулся мягко и открыто.
 И через миг привел к нему старик
 Красавицу и юного джигита.

«Рассказывайте, что вас привело.
 Пришли б вы из-за пустяка едва ли».
 Вдохнул джигит влюбленный тяжело
 И о своей повел рассказ печали:

«Хотя в афганском я рожден краю,
 Мне Индия второй Отчизной стала.

Здесь я нашел судьбу, любовь мою,
Покой с той поры душа не знала.

Я беден, но беда моя не в том:
С подобным горем совладать сумею.
Беда — что я влюбился в Гуландом,
Дочь властного индийца-богатея.

Различие в религиях стеной
До самой смерти встало между нами*.
Бабур у индианки молодой
Спросил, взволнован этими словами:

«Скажи мне, Гуландом: правдив джигит?»
И девушка ответила, краснея:
«Да, шахиншах, он правду говорит.
Отец глумится над душой моею,

Мы с милым разной веры. Потому
Отец считает: не бывать нам вместе.
Шах, снизойдите к чувству моему,
Не дайте восторжествовать бесчестью!»

Сочувствуя влюбленным, шахиншах
Им улыбнулся, не тая волненья:
«Когда горит огонь любви в сердцах,
Гасить его — пред богом преступленье.

Любовь не смотрит, беден ли, богат.
И ей различье в вере не помеха.
Доверьтесь мне.
Помочь вам буду рад.
И мы добьемся сообща успеха».

«Великий шахиншах, спасибо вам», —
С поклоном удалились молодые.

И обратился вновь Бабур к стихам,
Выпестывая строки золотые!

«Кто верен сам, тот верность обретет.
Мучитель чашу горьких мук испьет.
Пусть благородный избежит несчастья,
А подлого пускай возмездье ждет».

Приблизилась с цветами в этот миг
К Бабуру Масума и, улыбаясь,
Спросила: «Что стряслось у молодых?»
«Их разлучить хотят».
«Какая жалость!»

«Приезжих много, и отсюда спор
Различных представлений и традиций.
И чтобы всякий раз гасить раздор,
Приходится немало потрудиться».

«Вам это по плечу...
Не в первый раз...»
«Я ждал. Где задержались вы, родная?»
«Я знала: муза посетила вас.
Прочтите стих».
«Охотно прочитаю:

Я — соловей, ты — гордость цветника.
Я — твоего служитель маяка.
Мне страшно: вдруг пренебрежешь ты мною.
Для всех я — шах, но для тебя — слуга».

XII

В Боги Ором осенний листопад.
Поникшие цветы побило пылью.
Поэт считает, что уже закат.
В поэме жизни раскрывает крылья.

Из Андижана гости привезли
Ему в подарок солнечную дыню,
Вдохнул он аромат родной земли,
Как будто с днями встретился былыми.

Такие чувства всколыхнулись в нем,
Что шах ушел с поникшей головою
В укромный уголок Боги Ором —
Побыть наедине с самим собою.

Когда б владел я кистью Бехзада,
Картину написал бы я такую:
Прекрасный сад,
Над ним горит звезда.
Скорбит поэт, по родине тоскуя:

«Прекрасны лето и свиданья миг,
И праздники в кругу друзей своих.

Кто понял прелесть легкого вина,
Тому отрада светлая дана.

Кто сквозь преграды шел к любви своей,
Тот счастлив будет в миг свиданья с ней.

В кругу друзей своих стихи читать —
Вот истинная в жизни благодать.

Три радости — любовь, стихи, вино.
Иной, Бабур, на свете не дано».

Всем этим обладает шахиншах,
Но не находит счастья и покоя.
Одно лишь утешение — в стихах
Излить печаль и спор вести с судьбою.

И тщетно просит Хумаюн: «Ата,
Отправимся в Кабул! Оттуда — рядом —
Ждут в Хорасане вас. Ну, а тогда,
В поход на Самарканд пойдем с отрядом».

Бабур отваге Хумаюна рад.
Но не спешит с решительным ответом.
Он говорит: «Ночь на дворе. Все спят.
Давай потом поговорим об этом».

Уходит сын.

Бабур глядит во тьму,
Печально Хумаюна провожая:
«Поймешь, как тяжело сердцу моему
Знать, что тебя лишил родного края?»

Сияют ярко звезды. Тишина.
А мысль Бабура к дальнему стремится:
«Пусть не твоим владыкой, Фергана,
Хочу в твоих горах быть вольной птицей.

О, если б оказались страшным сном
Все тернии, что мне судьба судила.
Проснуться б поутру в краю родном
С душою, полной дерзости и силы!»

А ночь — свидетель мук его — темна.
Накрыла горы черным покрывалом.
И ярче всех горит звезда одна —
Звезда разлуки —
Ледяным кристаллом.

И словно подводя мытарств своих
Безрадостный итог, душой страдая,
В тетрадь раздумий записал он стих,
Которым я поэму завершаю:

«Уже не знаю многие года
Ни Родины, ни счастья, ни покоя.
За что ни брался, черная звезда

Несчастий загоралась надо мною.
По доброй воле оказавшись тут,
Неволен сам вовек уйги отсюда.
Еще какие испытанья ждут?
Что делать мне теперь?
Как жить я буду?»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дела завоевателей былых
Презрением потомки заклеямили.
Народы помнят злодеянья их,
Хоть прах владык давно истлел в могиле.

Царь Искандер семь поясов земли
Хотел своею называть державой.
Повелевал, чтоб все живое жгли
В подвластных странах, Кутейба кровавый.

Угрюмый Дарий, бешеный тиран,
Где был, рекой кровь проливал людскую.
Цветущие равнины Чингисхан
Опустошил, разграбив подчистую.

Тимур заставил содрогнуться мир
Жестокостью безмерных преступлений.
Кровавым морем заливал эмир
Малейшие попытки возмущенья.

К душе народа путь искать? — о том
Не думали жестокие владыки.
Они, корону захватив мечом,
Рассчитывали на клинки и пики.

Ни Дарий, ни Тимур, ни Кутейба
Любви народной не завоевали.
Бабура примечательна судьба:
Поэта сыном в Индии признали.
Изгнав Лули, увенчан золотой
Короною, он правил справедливо,

Поддерживал во всем народ простой,
Служа великой Индии радиво.

То, что властитель честен до конца,
Во всем добро поддерживать стремится,
Расположило чуткие сердца
Трудолюбивых, искренних индийцев.

Три века процветающей страной
Умело управляли бабуриды.
И лишь колонизаторской рукой
Свирепо было царство их разбито.

Безжалостен туманный Альбион.
Хотя индийцы воевали смело,
Но бабуридов трон был сокрушен,
И на два века небо потускнело.

Два века был колониальный гнет,
Два века небывалого разбоя,
Два века против англичан народ
Готовился к решительному бою.

И время революции пришло,
Народ индийский разорвал оковы.
И прозвучали мощно и светло
Клич Ганди, Неру солнечное слово!

...Я рад, что две великие страны —
СССР и Индия — друг другу,
Заветам уважения верны,
Протягивают дружескую руку.

И если гости в наш радушный край
Из Дели приезжают, их встречая,
Звучит: «Индиец и узбек бхай-бхай!» —
В букетах роз, в мелодиях карная.

Во время этих дружественных встреч
Не только о сегодняшних заботах,
Заходит часто о Бабуре речь,
О времени его, трудах, походах.

Да, в Индию Бабур пришел с мечом,
Но стала колыбелью всевозможных
Искусств страна великая при нем,
В разгар времен суровых и тревожных.

Бабур и Хумаюн — их имена!
Присвоила красивейшим кварталам
Своей столицы гордая страна...
Я помню, как стоял пред Тадж Махалом.

Такое чудо увидав, любой
Подумает с глубоким восхищеньем,
Какие выси покорил людской,
Умением вооруженный гений.

Прекрасные сияли купола.
Но видел раны я на дивном зданье.
Чья дикая рука их нанесла?
Гид говорит, что это — англичане.

Не пожалев достойного века!
Внушать святое удивленье чуда,
Они со стен сдирали жемчуга,
Злодейски вырывали изумруды.

Позор колонизаторам! Позор
Им, грабившим всемирную святыню!
Те чувствуют ли совести укор,
Кто краденые камни носит ныне?!

...Мост вековой дружбы возведен
Между Ташкентом солнечным и Дели.
На том мосту из глубины времен
Звучат Бабура жаркие газели.

Мост дружбы — уважения река,
Что шире, полноводней год от года.
И освещает ярче маяка.
Свет этой дружбы наши два народа.

1966—1968

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Азиз Каюмов</i>	: : : 3
Лучезарный караван. <i>Перевод Г. Регистана</i>	7
День и ночь. <i>Перевод А. Каныкина</i>	: 273

БАРОТ ТИЛЛАЕВИЧ БАЙКАБУЛОВ

ЛУЧЕЗАРНЫЙ КАРАВАН

ДЕНЬ И НОЧЬ

Романы в стихах

Перевод с узбекского

Рецензент *С. Ганиева*. Редактор *А. Липкина*. Художественный редактор *А. Кива*. Технический редактор *Э. Саидов*. Корректор *Т. Красильникова*

ИБ № 2405

Сдано в набор 21.03.84. Подписано в печать 03.08.84. Формат 70×90^{1/32}. Бумага № 3. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр. оттисков 13,01. Уч. изд. л. 12,54. Тираж 10 000. Заказ № 1661. Цена 1 р. 60 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои. 30.

Г.П. ТПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент — 129, ул. Навои, 30.